

Российская Академия Наук
Институт философии

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА**

Москва
2011

УДК 300.331
ББК 15.51
П 50

Ответственный редактор

д-р филос. наук *В.Н. Шевченко*

Рецензенты

д-р полит. наук *Н.М. Великая*

д-р филос. наук *В.И. Толстых*

П 50

Политические стратегии российского государства как философская проблема [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.Н. Шевченко. – М.: ИФ РАН, 2011. – 238 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0202-7.

Авторы коллективной монографии полагают, что сохранение российской цивилизацией своего, самостоятельного пути развития в эпоху глобализации вполне возможно и более того необходимо. Но решение вопроса о том, действительно ли существовал и существует такой вектор развития российского государства и российской цивилизации требует обращения к онтологии русской, российской истории. История возложила на Россию функцию организации пространственного хаоса, которая далеко не завершена и требует своего продолжения.

Книга предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов, а также для широкого круга читателей, интересующихся современными проблемами политической жизни страны.

ISBN 978-5-9540-0202-7

© Коллектив авторов, 2011
© ИФ РАН, 2011

Предисловие

В центре внимания научной общественности в последние десятилетия находится большой круг вопросов, связанных с реализацией и возможными последствиями предложенных обществу большого числа конкретных реформ. Среди них наиболее дискуссионными выступают примерно такие вопросы: Приведет ли избранный властью путь реформирования российского общества к преодолению его системного кризиса или, напротив, к его дальнейшему углублению? Будет ли «достройка», модернизация российского отсталого и зависимого капитализма способствовать обретению им какого-то нового качества? Станет ли этот «модернизированный» российский капитализм прочной основой жизнеспособности российского общества и российской цивилизации? В последние годы ситуация в стране и в мире в стратегическом плане не изменилась к лучшему. Системный кризис государства до сих пор не преодолен, что может поставить под вопрос само существование российской цивилизации, как одной из великих цивилизаций. Суть всех дискуссий – противостояние двух альтернативных моделей развития России, и оно продолжает развиваться в режиме обострения.

Одна из этих моделей связана с реальными намерениями власти, правящей политической элиты в целом, направить развитие страны по пути полной, органической интеграции в европейское сообщество и соответственно в западную цивилизацию. Другую политическую стратегию можно обозначить как поиск и реализацию своего, особого пути развития России, выступающего не просто в качестве альтернативы её окончательному превращению в капиталистическую страну, но и вместе с тем направленной на сохранение всего исторического своеобразия российской цивилизации. Закономерно возникает вопрос о том, насколько эти политические стратегии, предлагаемые сегодня различными социально-политическими силами, имеют прочное философское, социально-историческое обоснование, какой исторический смысл приобретают эти стратегии при сопоставлении их с реформами, проводившимися великими реформаторами нашей страны в прошлые столетия.

На первый взгляд кажется, что вопрос об особом пути развития российского государства и российской цивилизации, о том, как ставился он ранее, и как он ставится сегодня, обсуждается в общественной мысли непрерывно и затерт до неприличия. Но при более внимательном рассмотрении картина оказывается не такой простой.

Энергичное содействие правящей элитой появлению в стране бюрократически-олигархического капитализма происходило на фоне бесконечных разговоров о русской идее. Двадцать лет интеллектуальных дискуссий о русской идее, о национальной идее, об идеологии вообще и об общегосударственной идеологии, в частности, о специфике российской цивилизации и т. д., так и не повлияли сколько-нибудь заметно на политические позиции постсоветской правящей элиты, на ее либеральную, а по некоторым аспектам радикально-либеральную практическую линию. Подавляющая часть дискуссий вокруг национальной, русской идеи до сих пор, увы! не вышла за рамки духовной сферы жизни – философии, культуры, искусства. Эту ситуацию наглядно выразил один из активных участников этих дискуссий, который прямо заявил, что обсуждая русскую идею, он имеет в виду не реальные черты и особенности России и ее народа, а определенные представления об этих чертах и особенностях. Соответствуют или не соответствуют эти представления реальности, и какова эта реальность, этот вопрос он предпочитает не обсуждать. Это мол совсем другая проблема. Таков в своих основных чертах общий фон этих дискуссий.

Конечно это другая проблема. Все участники дискуссий в один голос называют высшей ценностью и главной особенностью русской ментальности и российской цивилизации в целом приоритет духовных ценностей над материальными, общего блага над индивидуальным эгоизмом, справедливости над формальным законом, подчинение экономической эффективности решению задач социального благополучия населения и демографии. Однако сегодняшняя власть каждодневно озабочена только одним, как заставить все учреждения и организации и, прежде всего, государственные – от детских садов до моргов эффективно зарабатывать деньги. Еще недавно все жители страны искренне считали важнейшей обязанностью и долгом государства давать современное образование всему подрастающему поколению.

Сегодня образование становится всего лишь услугой, за которую приходится все больше платить и нередко немалые деньги. То же самое происходит с медицинским обслуживанием населения и деятельностью учреждений культуры.

Вопрос о том, действительно ли возможен свой, особый или национальный путь развития России, относится к числу одних из самых спорных и нерешенных вопросов в российской общественной мысли. Конечно, его нельзя интерпретировать в духе оправдания любых попыток самоизоляции, автохтонного развития страны. Это сегодня невозможно. Речь идет о другом.

Если вдруг оказалось, что российская цивилизация как великая цивилизация (а до недавних пор это считалось аксиомой) свою историческую миссию, свое историческое предназначение выполнила, тогда понятно, почему сегодня правящая элита демонстрирует сознательный отказ от цивилизационного своеобразия России, отказ от «называния» ее великой цивилизацией, а страны – великой Россией.

Теперь правящая элита говорит о том, что Россия есть часть европейской цивилизации, но она, к сожалению, не проговаривает до конца последствия такого «переименования». Если свое историческое предназначение российская цивилизация как особая цивилизация выполнила, то действительно трудно найти аргументы для обоснования ее нынешних претензий на свой собственный путь. Все разговоры об особом пути развития утрачивают свою значимость, становятся излишними. Исторические последствия весьма предсказуемы – великая цивилизация уходит в прошлое. Она рассыпается территориально, исчезает, несмотря на все рассказы о великих свершениях государства в прошлом, о выдающихся людях России. Поэтому сегодня главная предпосылка, которая должна предшествовать любого рода обсуждениям политических стратегий, должна состоять в одном. Та или иная политическая стратегия должна быть жестко и однозначно направлена на защиту территориальной целостности Российской Федерации, которая сегодня подвергается самым серьезным испытаниям с непредсказуемым исходом. Но все сказанное не отменяет главного. Вопрос в том, действительно ли российская цивилизация исчерпала себя, выполнила свое историческое предназначение? Или не исчерпала? А если нет, то в чем оно заключается?

Авторы монографии исходят из твердого убеждения, которое положено в основу проведенного ими исследования, что сохранение своего пути у российской цивилизации возможно и необходимо. Но позитивное решение вопроса о том, действительно ли существовал и существует этот особый, альтернативный путь развития российского государства и российской цивилизации требует обращения к онтологии русской, российской истории, обнаружения институциональных первооснов российского государства и российской цивилизации, которые только и могут указать на глубинную детерминацию вектора исторического развития государства. Без такого анализа все рассуждения о необходимости сохранения Россией своего особого пути окажутся благими пожеланиями, лишенными доказательности, конкретных аргументов.

Одной из ключевых научных проблем в монографии явилось изучение Московского царства как эпохи первоначального формирования альтернативных политических стратегий российского государства. Эпоха Московского царства предстает как период радикального исторического выбора в российском развитии, когда были заложены осевые структуры современной модели коллективного сознания нации, и, в первую очередь, алгоритма или матрицы властвования. Поворотным пунктом, точкой бифуркации в расхождении России и Западной Европы явился период позднего средневековья и начала нового времени, когда Россия и Западная Европа начинают развиваться все более несинхронно.

Именно в эту эпоху складывается та специфическая черта, обусловившая уникальность российской цивилизации, её отличие от других цивилизаций, также по-своему уникальных. Русская, российская цивилизация носит с самого начала ее становления (с XIV в.) государствоцентричный характер. В качестве доказательства в книге подробно разбирается теоретическая модель матрицы русской государственности (моновласть), которая сначала формирует российскую цивилизацию, а затем они во все большей мере начинают взаимно обуславливать развитие друг друга.

Освоение Россией бескрайнего евразийского пространства, собирание Больших Пространств начинается в отличие от других великих цивилизаций лишь на исходе средних веков, продолжается на протяжении последних столетий и потому приобретает для России особый смысл. История возложила на Россию функцию

организации пространства, внесение порядка в пространственный евразийский Хаос. Это внесение порядка становится её историческим предназначением, которое не было каким-то рациональным выбором и не было навязано извне. Методологическая значимость этого вывода подробно показывается в работе. Российскую власть с этих позиций можно рассматривать как структурную связность пространства. Его удержание и развитие становится смыслом бытия российской власти в её цивилизационном измерении.

Еще одна важная проблема, к которой обратились авторы монографии – это кризис современного российского обществознания. Современные социально-исторические представления о российском обществе представляют собой весьма пестрое и противоречивое образование. По-прежнему справедливы слова, сказанные почти тридцать лет назад тогдашним руководством страны о том, что мы не знаем общества, в котором живем. Понятия европейских социальных наук и сегодня плохо работают во всем, что касается понимания и объяснения российского общества. Его системный кризис и показывает, что западноцентризм в своем прежнем виде, прежде всего, в виде классических – либеральной и марксистской – теорий, т. е. в том виде, в каком они существовали в эпоху индустриального общества, плохо объясняет специфику современного российского общества. В лучшем случае речь в них может идти о некоем нормативном образе будущего общественного устройства, с которым следует соотносить властные политические практики. Но и это сегодня неочевидно.

В книге говорится о том, что в последнее время были сделаны многочисленные попытки привлечь к объяснению постсоветского общества современные методологии. Господство методологий в 90-е гг. прошлого века и в первое десятилетие нынешнего века остается неоспоримым и, прежде всего, синергетики, которая стала в последнее время считаться даже больше чем общенаучная методология. Немало авторов всерьез говорят о том, что синергетика истории теперь должна придти на место классической философии истории. Многие детали и тонкости исторического процесса, несомненно, оказались лучше понятыми с позиций синергетики, но она мало чем помогла в понимании глубинных основ истории, в том числе и российского общества, её сущностного своеобразия. Наметился ощутимый разрыв между методологией и теорией в со-

циальном познании. В работе поддерживается позиция известного историка А.И.Фурсова, который неоднократно говорил о необходимости нового типа социально-исторического и гуманитарного знания, который в полной мере отражал бы русский опыт, ценности и интересы. Как следует из такой постановки вопроса, проблема не сводится к поиску и созданию новых понятий, хотя это тоже важно, и что также подчеркнуто в монографии.

В монографии отмечается происходящий в отечественном обществознании поворот от методологии к онтологии. Конечно, разделение на методологию и онтологию условно, они составляют единство в процессе научного поиска. Когда предметная область конкретной науки достаточно строго определена, тогда применение различных взаимодополняющих методологий дает зримый полиэкранный эффект. Но когда применяемые методологии не дают удовлетворительных ответов, тогда встает серьезная научная задача создания новой социально-исторической теории, в нашем случае, применительно к российскому обществу и его истории. Новое понимание предметной области, другими словами, создание новой онтологии с неизбежностью вызывает поиск и определение методологий, адекватных новому пониманию предметной области науки. Многие из тех методологий, которые казались ранее бесплодными, могут оказаться весьма перспективными и эвристически ценными.

Другой аспект этой проблемы, рассмотренный в монографии, как раз и связан с поиском новых эвристических подходов. Согласно точке зрения, высказанной в монографии, следует внимательнее присмотреться к тому, что называется конспирологическим подходом. Оказалось, что он способен обнаружить сокрытые от посторонних глаз некоторые важные детерминанты поведения власти, в нашем случае, правящей элиты российского государства в поворотные моменты его истории, как в далеком, так и в недавнем прошлом. Эти детерминанты, как правило, не попадают в поле зрения академических исследований в социально-исторической сфере знания. Рассмотренный в книге подход помогает выявить сходные алгоритмы исторических событий, относящиеся к разным историческим эпохам, а, значит, он обладает потенциалом прогнозирования и выявления тех неясных сил и позиций, которые оказывают негативное так, или иначе, влияние на ход исторических событий.

Сегодня проблема явного и скрытого, тайного в детерминации, в определении истинных намерений политической власти становится одной из самых актуальных и значимых теоретических проблем. В современной научной литературе наметилось изменение отношения к такого рода исследованиям. Вместе с тем авторы монографии отчетливо понимают те опасности, которые подстерегают ученых при рассмотрении огромного массива литературы, посвященного обнаружению тайных заговоров и организаций, раскрытию разного рода документальных подделок и мистификаций и т. д.

Внимание читателей книги, несомненно, привлечет сравнительный анализ современных политических стратегий в российском и китайском социально-политическом пространстве. Показаны важные черты политической стратегии китайского руководства, которые раскрываются в её системном характере, в строгой координации деятельности различных структур власти.

В ходе становления нового этапа «китаизации» марксизма, начавшегося после завершения «культурной революции» в конце 70-х гг. XX в., постепенно растет интерес со стороны партийных идеологов к традиционным духовным ценностям и, прежде всего, к идеям конфуцианства. Этот интерес носит долговременный и целенаправленный характер, который еще предстоит исследовать отечественной науке.

Приведенные в монографии аргументы и доказательства позволяют утверждать, что историческое предназначение российской цивилизации сегодня остается не выполненным. Российская цивилизация есть незавершенный проект, и главную опасность для дальнейшего её становления представляет растущее информационное, экономическое, политическое, культурное давление со стороны глобального капитализма Запада. Об этих опасностях, угрожающих стране, подробно говорится на страницах монографии, они должны быть в полной мере приняты во внимание, в первую очередь, правящей элитой страны при определении ею современной политической стратегии, будущего всей России.

В работе сделан особый акцент на том, что необходимо изменить ретроспективное изложение московского, имперского, советского периодов истории страны, ведь это следующие один за другим этапы непрерывного становления российского государства. Нужен позитивный взгляд на его историю. Сегодня подлинно на-

учная рефлексия над прошлым становится важнейшим средством проектирования будущего. Нельзя изображать исторический путь, пройденный страной, как сплошную цепь ошибок, преступлений, как некий эксперимент, поставленный над людьми и которые его не оправдали. В реальной истории нельзя создать совершенного общества, но можно выявить вектор развития страны, ведущий по пути постепенного совершенствования общества, реализации ценностей российской цивилизации. Но для его выявления необходимо найти правильный баланс между минусами и плюсами отечественной истории. Авторы монографии отчетливо осознают, что многие их суждения и выводы носят неокончательный характер и требуют дальнейшего обсуждения и уточнения.

Настоящей пятой монографией завершается разработка темы «Власть, политика, общество в современном мире: теория и методология анализа», которую разрабатывал сектор на протяжении последних лет. Остается назвать все пять монографий, выпущенных сектором философских проблем политики, в порядке их выхода из печати:

1. Жизнеспособность российского государства как философско-политическая проблема. М., ИФРАН, 2006;
2. Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни. М., ИФРАН, 2008;
3. Антропологическое измерение российского государства. М., ИФРАН, 2009;
4. Современное государство, социум, человек: российская специфика. М: ИФРАН, 2010;
5. Политические стратегии российского государства как философская проблема. М., ИФРАН, 2011.

Представляют также интерес материалы, показывающие, какой продуманной выступает политика в отношении недавнего прошлого и связанных с ним трагических событий, оценки деятельности руководителей КПК, прежде всего, Мао Цзэдуна.

В.Н. Шевченко

Вектор развития российской цивилизации и политические стратегии власти

К постановке проблемы

Россия на протяжении последних двадцати лет переживает один из самых сложных периодов в своей истории – системный кризис общества как целостной системы, неэффективность государственного управления, разрушение системы ценностей, падение нравственности и личной ответственности во всех сферах общественной жизни. Несмотря на определенные усилия со стороны власти, кризис до сих пор не преодолен. Он имеет много аспектов. В частности, это растущие угрозы национальной безопасности по многим важнейшим параметрам жизнеспособности государства, которые гораздо выше предельно критических величин. Это неэффективность государственного управления, вина за которую целиком лежит на бюрократии – непрофессиональной, коррумпированной, безответственной. Это недопустимо высокий уровень открытости экономики страны как страны периферийного капитализма, ставшей частью мировой экономической системы капитализма и никак не защищенной от разрушительных ударов мощных волн финансово-экономического кризиса. Но, прежде всего, системный кризис означает, что подвергаются серьезной опасности разрушения исторически сложившиеся базовые основания российского общества, российской цивилизации в целом.

Как-то незаметно ушли в прошлое беспредметные рассуждения о переходном периоде российского общества. Ныне в России сложилась некая форма капитализма, характеристики которого в печати не отличаются богатством и разнообразием.

Этот капитализм называется бюрократическим, олигархическим, криминальным, и каждый автор расставляет здесь приоритеты по-своему. Вполне научной характеристикой капитализма можно считать его характеристику как периферийного капитализма, а, следовательно, зависимого и отсталого. Впрочем, власть уклоняется от официальных характеристик общественно-экономического строя страны. О причинах подобного уклонения подробно говорится в нашей статье «Модернизация или национальный путь развития России?»¹.

Сегодня в центре внимания многочисленных обсуждений оказываются возможные последствия предложенной обществу программы модернизации. Каковы долгосрочные перспективы у российского государства и общества, ведет ли сделанный властью выбор пути модернизации общества к преодолению системного кризиса или к дальнейшему его углублению, приведет «достройка», модернизация российского отсталого и зависимого капитализма к обретению им нового качества? Станет ли этот «модернизированный» российский капитализм прочной основой жизнеспособного российского общества и российской цивилизации?

На первый взгляд кажется, что вопрос об особом, национальном пути развития российского государства и российской цивилизации, о том, складывался ли он в прошлые столетия, и как он возможен сегодня, обсуждается непрерывно и затерт до неприличия. Но при более внимательном рассмотрении картина оказывается не такой уж простой.

Энергичное созидание властью, на мой взгляд, бюрократически-олигархического капитализма происходило на фоне бесконечных разговоров о национальной идее. Двадцать лет интеллектуальных дискуссий о русской идее, о национальной идее, об идеологии вообще и об общегосударственной идеологии, в частности, о специфике российской цивилизации, так и не повлияли сколько-нибудь заметно на политические позиции постсоветской правящей элиты и на ее практическую линию. Все участники дискуссий в один голос называют высшей ценностью и главной особенностью русской ментальности и российской цивилизации в целом приоритет духовных ценностей над материальными, общего блага над индивидуальным эгоизмом, справедливости над формальным законом, подчинение экономики решению социальных задач. Однако

сегодняшняя власть каждодневно озабочена только одним, как заставить все учреждения и организации и, прежде всего, государственные – от детских садов до моргов эффективно зарабатывать деньги. Еще недавно все жители страны искренне считали важнейшей обязанностью и долгом государства давать современное образование всему подрастающему поколению. Сегодня образование становится всего лишь услугой, за которую приходится все больше платить и нередко немалые деньги. Но ведь воспитательные цели образования ни в коей мере не могут быть подведены под то, что чиновники называют образовательной услугой.

Подавляющая часть дискуссий вокруг национальной, русской идеи, к сожалению, не выходит за рамки духовной сферы жизни – философии, культуры, искусства. Весьма знаменательным выглядит замечание Э.Баталова, автора одной из работ, подводящей некоторые итоги обсуждения русской идеи в последние десятилетия. «Говоря о Русской идее как о мифе, я имею в виду не реальные черты и особенности России и ее народа, не реальные черты и особенности русского национального характера, а определенные, исторически сложившиеся в обществе представления об этих чертах и особенностях, которые живут собственной жизнью. ...Соответствуют или не соответствуют эти представления реальности и какова эта реальность – об этом речи в книге не идет»². Непреходящая острота дискуссий о национальной идее свидетельствует о том, что до сих пор эта реальность остается непонятой. Ведь спор о русской идее, это не академический спор. Это не спор о прошлом, это спор о будущем России. Но в подавляющем большинстве работ академического характера спор не идет о том, какова же эта реальность – российское общество и российская цивилизация. Удивительная ситуация!

Для одних авторов все эти споры о русской идее действительно остаются в прошлом. В начале перестройки возникшие неизвестно откуда радикальные либералы заговорили о возвращении тогда ещё Советского Союза в мировую цивилизацию. Новое государственное образование, Российская Федерация, вернулось в цивилизацию, а ее советский период отечественной истории выглядит в глазах радикальных либералов чуть ли не «черной дырой» в полном соответствии с известными оценками З.Бжезинского. По мнению значительной части правящей элиты, сегодняшняя Россия

есть неотъемлемая часть европейской цивилизации. А раз так, то, как нередко пишут западные журналисты, Западу далеко не безразлично, какова ситуация в России, и он несет ответственность за положение дел в стране, ее стабильность и развитие. Другими словами, речь идет о некоем принуждении России следовать в фарватере западной политики, идеологии, о дальнейшей интеграции в западную глобальную систему связей, отношений и ценностей.

Вопрос о том, действительно ли возможен в нынешних условиях свой, особый или национальный путь развития России, относится к числу одного из самых спорных вопросов в российской общественной мысли. Разумеется, нельзя его интерпретировать в духе оправдания любых попыток самоизоляции, автохтонного развития страны. Это сегодня невозможно. Речь идет о другом.

Если российская цивилизация как великая цивилизация (и до недавних пор это считалось аксиомой) свою историческую миссию, свое историческое предназначение выполнила, тогда понятно, почему сегодня правящая элита демонстрирует сознательный отказ от цивилизационного своеобразия России, отказ от «называния» ее великой цивилизацией, а страны – великой Россией. Теперь правящая элита говорит о том, что Россия есть неотъемлемая часть единой европейской цивилизации, но она, к сожалению, не проговаривает до конца последствия такого «переименования». Если свое историческое предназначение российская цивилизация выполнила, то действительно трудно найти доказательные аргументы для обоснования претензий страны следовать и далее по-своему, особому пути развития. Все разговоры о нем утрачивают свою значимость, становятся излишними. Исторические последствия весьма предсказуемы – великая цивилизация уходит в прошлое. Она рассыпается, исчезает, несмотря на все рассказы о великих свершениях государства в прошлом, о выдающихся людях России.

Вопрос о том, действительно ли возможен особый национальный путь развития России, относится к числу одного из самых спорных. Нам представляется, что сохранение российской цивилизацией своего особого пути возможно и необходимо. Но помимо такого пристрастной точки зрения нужно ещё показать, что и ранее, и сегодня реально возможно дальнейшее следование российской цивилизации по своему, особому пути. Зримая очевидность проблемы несомненна. В современных условиях все вели-

кие цивилизации (Китай, Индия, Бразилия, Иран, исламский мир, Европейский Союз), так или иначе, определились относительно следования по своему пути цивилизационного развития. Оно продолжится, несмотря на все усилия сторонников нового мирового порядка, ратующих за скорейшее его установление и заметно преувеличивающих масштабы становления единого глобального мира.

Так что проблема национального пути – это не просто проблема выбора. Это вопрос об историческом предназначении великой России без всяких ссылок на разные мистические свидетельства. Решение вопроса о том, действительно ли существовал и существует этот особый путь развития российского государства и российской цивилизации требует обращения к онтологии русской, российской истории, обнаружения первооснов российского государства, которые только и могут указать на глубинную детерминацию вектора исторического развития государства. Без такого анализа рассуждения о необходимости выбора другой политической стратегии правящей элиты, более соответствующей природе российской цивилизации, оказываются благими пожеланиями, лишёнными доказательности, конкретных аргументов.

Интеллектуальная история развития русской идеи – это особая область философских исследований. В настоящей статье пойдет речь о реально историческом процессе и векторе его развития, о смысле выбора российской властью той или иной политической стратегии на различных этапах истории в течение последних столетий и последствиях этого выбора для страны и цивилизации в целом.

В частности, необходимо изменить ретроспективное изложение московского, имперского, советского периодов истории страны, ведь это этапы непрерывного процесса становления российского государства. Важно формировать сегодня позитивный взгляд на историю российской цивилизации. Хорошо известна официальная идеологическая картина недавнего советского общества, в которой присутствовали лишь отдельные недостатки, подлежащие скорому устранению. А сегодняшняя радикально-либеральная пресса объявляет Советский Союз буквально «преступным государством».

Нет никаких оснований для того, чтобы изображать исторический путь, пройденный страной, как сплошную цепь ошибок, преступлений и экспериментов, поставленных над людьми. Такая позиция представляет собой опасное и преступное манипу-

лирование человеческим сознанием. В реальной истории нельзя построить совершенное общество, но можно выявить вектор развития, направленный при всех изломах истории на постепенное совершенствование российского общества, и для этого нужно найти правильный баланс в изложении минусов и плюсов отечественной истории.

Не предваряя результатов исследования, мы здесь заметим, что по каким-то причинам российское общество не принимает капитализм именно как целостную общественную систему, его антикапиталистичность просто бросается в глаза при рассмотрении исторического процесса последних пяти-шести столетий. Становление своего, национального пути России не означает тупика изоляционизма, а наоборот, оно всегда было связано со стремлением страны включиться в мировую историю, но на правах самостоятельного полноценного субъекта истории, а не государства отставшего, зависимого капитализма, а тем более полукolonии. В этом и есть вся проблема.

О сложностях современного познания российского общества и государства

Кризис современного российского обществознания сегодня очевиден как одна из граней общего системного кризиса российского общества.

Современные социально-исторические представления о российском обществе представляют собой весьма пестрое и противоречивое образование.

Понятия европейской науки плохо работают во всем, что касается российского общества. Его кризис как и показывает, что западнoцентризм в своем прежнем виде – в виде классических либеральной и марксистской теорий, в том виде, в каком они существовали в эпоху индустриального общества, плохо объясняет специфику сегодняшнего российского общества. В лучшем случае это некий нормативный образ общественного устройства, с которым следует соотносить активные политические и иные практики. Впрочем, и это сегодня не очевидно. Что касается отечественных авторов, исповедующих евразийские взгляды, то говорить о

социально-исторической теории в строгом смысле слова пока не приходится. Скорее всего, это есть попытки философского описания евразийского мироощущения. К примеру, можно указать на семь смыслов евразийства в XXI в., отмеченных известным евразийцем А.Г.Дугиным³.

Были сделаны многочисленные попытки привлечь к объяснению постсоветского общества современные методологии. Господство методологий в 90-е гг. прошлого века и в первое десятилетие нынешнего остается неоспоримым и, прежде всего, господство синергетики, которая стала в последнее время считаться не только общенаучной, но и философской методологией. Немало авторов всерьез пишут о том, что синергетическая философия истории теперь должна придти на место прежней, классической философии истории. «С точки зрения синергетической философии истории, пишут, к примеру, В.П.Бранский и С.Д.Пожарский, – «смысл истории» никоим образом не ограничивается решением столь узких задач». (Узкими задачами авторы считают «потребность выживания человечества» и «потребность роста материального благосостояния как можно более широких слоев населения».) Оказывается «смысл истории» состоит в движении к суператтрактору, и т. д. связан с формированием сверхчеловека и сверхчеловечества (суперменез)»⁴. На самом деле, никакой новизны с точки зрения философского смысла истории язык синергетики не открывает и вряд ли может открыть (разве только помочь понять отдельные стороны исторического процесса). Но он дает авторам прекрасный повод, опираясь на законы синергетики, говорить о всемирно-историческом значении рыночной экономики и реабилитации, как пишут авторы, морального облика капитализма и поднятия его «на должную высоту».

В работах подобного рода вопросы применения новейших методов полностью доминируют над теорией, делают ее ненужной, просто полем безоглядного применения метода. В общем, наметился серьезный разрыв между методологией и теорией в отечественном социально-историческом познании.

Можно согласиться, с некоторыми оговорками, с А.И.Фурсовым в том, что «нам необходим безжалостно честный по отношению к самим себе новый тип социально-исторического и гуманитарного знания, отражающий русский опыт, ценности и интересы»⁵. Важно

подчеркнуть, что эта проблема не сводится лишь к поиску и созданию новых понятий. Вообще говоря, корпус современных понятий чрезвычайно обширен, и дело не столько в понятиях. К примеру, С.Кордонский сознательно противопоставляет себя традиции и говорит, что он пытается «применить для описания имперского, советского и современного российского общества сословное представление о социальной стратификации и показать, что сословия – а не классы – в России были, есть и в предвидимом будущем останутся основными элементами актуальной социальной структуры»⁶. Фактически он создает новое описание российского общества с помощью существенного изменения прежнего смысла известных понятий, создания новых гибридных понятий, таких как ресурсное государство, административный рынок и ряда других. Но эти понятия эффективно и содержательно «работают» только в рамках созданной им теории, строго определяющей предметную область научного исследования.

Сегодня все явственнее ощущается происходящий в отечественном обществознании поворот от методологии к онтологии. Конечно, разделение на методологию и онтологию условно, они составляют единство в процессе научного поиска. Когда предметная область конкретной науки достаточно строго определена, тогда применение различных взаимодополняющих методологий дает зримый полиэкранный эффект. Но когда применяемые методологии не дают удовлетворительных ответов, тогда встает серьезная научная задача создания новой теории, в нашем случае, применительно к российскому обществу и его истории. Новое понимание предметной области, другими словами, создание новой онтологии с неизбежностью вызывает поиск и определение методологий, адекватных новому пониманию предметной области науки. Многие из тех методологий, которые казались ранее бесплодными, могут оказаться весьма перспективными и эвристически ценными.

Поворот к онтологии социально-исторической теории российского общества важно правильно осмыслить с точки зрения современной метафизики истории человеческого общества. Сегодня происходит решительная переакцентировка в ее понимании. А.П.Огурцов верно замечает, что «если прежняя метафизика истории исходила из поиска тождества в многообразии, инвариантной смысловой структуры, присущей всем цивилизациям,.. то

новая метафизика истории призвана осмыслить многообразные конфигурации смысла в разных культурных и социальных системах, фиксировать многообразие человеческой жизни в истории, онтологические различия бытия человека в общинах, обществах и культурах. Метафизика становится анализом онтологических дифференциаций, своеобразия социокультурного бытия»⁷. В современных условиях нужно обратиться к решению онтологических проблем истории российского государства и российской цивилизации, метафизики российской истории. Уместно здесь заметить, что в последнее время происходит нарастание процессов регионализации социально-исторического и гуманитарного знания. Европейская (западноевропейская), российская, восточные цивилизации – имеют свои цивилизационные матрицы, свою историю и свою роль в истории, которыми они отличаются друг от друга. Цивилизации требуют для своего объяснения и описания различных теоретических построений, которые вряд ли можно в современных условиях свести к единой обобщающей содержательной теории, хотя понятийный аппарат в значительной мере остается одним и тем же, но суть дела здесь не в понятиях.

Сегодня нужно философское знание не просто о России, а о мировой истории и месте в ней России, о результатах взаимодействия ее с миром в течение последних пяти-шести столетий, когда закончился период локальных историй, и история начинает носить с тех пор всемирный характер.

Государствоцентричность российской цивилизации

Наиболее важной и отличительной чертой, обуславливающей уникальность российской цивилизации, её отличие от других цивилизаций, также по-своему уникальных, выступает ее государствоцентричный характер. Такая постановка вопроса нередко вызывает возражения, поэтому здесь нужны соответствующие пояснения.

Процессы становления российского государства и российской цивилизации это разные, хотя исторически тесно связанные между собой процессы. История русской государственности, которой в 2012 г. исполнится 1150 лет, может рассматриваться в качестве предыстории становления собственно российской цивилизации.

Последняя начинает складываться примерно с XVI в. на основе русской цивилизации, духовно-ценностные основы которой были заложены в результате принятия христианства на Руси. Обычно о цивилизациях говорят как о большой общности людей, большой совокупности этносов, которые связываются воедино религиозно-культурной традицией. На этой идее, собственно говоря, и построен цивилизационный взгляд на историю человечества. Но нужно еще добавить, что всякая великая цивилизация, претендующая на самостоятельную роль в истории, в ходе своего многовекового становления формулирует, развивает, обогащает свой цивилизационный миф. Его необходимость состоит в том, что он несет людям некие понятные для них смыслы жизни как индивидуальные, так и коллективные. Цивилизация призвана реализовать на земле великую гуманистическую идею общего блага, справедливого устройства общества, высоконравственного человека, одним словом, показать в этом отношении пример другим цивилизациям. Таков способ исторического бытия каждой цивилизации, которая стремится доказать свои претензии на свое историческое величие и вместе с тем на универсальность ее примера. Как только цивилизация отказывается от своего исторического предназначения, она рассыпается и уходит с исторической арены.

В более широком плане сложившаяся цивилизация представляет собой сложную локальную социо-природную систему, в которой связаны воедино, по крайней мере, пять сред: материально-технологическая, этническая, природно-климатическая, демографическая и культурно-религиозная среды.

XVI–XVII вв. – время расцвета русской цивилизации. С начала XVII в. начинает стремительно прирастать новыми территориями и постепенно к концу правления Петра I приобретает признаки российской цивилизации. Русская цивилизация при всех перипетиях отечественной истории остается ядром российской цивилизации, которая и сегодня не утратила этого ядра. Быстрый рост российской цивилизации нельзя объяснить только стремлением русских дойти до крайнего предела земли.

До татаро-монгольского нашествия Киевская Русь развивалась в том же русле исторических перемен, что и вся остальная Европа. Перелом в векторе развития произошел в результате почти 250-летней оккупации страны татаро-монгольской Ордой.

В результате весьма сложных отношений между русскими княжествами возникает московское царство (русское централизованное государство) с присущей ему особой матрицей, возникает русская цивилизация. Отличительная её черта, конституирующий признак – это государствоцентричная цивилизация.

Из всего многообразия черт мы примем во внимание в дальнейшем две наиболее отличительные особенности русского (российского) государства: власть и пространство. Речь идет о нормативном образе власти, идеально-типической его модели, а не о конкретных формах проявления и многочисленных исторических отклонениях от этого нормативного образа в годы того или иного правителя.

Первая особенность. В русском государстве возникает новый тип власти – самовластье, что делает государственный строй стоящим совершенно особо в истории в сравнении с государствами как Запада, так и Востока. Само понятие имеет древнюю историю и восходит к библейским текстам. То, что в истории общественной мысли русская (российская) власть последних столетий обозначена как самовластье, никакого секрета нет. Всем известны пушкинские слова: «Россия вспрянет ото сна, и на обломках самовластья напишут наши имена!»⁸ Также весьма богата литература по различению самодержавия и самовластия.

Описание причин и смысла русского самовластья давали многие историки, философы, писатели прошлых веков. В последние два десятилетия вновь возник большой интерес к этой проблеме. Среди историков последних десятилетий Ю.Н.Афанасьев однозначно и весьма негативно оценил эту черту русской власти, что дало ему основания всю российскую историю описать в предельно мрачных тонах. (К примеру, XX век – чума для России.) «Про русскую власть можно с полным основанием сказать, что она в своем роде уникальна и её вполне можно величать с заглавной буквы... Она и демиург, и душитель. Величаявая и никчемная»⁹. В.М.Межуев также неоднократно обращался к теме самовластья, которое для него является синонимом «не беззакония, а власти, наделенной по закону практически неограниченными полномочиями»¹⁰. Наиболее взвешенную позицию занимает А.И.Фурсов, который в своих работах обстоятельно вскрыл причины ее появления и столь длительного и устойчивого существования в русской истории. Он отмечает, что такого рода власть могла возникнуть

при чрезвычайных обстоятельствах, но, раз возникнув, она придала уникальный характер государству, принципиально отличный от европейских монархий и азиатских деспотий. Появление самовластья не было исторической неизбежностью, но так сложились конкретные обстоятельства, которые и привели с необходимостью к ее утверждению¹¹.

Причины появления особого характера у русской власти, уходят своими корнями во времена ордынского ига. Русский князь получал ярлык на княжение от ордынского хана. Это означало, что основа его легитимности находилась за пределами его княжества. При Иване Грозном самовластье начинает приобретать сложившиеся формы. Великокняжеский режим, как сочетание боярской власти и вечевой, меняется на царский. Царь становится единственным источником власти и закона. Он отвечает только перед Богом и уже в силу этого приобретает сакральный характер. Иван Грозный ссылается на слова апостола Петра: «Всякая душа да повинуется владыке, власть имеющему, нет власти, кроме как от Бога: тот, кто противит власти, противится божьему повелению»¹².

Здесь следует дать одно пояснение. Поскольку речь идет о нормативной модели российской власти, то русская власть как самовластье проявляет себя по разному и в разной степени на протяжении столетий. Русское самовластье есть произвол самодержавной власти, и, следовательно, имеет смысл говорить в норме о единоличной самодержавной власти, которая постоянно срывается в произвол, этот произвол становится исторически проявленным и значимым и потому нередко также принимается за норму. Право самодержавия основано на правде. Там, где кончается правда и начинается неправда, там кончается право и начинается самовластье. Правда есть духовно-этическая категория и тогда, если иметь в виду царскую и императорскую Россию, вся надежда на ограничение самовластья могла еще связываться с деятельностью церкви. Но с того момента, когда церковь полностью становится при Петре I государственным учреждением, значительных сил, способных сдерживать самодержавную власть от произвола нет. Решение вопроса о том, пойдет ли страна в «правильном» направлении или нет, зависит теперь только от мудрости правителя. Самовластие становится постоянной формой проявления русской моновласти (самодержавия), хотя дальнейшее развитие страны

вновь порождает социальные силы, противостоящие самовластию. Этими силами становятся бюрократия, а впоследствии интеллигенция, как заместитель института гражданского общества в отсутствие последнего.

Апелляция к традициям здесь мало что проясняет, поскольку самовластью отвергает традиционные механизмы регуляции власти. В этом важное отличие природы русской власти от власти в других цивилизациях, например, в китайской, когда правитель с давних времен, о чем пишет уже Конфуций, ограничен в своих действиях сложившейся задолго до него ритуалом, традицией. «Когда правитель любит ритуал, ему легко повелевать народом»¹³.

Такова сущность русской власти, которое начинает определять на долгие столетия всю жизнь государства, его властно-управленческого аппарата, специфику поведения мыслящей части общества, проникает в культуру русской (российской) цивилизации.

Наиболее характерная сторона самовластья – волюнтаризм. Власть выступает как единственный субъект, могущий в любое время принимать любое решение, игнорировать при этом другие мнения и позиции. С ведома высшей власти могут организовываться и действовать другие субъекты власти, но они не могут быть поставлены в сравнение по своему властному весу с этой ничем неограниченной властью. Отсюда высокий уровень зависимости власти всех уровней от власти первого человека и его ближайшего окружения, от тех, кто действует от его имени. И потому при такой мощной властно-административной системе управления политическая, публичная сфера политической жизни, возникающая в более поздние времена, всегда остается неразвитой, в постоянно зачаточном состоянии.

Власть в любой момент может не подчиниться законам и установлениям, нередко ею же принятыми, складывающимся нормам поведения, как только она сочтет это необходимым для реализации появившихся у нее планов. Поскольку власть носит сакральный характер, то она имеет полное право считать себя выше любого закона, быть над законом. Особость или загадка власти состоит в ее непредсказуемости.

Отсюда проистекает слабый и несамостоятельный характер институциональных учреждений власти. Они не выступают как полноценные институты. С тех пор и по сегодняшнее вре-

мя их стали называть квазиинститутами, и т. д., квазиимперия, квазидемократия, квазипарламент, квазигражданское общество, квазирынок, квазисоциализм и т. д., поскольку все эти учреждения оказываются несовместимыми с принципами самовластного правления первого лица. Все в этом государстве приобретает специфическое содержание – русская бюрократия, которой была посвящена отдельная работа автора статьи¹⁴, сословная структура имперской России и советского общества, механизмы социальной мобильности, в основном принудительного характера. Оказывается, и всё воспринятое из другого, западного общества в России приобретает неправильные формы, и тому виной ни власть, ни национальные черты характера. «Натягивание» чужой теории и чужой категориальной сетки на российскую действительность нередко приводит к полному смысловому коллапсу в понимании собственной жизни. Впрочем, француз А.Кюстин сетовал по этому поводу: «у русских есть лишь названия всего, но ничего нет в действительности. Россия – страна фасадов»¹⁵ (и потому крайне негативно оценивал всё, с чем ему приходилось сталкиваться в стране).

Власть как волюнтаризм, как проявление свободной политической воли может быть революционной и реакционной, и т. д. свободно переходить из одной ипостаси в другую. Другими словами, погружать страну в застой, отбрасывать назад или, наоборот, ввергать в водоворот революционных реформ. А.И.Фурсов прав, когда говорит, что «надзаконность – это перманентная, застывшая революционность»¹⁶.

Вторая особенность русской власти – это в значительной степени скрытый, тайный характер власти. История демонстрирует огромное количество тайных комиссий и секретных комитетов, особенно в периоды значительных преобразований, что освобождает ее фактически от любого контроля. Закрытый характер органично присущ власти. Открытый характер власти затрудняет ее самовластное правление, поэтому она всячески стремится скрыть волюнтаристские свои замыслы под тайной завесой.

Политическая целесообразность принимаемого решения возводится при такой власти на огромную высоту, и любое решение, даже если оно противоречит ранее принятому, может быть обосновано ссылками на изменившиеся обстоятельства. Остается

лишь верить всякий раз, когда власть убеждает население в том, что наконец-то принято правильное решение, а предыдущее решение по данному вопросу было неправильным. Кажется, именно эту сторону российской жизни имел в виду Тютчев, когда сформулировал свой афоризм: «В Россию можно только верить». Ни в одной другой системе государственной власти благополучие или невзгоды народа, страны в целом так не зависят от личных качеств правителя как при самовластье, от его интеллекта, нравственных качеств, а главное, от его умения мыслить концептуально, а значит стратегически.

Происхождение и укрепление самодержавной власти (а, стало быть, и самовластья) связано также с непреходящими особенностями русской хозяйственной жизни, которые и сегодня также не утратили своего значения. Пространственный хаос можно было организовать только через надежно действующий хозяйственный механизм. Тип экономики, вполне сложившийся в России – это раздаточная экономика (термин «раздаток» энергично отстаивает известный ученый О.Э.Бессонова¹⁷ или редистрибутивная экономика (термин, введенный англо-американским ученым К.Поланьи в его ставшей классической работе «Великая трансформация»¹⁸), типологически отличная от рыночной экономики.

В современной общественной мысли считается общепризнанным наличие двух мировых типов экономик, принципиально не сводимых друг к другу. Так, С.Г.Кирдина, один из самых известных авторов по теории российских институциональных матриц, в работе «**X- и Y-экономики. Институциональный анализ**» убедительно показала, что многовековое взаимодействие этих двух типов экономик не привело к их конвергенции¹⁹. Сегодня общепринято говорить о двух типологически различных системах институциональных матриц.

Каждая из них входит в некоторую целостную совокупность базовых институциональных матриц, посредством которых обеспечивается воспроизводство конкретного общества. Главной функцией каждой базовой институциональной матрицы выступает регулирование отдельной, той или иной основной сферы общественной жизни – экономики, политики, идеологии, духовной, социальной сфер, разумеется, во взаимодействии с другими сферами. «Поскольку эти базовые институциональные матрицы инва-

риантны, сохраняют свою природу, – пишет С.Г.Кирдина в другой работе, – то в таком случае они определяют характер исторической эволюции государства»²⁰.

Одна – западная модель, которая включает рыночную экономику, демократическую (федеративную) республику, приоритеты индивидуальных ценностей над коллективными, материальных над духовными и т. д.

Другая – незападная (восточная) модель включает в себя раздаточную экономику, матрицу политической системы – унитарно-централизованное государство, духовно-нравственную матрицу, которая утверждает приоритет коллективных ценностей, общего блага над личным, духовного над материальным, справедливости над формальным законом и т. д. Укрощение евразийского Хаоса привело с необходимостью к утверждению такого рода совокупности институциональных матриц, в том числе и матрицы раздаточной экономики. Это важно подчеркнуть, потому что сегодняшние евразийские дискуссии, как правило, стараются особенно не вникать в существо этого вопроса.

Для раздаточной экономики характерна совокупность сдач (повинности, налоги, службы) в сочетании с определенной политикой раздач общественного «пирога». Превращение большей части, а иногда и всего общественного богатства в общегосударственную собственность диктовалось потребностями устойчивого существования социального организма, будь это московское царство, петровская империя, советское государство. Чем больше расширялось географическое пространство, тем все более общий, и т. д., коммунальный характер приобретала материально-технологическая среда раздаточной экономики.

Власть вынуждена принимать во внимание скудость материальных ресурсов, низкие урожаи и в связи с этим жестко ограничивать запросы наиболее богатой, привилегированной верхушки, обеспечивать средства к существованию среднему и низшему служилому люду, не допускать массового разорения крестьянства и других беднейших слоев населения. Ограничение appetитов «олигархов» во все времена было также и требованием к власти, идущим снизу. В этом состояло и состоит одно из главных проявлений социальной справедливости в России. Опасность для России всегда состояла в олигархизации власти, когда высшая власть уступает

натиску верхушки богатых слоев. Крупный собственник, тем более олигарх, есть всегда угроза для русской власти, поскольку вся система раздаточной экономики накладывает жесткие ограничения на произвол и безграничное стремление олигархов к обогащению.

Эта особенность российской хозяйственной жизни, когда собственность и власть оказываются неразрывно связанными, сохраняется на протяжении столетий. Она проявляла себя в пореформенной России, в годы нэпа, в последние два десятилетия. Собственно поэтому примат власти над собственностью, другими словами, службы над собственностью так или иначе ставит под вопрос принцип: «частная собственность священна и неприкосновенна». Для России частная собственность в прошлом всегда оказывалась под контролем государства и приобретала реальную функцию в обществе именно как условно-частная, в конечном счете, как служебная собственность.

Эти и другие особенности хозяйственной жизни помогают лучше понять источники российской коррупции, причины социальных потрясений в стране. Источники коррупционной активности находятся в кругах олигархии, сверхбогатых собственников. Коррупционные предложения направлены в адрес бюрократии, поскольку от ее позиции зависят масштабы дальнейшего обогащения олигархов. Чем больше прогибается верховная власть и бюрократия, подкупленная олигархами, тем неэффективнее работает раздаточная экономика, которая явно или скрыто становится добычей олигархов. Господство олигархов ведет к росту монополий, произвольному повышению цен, что приводит к росту бедности и нищеты и вызывает массовое недовольство и социальные протесты.

Впрочем, верховная власть хорошо усвоила, что содержание народа в бедности является эффективным средством управления поведением и сознанием людей, удержания их от активного участия в политике, но оно всегда опасно массовыми выступлениями людей, доведенных до отчаяния своим нищенским существованием.

В работах по теории раздаточной экономики много говорится о том, что в переходный период от одного конкретно-исторического вида «раздаточной экономики» к другому в неё активно встраиваются элементы, которые заимствованы от другого типа экономики – рыночной экономики.

Таким образом, высокоцентрализованное государство выступает если не единственным, то главным субъектом, ответственным за эффективность экономики и социальную обеспеченность миллионов людей. Крушение высокоцентрализованного государства ведет к разрушению социальной ткани общества, что грозит анархией, ставит под сомнение саму идею российской государственности, существование цивилизации как таковой.

Историческая судьба российского государства – упорядочение пространственного хаоса

Вторая характерная особенность российского государства – это его огромная территория. Все империи в южных и восточных регионах Евразии уже имели огромные территории или их обрели к концу средних веков и началу нового времени. Только для России освоение бескрайнего евразийского пространства, собирание Больших Пространств начинается на исходе средних веков, продолжается на протяжении столетий в новое время и потому приобретает для неё особый смысл. Оно явилось историческим предназначением российского государства. Как пишет известный русский философ и публицист Г.Федотов, у России «особое призвание. Россия – не нация, но целый мир. Не разрешив своего призвания, сверхнационального, материкового, она погибнет – как Россия»²¹.

На протяжении столетий во внутренней Евразии царил то, что на современном языке можно назвать организационным вакуумом. Кочевники являлись смертельной угрозой для земледельческих обществ, и потому Евразия на протяжении многих столетий была организована на порядок ниже, чем пространства в империях и других государствах на южных, восточных и западных окраинах евразийского континента. Отсюда постоянное стремление этих империй закрыться от Хаоса, идущего из глубин Евразии. В России в ходе борьбы, реализации её исторического предназначения и создавались необходимые условия для наиболее полного проявления главной особенности русской власти как самовластия. На протяжении ряда столетий русская (российская) власть непрерывно занимается организацией пространства. На пике своего могущества ареал российской цивилизации, охватившей значительную часть

и внутренней Евразии, был определен границами Российской империи и затем СССР. И.Ильин писал: «Россия, повторяем, целый мир, космос, – не только космос, но и хаос, она – хаокосмос, тайна, недоступная логическому “эвклидову” уму»²².

Откуда же появилось это постоянное стремление русской, российской власти к преодолению хаоса Больших Пространств. Два с половиной века Ордынского ига было для славянских народов временем глубокого национального унижения. Зло от татаро-монгольского ига было огромным. Вот как описывает его, к примеру, В.Г.Белинский, может быть с некоторым преувеличением: «Затворничество женщин, рабство в понятиях и чувствах, кнут, привычка зарывать в землю деньги и ходить в лохмотьях, боясь обнаружиться богачом, лихоимство в деле правосудия, азиатизм в образе жизни, лень ума, невежество, презрение к себе, – словом, все, что искоренял Петр Великий, что было в России прямо противоположно европеизму – все это было не наше родное, но привитое к нам татарами. Самая нетерпимость русских к иностранцам вообще была следствием татарского ига, а совсем не религиозного фанатизма»²³.

Когда власть Орды кончилась, тогда и появляется желание обезопасить страну, и, конечно же, прежде всего, от угроз кочевников Евразии. «Русская власть есть русский православный ответ на евразийский степной вызов, его укрощение, интериоризация посредством создания принципиально новой, революционной по сути формы власти»²⁴. Кочевая Орда в свое время явилась главной силой, которая придала легитимность русским князьям. Теперь русская власть устремляется в бескрайнее евразийское пространство и в освоении, укрощении его находит подтверждение своей легитимности, которая и становится в дальнейшем решающим условием выполнения властью своей исторической задачи. Достижение безопасности становится не просто военно-политической задачей, а внутренним стержнем национальной идеи и по сегодняшний день. С тех пор угроза военного нападения становится константой цивилизации, неизменно она присутствует и в повседневном сознании миллионов людей.

Стремление русских людей к расселению на малолюдной земле (ранее, до революции называвшегося колонизацией, освоением русскими евразийского пространства) диктовалось многими при-

чинами, в том числе и желанием избавиться от опеки власти. А государству приходится решать сложные задачи по созданию надежных границ, способных защитить российские земли, предотвратить новых набеги кочевников, нападения враждебных государств. После ухода Орды ключевой чертой национального характера становится потребность в безопасности, поиск надежного её решения. Необходимость решения этой задачи отодвигает в сторону разные попытки ограничения русского, российского самовластья. Радикальный реформатор Е.Гайдар, немало сделавший для разрушения советского государства, в своей работе «Государство и эволюция», пишет, что «все, что касалось государства, объявлялось священным. Само государство выступало как категория духовная, объект тщательно поддерживавшегося культа – государственничества»²⁵. Но ведь причины такого особого понимания российского государства связаны с его особой ролью, связанной с достижением его безопасности, с освоением евразийского пространства. Эта роль не была придумана властью, а наоборот, сформировалась как ответ на вызовы враждебного кочевничества, как потребность в укрощении пространственного хаоса. Эта проблема никогда не попадала в поле зрения радикальных реформаторов в лихие 90-е гг. прошлого столетия.

Не следует слишком отдалять Российское государство от империй Востока, которые тоже много занимались организацией пространства. Но для России решение этой задачи начинается слишком поздно по сравнению с империями Востока и то же время тогда, когда Запад вступает в новый этап, этап буржуазного развития. Учение о Третьем Риме, выраженное старцем Филофеем, «было внушено ему заботой о духовном состоянии русского народа и носило скорее эсхатологический, чем империалистический характер»²⁶. В силу исключительности тех времен охрана чистого православия незримо переходит с павшего второго Рима на Москву. Идея Третьего Рима выражает также и идею защиты страны, её безопасности в условиях постоянного внешнего давления, а вовсе не является неким извращенным европеизмом старца Филофея, он далеко не «маргинал, желающий быть центром Европы», как полагает В.К.Кантор²⁷. Более того, «без гарантий, даваемых Россией, пространство Евразии моментально превращается в войну всех против всех. Россия по-своему осуществила римскую идею еди-

ного пространства и единых прав человека в Евразии. Эти права были несравненно суженными по сравнению с европейскими, но это были, бесспорно, единые права»²⁸.

Любое возникающее в истории человечества государство первоначально устанавливает свою власть над пространством. Для всех докапиталистических стран и цивилизаций на первом месте стоит овладение пространством. Сначала пространство подчиняет себе время в том смысле, что нередко на протяжении столетий жизнь империи, крестьян-общинников имеет глубокий застойный характер. Впрочем, и для этого нужно прилагать немалые усилия, чтобы всё, находящееся под имперской властью сохранялось и не подвергалось угасанию и тем более распаду. Это и можно считать остановленным временем. В XIX в. многие европейские мыслители были убеждены в том, что русские не входят в состав исторических народов, о чем, в частности, писал Гегель в «Философии истории», разделив все народы на исторические и неисторические. Критика евразийцами этих взглядов, в конечном счете, исходила из того представления, что существует фундаментальное различие между «цивилизацией времени» и «цивилизациями пространства». Универсалистские претензии западной мысли делали тогда излишним изучение глубокого своеобразия истории не западных народов, и на первое место выдвигалась их оценка как отсталых народов по сравнению с цивилизованными народами буржуазной Европы.

В спорах о природе русской (российской) цивилизации недостаточно внимания уделяется вопросу о роли государства, а между тем оно выступает императивным условием ее существования и тем более развития. Русская цивилизация возникала как государствоцентричная цивилизация именно в силу особенностей русской власти. Распад СССР оказался распадом российской цивилизации. Возможно отпадение отдельных, периферийных земель и от нынешней России. Но пока сохраняется ядро цивилизации, сохраняется и сама цивилизация, реальные возможности для ее дальнейшего существования. Но как бы она не называлась (российская, советская, евразийская), на ней лежала важнейшая функция – это организация пространства, внесение порядка в пространственный хаос. Становление евразийского мира, как замирение враждебных столкновений и угроз, проходило при определяющей роли

российского государства, в этом и заключается его историческая заслуга. Современная культура Евразии и ее ценности отличаются огромной самобытностью и разнообразием, о чем с любовью написано в книге «Евразийский мир»²⁹. Но преуменьшение роли государства в формировании евразийского мира вряд ли плодотворно. Подчеркнем еще раз, русская, а затем российская цивилизация, раскинувшаяся на бескрайних евразийских пространствах, является не просто социоцентричной, она государствоцентричная цивилизация.

Продвижение русских на восток и появление имперской власти на осваиваемых территориях приводило к огромным переменам в жизни евразийских народов. Как писал А. Тойнби, ответ Россия на вызов истории со стороны хана Батые был таков, что он впервые за всю историю цивилизаций позволил оседлому обществу не просто выстоять в борьбе против евразийских кочевников..., но и «достичь действительной победы, завоевав номадические земли, изменив лицо ландшафта и преобразовав в конце концов кочевые пастбища в крестьянские поля, а стойбища – в оседлые деревни»³⁰.

Эта борьба за пространство имела свою оборотную сторону, мимо которой также нельзя пройти мимо. «Жизнь удаленными друг от друга, уединенными деревнями при недостатке общения, – отмечал В.О.Ключевский, – естественно, не могла приучить великоросса действовать большими союзами, дружными массами... То была молчаливая черная работа над внешней природой, над лесом или диким полем, а не над собой и обществом, не над своими чувствами и отношением к людям»³¹.

Географ М.К.Любарский, ученик и последователь В.О.Ключевского, был еще более суров в своих оценках: «Расселение надолго обрекло русский народ на примитивное промысловое земледельческое хозяйство, надолго лишило его живого и тесного общения на почве хозяйственного и культурного обмена, надолго парализовало развитие русской общественности и вызвало непомерное развитие деятельности государственного центра, его энергии и власти»³². Эти конкретные оценки, в общем-то, верны. Конечно, не следует слишком поэтизировать русское расселение на евразийских землях. Но они должны быть более четко увязаны с общим пониманием исторического предназначения российской цивилизации и российского государства.

Это его историческое предназначение не было каким-то сознательным выбором, и оно не было навязано извне, что важно иметь в виду в методологическом плане. В ходе постоянной и нередко военной борьбы государства за безопасность, за создание надежных границ, а также в ходе монастырского продвижения вглубь территорий, связанного с христианизацией нерусского населения, самопроизвольного расселения русских людей, вслед за которыми приходила и центральная власть, сложилось то, что можно назвать историческим предназначением государства и становящейся одновременно с ним российской цивилизации. Если это предназначение сложилось исторически, в силу объективных причин, а не было «коварным» замыслом ненасытной верховной власти, тогда нельзя утверждать, что все это время Россия только и делала, что наносила себе вред своими территориальными приобретениями. Так складывалась отечественная история, история других цивилизаций на евразийском континенте. Кстати, на этом фоне резким контрастом выделяется американская цивилизация, идеологи которой предпочитают замалчивать массовое сознательное и рациональное истребление индейцев в XIX в., превышающее по численности минимум миллион человек. У каждой цивилизации свой путь и свои исторические задачи, которые, говоря в самом общем методологическом, никогда не могут быть решены окончательно. Такой, в общих чертах может быть представлена парадигма изложения и оценки исторического пути российской цивилизации.

Вместе с тем государствоцентричный характер российской цивилизации, придает всей системе организованного властью евразийского пространства достаточно неустойчивый характер. Самодержавная власть способна удерживать пространство только при наличии мощной политической воли. Ее ослабление обычно связано с исчерпанием эффективности одних механизмов освоения пространства, а длительность поисков в процессе перехода к другим может порождать восстания и смуты, отпадение отдельных территорий государства, угрожать саморазрушением властных структур, направленных на удержание пространственного хаоса.

Власть можно рассматривать как структурную связность пространства. Его удержание, об этом можно говорить со всей определенностью, и становится смыслом бытия российской власти в её цивилизационном историческом времени.

Русская, российская, советская (коммунистическая) субстанция есть связанное властью пространство, по поводу которой и складываются властные, собственнические и все остальные социальные отношения. Это и есть главное богатство государства, вместе со всеми природными богатствами, находящимися на его территории. Русская власть оказывается единственной формой организации, адекватной бескрайнему евразийскому пространству. Поэтому раздаточная экономика как принцип организации народного хозяйства, становится средством решения государственно значимых, и прежде всего, социальных проблем на структурированном властью пространстве. Она не может быть «заточена», прежде всего, на получение прибыли. Отсюда подчинение собственности власти, в конечном счете, служебный характер собственности.

Исторически, существует огромное различие в организации пространства между Россией и государствами Западной Европы. Уникальность Запада состоит в том, что он может быть назван цивилизацией времени в отличие от цивилизаций Востока, которые, как цивилизации не западного типа, могут быть названы цивилизациями пространства³³, что остается верным и в эпоху постиндустриализма. Запад первый достигает некоторого качественного предела в освоении территории своего пространства. На небольшом пятке земли в течение ряда столетий готовится мощный исторический поворот. Субстанция, онтология европейского капиталистического общества есть накопленный труд, есть овеществленное, спрессованное время³⁴.

Для западной модели развития накопление социального времени в виде овеществленного труда есть способ его существования. Запад – это интенсивная система накопления времени с момента появления капитализма, господства времени над пространством. Накопленное время конвертируется в деньги. Время есть деньги, есть капитал, такова первейшая заповедь капитализма. И в этом смысле деньги есть экономическая субстанция капитализма.

Размеры материальных продуктов овеществленного труда на Западе всегда поражали русских путешественников в прошлом и поражают их сегодня. Но это возможно на ограниченном пространстве чрезвычайно высокой степени связности и интенсивности общественных отношений, которая достигается посредством общенационального рынка. Это интенсивно-временной путь раз-

вития общества. Власть оказывается функцией капитала и потому здесь складывается своя матрица государства, которая, так или иначе, проявляет себя во всех странах Центра мировой капиталистической системы. Россия никогда не могла так много производить продуктов овеществленного труда, их производство подчинено борьбе с пространственным хаосом, овладению пространством, которое становится главнейшим богатством империи. Таким представляется принципиальное отличие между институциональными матрицами европейских государств нового времени и российским самодержавным государством, как впрочем, и империями Востока.

Каждая институциональная матрица имеет свою логику развертывания в своем цивилизационном историческом времени. Возникает вопрос о соотношении исторического и логического в этом развитии, о качественно своеобразных этапах, которые проходит каждая из этих матриц, раскрывающая в своем поэтапном развертывании все своеобразие каждой цивилизации, как европейской, так и, в частности, российской.

Огромное влияние внешних факторов на развитие России всегда признавалось и признается, но суть вопроса – в глубине и последствиях действия этого фактора. По мере развития капиталистической экономической мировой системы он приобретает все более доминирующий характер, играет роль триггера, спускового крючка для развития одних внутренних процессов в обществе и роль блокиратора для других.

Конкретное положение России в капиталистической мировой системе определялась и продолжает сегодня определяться состоянием и целями конкретного этапа развития системы в целом.

В более широком историческом плане Россия прошла через четыре этапа отношений, и сегодня вполне определенно можно говорить о пятом этапе.

1-й этап – XV–XVI вв. – **вторая половина XVII в. – становление капиталистической мировой системы, вхождение в нее России, занятие российским государством своего места на периферии этой системы;** 2-й этап: – XVIII в. – **первая половина XIX в. – возникновение российской империи;** 3-й этап: **вторая половина XIX в. – 1917 г. – пореформенная Россия – становление периферийного капитализма.** 4-й этап: **1917 г. – начало 90-х г. XX в. На протяжении трех четвертей XX в. СССР (Россия) развивается по социалисти-**

ческому пути и находится за пределами капиталистической экономической мировой системы; 5-й – после 1991 г. страна (Российская Федерация) возвращается в капиталистическую мировую систему, и в ней начинается реставрация периферийного капитализма.

К середине XVII в. Россия прочно становится периферией мировой капиталистической экономики. С этого времени начинается все возрастающее воздействие капиталистического Запада на русское (российское) общество и государство. Эти последствия противоречивы и до конца не осознаны, о чем еще речь пойдет в дальнейшем.

Этапы развития российской государственности, на первый взгляд совпадают с формационными этапами развития западно-европейского общества за исключением этапа социалистического строительства. Но за этим внешним сходством скрывается огромное сущностное отличие этапов российской истории.

Через все смены конкретно-исторических форм государственности, а также духовно-идеологические разрывы между ними, просматривается глубокая их преемственность, в том числе и при переходе от советской власти к президентско-демократической. Практически все участники последних дискуссий по проблемам российского государства согласны с тем, что матрица русской (российской) власти как высокоцентрализованной власти сохранилась и лежит в основе нынешней российской республики. Отношение к этой матрице со стороны либеральных авторов естественно однозначно негативное³⁵. Но эта матрица никуда не делась, она несколько видоизменилась, приобрела современные декорации, но, по сути, не трансформировалась в нечто принципиально иное. Предложения по демонтажу устаревшей государственной матрицы высказываются постоянно и настойчиво. Что же мешает ей уйти в прошлое?

Вот перед нами основные проблемы, которые в своей совокупности и взаимодействии определяют современные контуры предметной области отечественной социально-исторической теории, которой еще предстоит раскрыть всю сложность и глубину этого взаимодействия.

Становление русской, а в дальнейшем российской цивилизации идет в весьма сложных условиях. Постоянные проблемы в обеспечении достаточного уровня национальной безопасности осложняются при этом и поисками нужных и выгодных для стра-

ны отношений со странами Западной Европы. При изучении этого вопроса нельзя сводить отношения с Западом к анализу в основном внешнеполитических, военных, культурных отношений, тогда как нужно брать в качестве предмета рассмотрения в социально-исторической теории, в первую очередь, торгово-экономические, финансовые отношения, которые, как мне видится, преднамеренно задвинуты в самый дальний угол философских исследований российской истории.

Но если финансовые потоки, конкретная структура торговли, масштабы приобретения иностранцами отечественной собственности еще в принципе признаются предметом философских размышлений, то дипломатические ходы, действия тайных служб, влияние враждебной агентуры на высших руководителей, принимающих нередко под этим влиянием судьбоносные решения для всей страны, считаются ненужными, «непрофильными» темами для академической интеллектуальной философии. Но сегодня эта позиция подлежит пересмотру.

Если рассматривать по отдельности влияние каждого из указанных факторов или упрощать их взаимодействие, то получаются весьма односторонние картинки развития, далекие от подлинного смысла исторических процессов и событий.

Западная и антизападная составляющие в политических стратегиях российской власти в исторической ретроспективе

На протяжении отмеченных выше пяти этапов российской истории, имела место постоянная смена ориентаций правящей элиты – от прозападных политических ориентаций к антизападным и обратно. Можно сказать и по-другому, – происходила борьба между сближением с Западом и даже стремлением стать его частью и удалением от него с целью добиться большей экономической, политической, цивилизационной самостоятельности в решении своих собственных дел. Вся эта постоянная смена ориентаций осуществлялась в условиях непосредственной физической, географической близости страны к Западной Европе, интенсивного роста контактов с европейскими странами.

Отсюда и изломы исторического пути, многочисленные противоречия и антагонизмы в общественном сознании, особенно между правящей элитой, бюрократией и народом. На одном историческом этапе доминируют одна политическая стратегия, на другом – прямо противоположная. Не исключение здесь и сегодняшние ориентации правящей элиты. И как показывает сегодняшнее состояние российских умов, столкновение полярных точек зрения достигло в обществе предельного обострения.

В.Л.Цымбургский, размышляя о цивилизационных отношениях между Евро-Атлантикой и Россией, предложил по новому их осмыслить, признав то положение, что «Россия последних трех веков выступает «цивилизацией – спутником» Запада», играющего роль цивилизации-хозяина³⁶. Этот образ очень интересен, но все же российская цивилизация была не просто неким подобием лунного спутника земли. Она была и остается пока примерно равной по совокупной мощи всей европейской цивилизации.

Западная Европа и особенно Англия делала и делает очень много для того, чтобы превратить Россию в особую часть мировой капиталистической экономики – свой сырьевой придаток. Запад всячески поддерживал в политическом плане политиков-западников в российской правящей элите, и всячески стремился опорочить политиков, ратовавших за большую самостоятельность страны и особый путь российского государства. Начиная, по крайней мере, с XIX в. такая позиция становится главной в идеологической, дипломатической и политической деятельности ряда ведущих стран Запада. Поэтому, чем дальше, особенно уже в XIX в., механизмы удержания Россией пространственного хаоса все больше детерминировались позицией Запада, в первую очередь Англии, её попытками проникновения на просторы Евразии – на Кавказ, Среднюю Азию, Дальний Восток, создания здесь своих колониальных форпостов.

Пространственный Хаос не может быть покорен, освоен раз и навсегда. Каждая попытка продвижения раннего капитализма вглубь российского общества вновь приводит в движение темную глубинную основу Хаоса по той причине, что не может быть перестроена раздаточная экономика в другой, рыночный тип. Согласно логике общественной трансформации между старым и новым видом типологически единой раздаточной экономики располагается

переходный период, когда новый её тип в своем формировании пытается вбирать то позитивное, что содержит в себе рыночная экономика, которую вместо раздаточной экономики всеми силами насаждает правящая элита в стране. Опасность переходного периода заключается в том, что неграмотное, неадекватное встраивание здесь элементов рыночной системы может разрушить чуждую ей по природе раздаточную экономику и потому само государство.

В центре сегодняшней полемики, так или иначе, находится проблема своего особого пути российской цивилизации и российского государства. Российская цивилизация имеет такое же право, как и другие цивилизации, выдвигать свое понимание устройства мира и говорить – вот здесь, на этой земле, живет народ, уверенный в своем великом будущем и показывающий своей созидательной деятельностью, организацией жизни, решением социальных и культурных проблем пример для других цивилизаций мира.

Наиболее яркими фигурами, которые выступали за свой путь, были Иван Грозный, Николай I, И.Сталин и отчасти Александр III. Их деятельность сегодня подвергается наибольшему искажению в отечественной литературе, не говоря уже про западных историков.

Напротив, если брать настоящих европейцев, то это были, конечно, Александр II и М.Горбачев. Никто не устаивался на Западе среди наших высших руководителей таких похвал, как они. Весьма позитивное отношение в отечественной литературе также к О.Витте и П.Столыпину, проводившим реформы в период правления Николая II. **Наибольшие споры вызывает по-прежнему фигура Петра I.**

Если говорить об общей динамике взаимодействия двух векторов развития российского государства, то можно говорить о постоянном росте напряжения между ними в течение столетий. Особенно это становится заметным после восстания декабристов в период царствования Николая I. **Кульминацией противостояния России Западу явились реформы Сталина и в целом позиция Советского Союза.**

Великие реформаторы не рождаются на пустом месте. Как правило, реформаторы появляются на фоне застойного состояния общества, наличия в нем серьезных, нередко подспудных кризисных явлений. Каждый из великих реформаторов России – фигура весьма противоречивая. Но в любом случае в лице великого

реформатора мы имеем реальный ответ на надежды и ожидания значительной части общества. Но куда поведет великий реформатор – это другой вопрос. Он может угадать, а может и не угадать направление истории, и тогда никакой он не великий реформатор, а большой неудачник, если за этим не стояло другое – сознательные и коварные расчеты, как это было при М.Горбачеве.

Когда делаются попытки воспроизвести смысл эпохи великих реформаторов, величие их дел, то нельзя сводить его к личным чертам характера, их образу жизни, к отношениям со своими коллегами, людьми культуры или церкви. Главная задача – реконструировать то, что можно назвать политической стратегией власти, основу которой составляет концептуальное мышление лидера государства – царя, императора, секретаря партии или президента, попытаться выявить, у кого был такой стиль мышления, а у кого он отсутствовал.

Концептуальное мышление есть не просто философские построения или апелляции к истинам социально-исторических наук, это конечно имеет место, но оно также тесно связано с утопией и мифом, но и к ним не сводится. Это самостоятельное образование. Главное в нем – грандиозный общественный Проект, видение будущего состояния страны в контексте мирового развития. При этом образ нового состояния общества так или иначе соотносится с политической обстановкой в стране и в мире, с конкретным раскладом политических сил. Другими словами, концептуальное мышление предметно направлено. Основу его составляет глубокое проникновение в сущность государственных, общенациональных интересов и вместе с тем практических сторон реализации этих интересов. Это означает следующее: во-первых, учет сложившейся политической обстановки, политического контекста, путей изменения политической обстановки в стране с целью ускорения реализации Проекта, выявление противников, несогласных, пути их дискредитации вплоть до изоляции (смена или чистка элиты); и во-вторых, понимание размеров ресурсной базы для реализации Проекта и, прежде всего, того, что не хватает для этой реализации.

В результате рождаются стратегические цели, рождается стратегия. Это вторая сторона концептуального мышления. Стратегия не может быть действенной без своевременного принятия политических решений, которые неизбежно связаны с решением массы

вполне конкретных задач в различных сферах жизни, с нахождением в каждом случае эффективных методов и способов, чему должна способствовать и правильная тактика повседневного руководства реализацией Проекта. Триединство концептуального мышления (государственный, общенациональный интерес как Проект, стратегические цели, конкретные политически мотивированные решения, всё это связывается в целое мощной единовластной политической волей), – вот что определяет природу мышления политического деятеля высокого уровня, а технологии, способы практической реализации уже зависят от его личных качеств, в первую очередь, от исторической ситуации и разных случайностей³⁷. При этом у всякого великого реформатора складывалось отчетливое понимание своего исторического предназначения, того, что он просто обязан сделать в своей жизни.

Конечно, можно строго судить реформаторов прежних эпох, но всегда, во все времена раздвижение исторических горизонтов, видения нового давалось политическим деятелям ценой огромных усилий, которые должны оцениваться по достоинству. Концептуальное мышление не является порождением XX в., но оно становится проблемой и реалией политической жизни именно в XX в.

Среди российских реформаторов – государственных руководителей деятельность Петра I до сих пор вызывает ожесточенные споры. Гений-чудотворец или злодей-тиран – вот смысл борьбы вокруг имени Петра и его деяний. Но, с нашей точки зрения, в объективных результатах его реформ обе составляющие спаяны воедино и потому его можно отнести, с одной стороны, к западникам, а с другой, – к приверженцам особого пути России. Но в общем-то речь должна идти о том, что история поставила перед Россией такую задачу, которую она до сих пор решить не может³⁸.

Дело здесь не в том, что в Русском государстве не было реформ, реформы проводились и при тишайшем Алексее Михайловиче, и при Софье. Наступали новые времена. В Европе появился молодой хищный капитализм, весьма заинтересованный в России, невероятно богатой природным сырьем и дешевой сельскохозяйственной продукцией. Россия весь XVII в. постепенно превращалась в периферию европейской капиталистической экономической системы. В этих условиях страна должна была ответить на вызовы Европы. Конечно, если бы не появился этот молодой хищник, тогда мо-

сковское царство, русская цивилизация могла бы и дальше существовать, «повинуясь» законам своего, самобытного развития. Но теперь требовалась другая линия поведения, на вызов нужно было отвечать. И скорее всего, страна не могла закрыться от внешне-го влияния, как это сделал, например, Китай. Чем это кончилось для Китая, хорошо известно. Петр подорвал устои традиционного русского общества, сделал невозможным его дальнейшее плавную эволюцию. Оценка деяний Петра как греховных, о чем с позиций защитника русской цивилизации пишет О.Платонов, называя петровские реформы, впрочем, как и все последующие, включая советские и сегодняшние, чужебесием, не учитывает всю сложность вопроса о необходимости адекватного ответа России на вызов быстро развивающегося Запада³⁹.

Масштабы изменений нужных, но мелких реформ уже не отвечали потребности более динамичного развития страны. Оценка этого несоответствия всегда может быть оспорена. Но на каких весах её можно взвесить. И всё же есть вещи, кажется, бесспорные. Потребности в переменах носились в воздухе.

Петр поступил совершенно необычно. По замечанию А.И.Уткина, Петр смог «придать вестернизации дух национального сопротивления отсталости, принятие западного опыта не как национальной капитуляции, а как национального подъема»⁴⁰. Это очень важная мысль. В условиях реального, видимого отставания страны от Европы, Петр выдает успехи в деле многочисленных заимствований, освоения западного опыта в качестве национального успеха, пробуждения веры в творческие силы народа и страны. Петр говорил том, что нужно взять полезное от Европы, а затем отвернуться от нее. У Петра было видение будущего России, выходящие за рамки конкретных результатов принятия западного опыта. Петр верил в особое предназначение России. Реальные начала концептуального мышления у Петра были, прежде всего, в области понимания национальных интересов и необходимости решения для этого конкретных задач и дел. Но, кажется, не было стратегии. Петр сделал страну великой европейской державой в военно-политическом смысле, но не в экономическом. При этом страна заплатила огромную цену. Именно в эпоху Петра начинаются первые столкновения в общественной мысли вокруг идеи особого пути развития.

После смерти Петра борьба за свой самостоятельный путь развития начинает приобретать более отчетливый вид. Страна противилась реализации, как сегодня говорится, проекту модерн, переносу европейских общественных порядков на российскую землю. Но для того, чтобы сделать возможным собственный путь развития, адекватный по результатам западноевропейскому, необходимо было найти другой регулятор общественных процессов, отличный от рыночных, денежных отношений. Таким регулятором в XVIII–XIX вв. постепенно становится русская культура, которая играла и продолжает играть сегодня совершенно особую роль в российском обществе по сравнению с европейским обществом. Она становится не просто регулятором общественной жизни, она с всё большей самостоятельностью и остротой начинает ставить и обсуждать вопросы справедливого устройства общества на иных, отличных от Европы основаниях, выдвигает в центр дискуссий проблему личного достоинства, свободы и ответственности личности. По мере того, как в Россию все больше проникает капиталистический уклад, культура начинает противостоять ему, выступать против капитализма.

В.Р.Мединский, к примеру, выражает недоумение, почему в русской классической литературе XIX в. почти нет положительных героев, а если есть, то они второстепенные? «Образы Обломова, Акакия Акакиевича, Раскольникова могли иметь единичные аналоги в реальной жизни России, но в целом народ и страна не имеют к этим образам никакого отношения»⁴¹. Так может утверждать сегодня только радикальный либерал, трубадур капитализма, выступающий на посмешище великую русскую литературу, которая вся была антикапиталистической, а другой она вообще не могла быть. Уместно напомнить, а что великая классическая французская или английская литература XIX в., были прокапиталистическими? Культура воспринимает капитализм как неизбежное зло на пути развития общества, но из-за этого обстоятельства оно вовсе не становится защитником и пропагандистом капитализма как общественной системы и образа жизни, всецело подчиненного погоне за материальной выгодой.

В дальнейшем решительную попытку повернуть Россию на свой, особый путь предпринял Николай I, но она сегодня не выживает с этой стороны особого интереса. Николая Первого мож-

но считать самым национальным из монархов после Петра I. Николай I придавал большое значение отечественной науке, направлял в нее большие финансовые средства. Содействовал созданию Пулковской обсерватории. Новый устав Академии наук, принятый в 1836 г., просуществовал почти сто лет. Была создана широкая сеть начальных, средних и высших учебных заведений. Он всячески способствовал развитию национальной промышленности, принимал в ее защиту жесткие протекционистские меры. «Петр Великий гораздо ближе к императору Николаю, чем его брат Александр, и потому Петр ещё и теперь в большой моде», так показалось М.Кюстину, написавшему весьма мрачную книгу о николаевской России⁴². А.С.Пушкин в 1826 г. надеялся, что молодой император во всем будет «пращуру подобен, как он, неутомим и тверд, И памятью, как он незлобен»⁴³. Однако личные его надежды не сбылись, как и не сбылись надежды общества. Николаевские преобразования не сопровождались никаким подъемом общественного энтузиазма. В российском обществе возобладали казенщина, бюрократический формализм, армейская дисциплина. Духовная ситуация была невыносимой, была введена строгая цензура, запрещались журналы, издания классической литературы и современных отечественных авторов. Был установлен жесткий пограничный контроль, ограничения на выезд. В политическом плане Николай I **выглядит настоящим реакционером** особенно после выхода в свет Уложения о наказаниях 1845 г., в котором много говорилось о политических преступлениях, и в котором политика законодательно объявлялась монополией высшей власти. Но ликвидация политической жизни дала тот неожиданный результат, когда русская культура – литература, публицистика, философия, музыка становятся основанием, способом связи всех сторон общественной жизни, выразителем общественных идеалов, защитой цельной личности против эгоизма и лицемерной буржуазной морали.

Император считал, что он дал обет посвятить себя пользам государства и благу подданных⁴⁴. В целом можно говорить о том, что Николай I стремился направить страну по национальному пути с помощью постепенных усовершенствований на последовательно христианской основе. Самодержавное право потому и называлось правом, что оно по замыслу должно основываться на высшей

правде. Вот такой была страна, которая попыталась противостоять давлению капиталистической Европы. Ответ Европы был очень жесткий, она стала рисовать российскую жизнь одними черными красками. К концу первой половины XIX в. Российская империя превращается в чудовище в общественном мнении Европы. Первую скрипку играют здесь англичане. Крымская война явилась первой общеевропейской войной против России.

Самых высоких похвал ныне удостоивается Император Александр II и задуманные им реформы, которые собственно и привели к тому, что в стране сформировалась модель экономически и финансово зависимого капитализма, жестко привязанного к капиталистической мировой экономической системе. Александр II явился инициатором первой в истории России приватизации, ответом на которую стал рост народолюбческого движения и 1 марта 1881 г. Пришедший на смену своему отцу Александр III пытался восстановить порушенные его отцом имперские скрепы России. Подморозить страну удалось, но ненадолго.

При Александре II началась резкая социальная поляризация общества. Власть и высшая бюрократия способствуют развитию торговли и предпринимательской деятельности. Но власть не может допустить, чтобы крупная собственность олигархов стала угрожать ее всевластию. Она вовсе не намерена была добровольно проводить либеральные преобразования в политической сфере, а если она их и проводит, то под большим нажимом как слева, так и справа – буржуазных кругов и конечно же самого Запада.

Николай Врангель, крупный промышленник, отец «черного барона», генерала П.Н.Врангеля, был одним из самых проницательных людей пореформенной России. Он писал в своих мемуарах, что в конце XIX в. **самодержавие, вся правящая элита** «мало-помалу превращалась в олигархию, увы! не более достойных, а только более бесстыдных»⁴⁵. Олигархизация власти губительна и для капитализма, и для самой власти, что и показал 1917 год. Но возможностей свободного развития по западной модели российский капитализм тогда не имел. Это был зависимый и отсталый капитализм, условием его развития выступали зарубежные кредиты и инвестиции. Для России оказалось, что форсировать капитализм – это означает приближать всеобъемлющий кризис общества.

Власть становится зависимой, шаг за шагом теряет свою политическую независимость, и ее поведение в значительной степени начинает определяться интересами, в первую очередь, ведущих стран Тройственного союза – Англии и Франции⁴⁶.

Стать их верным и младшим партнером, выполняющим всех их советы, власть смогла. Она идет у них на поводу и до, и особенно после 1914 г. Какие свои национальные интересы защищала Россия в первой мировой войне? Российская армия понесла огромные, ничем не оправданные потери. Только в августе 1914 г. в Пруссии было взято в плен почти 100 000 солдат. Возложенные на страну военные обязательства были выше ее возможностей. Антанта «перегрузила» хозяйство России в первую мировую войну. Промышленность и общество, все сферы жизни начинают испытывать серьезный кризис, который завершается распадом российского государства, проходившего в течение всего 1917 г.

Народовольцы первыми почувствовали невозможность капиталистических реформ, невозможность появления в стране капитализма как общественной системы. Реальный выход был сформулирован в виде известного афоризма Ленина: дайте организацию профессиональных революционеров, и мы перевернем Россию. Это свидетельство правильного понимания сути системного кризиса и путей выхода из него. Только революционный взрыв может создать силы – интеллектуальные, организационные, может мобилизовать социальную энергию, чтобы попытаться оспорить господство стран Центра капиталистической мировой системы над Россией.

Что же происходит с российским государством в период взаимодействия с капиталистическим Западом в течение трех столетий? Приближается ли императорская Россия в своих разных реформах к западному государству?

Российская цивилизация и в этот период продолжает выполнять свою историческую миссию – сдерживать пространственный хаос. Это ее историческое предназначение. Власть продолжает организовывать пространство. И потому она с необходимостью должна сохранять себя как военно-политическая империя особого рода. Можно согласиться с теми авторами, которые утверждают, что она была не обычной империей, а квазиимперией, и т. д., просто высокоцентрализованным государством, для адекватного описания которого нужен специфический понятийный аппарат.

Россия жила тогда и продолжает жить сегодня не в европейском историческом времени, а в своем российском, занимаясь, прежде всего, обустройством евразийского пространства, для которого вполне подходила и подходит модель раздаточной экономики. И когда в нее вторгаются чуждые механизмы, то, кажется, что страна идет к капитализму. На самом деле начинается становление нового конкретно-исторической формы этой экономики, ведь она олицетворяет собой то, что можно назвать системным антикапитализмом.

Что касается общественной мысли в пореформенный период, то она ищет альтернативу капитализму и находит её в виде русского космизма. Власть над евразийским пространством должна быть дополнена вертикальной устремленностью страны в космос. Русский космизм – это альтернатива капитализму, власти как функции капитала, и появление космизма есть одно из важных доказательств цивилизационной устремленности страны к социализму, но, разумеется, к социализму особого рода – к российскому социализму.

Советское государство ценой огромных усилий вновь собирает евразийский хаос и собирает его посредством создания исторически нового типа государства как союза советских социалистических республик и новой исторической формы раздаточной экономики в виде единого высоко централизованного народно-хозяйственного комплекса.

Теперь, что касается роли Сталина в этом процессе. Сталин выбирает одну из тех исторических альтернатив, имевшихся тогда у советского общества, которая открывает перед страной особый путь развития, путь полного преобразования общества.

В дискуссии, начавшейся с 1923 г. о возможности построения социализма в одной стране – Советском Союзе, Сталин выступал с позиций одного из самых непримиримых противников капитализма, европейского общества как типа общественного развития среди политического руководителей партии. В августе 1917 г. на VI съезде РКП (б) Сталин говорил о том, что «не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролегающей путь к социализму. Надо откинуть отжившие представления о том, что только Европа может указать нам путь»⁴⁷.

Сталину было близко мессианское понимание роли России, всемирно-исторического предназначения России в реализации идеи социализма. Эта мысль в 1920-е гг., после окончания гражданской

войны, постепенно приобретает в работах и речах Сталина все большую значимость и конкретность. В 1930-е гг. Сталин начинает говорить об СССР как о державе, причем как о великой державе.

Выдвинув идею построения социализма в одной стране, Сталин продемонстрировал то, что называется концептуальным мышлением, именно с этой стороны деятельность Сталина представляет особый интерес. Концептуальность его мышления состоит в идее полного преобразования общества, причем идеи, имевшей в своей глубине мощную религиозную составляющую. Видимо поэтому Сталин в наибольшей степени подходил на роль человека, способного придать революции, застрявшей в переходном периоде, новые смыслы и фундаментальные, стратегические цели.

Главное в его целях – это достижение экономической и политической независимости от экономики капиталистической мировой системы. Советский путь не был вариантом догоняющего развития. Это был по концептуальному замыслу свой, особый путь опережающего создания нового технологического уклада. Признание решающей роли в этом опережении фундаментальной науки и образования принесло свои плоды, что, в частности, выразилось в достижении космического превосходства СССР над Америкой, в том, что СССР удалось первому послать человека в космос.

Движению от отсталости к вершинам исторического прогресса во многом происходило в условиях общенародного подъема и энтузиазма, который был в основном естественной реакцией советского народа, но в чем-то он был и принудительно организованным, в том числе и с помощью государственного насилия в отношении несогласных. Массовый импорт западной техники, промышленного оборудования и технологий, помощь западных специалистов в начале 30-х гг. XX в. – всё это меркло на фоне огромного общенационального подъема и энтузиазма. Нечто подобное наблюдалось только во времена Петра I, когда преодоление отсталости, применение западного опыта шло на фоне большого общественного энтузиазма, в этом его огромная созидательная роль. Достижения Советского Союза сегодня всерьез не рассматриваются либеральными авторами. Более того именно западные идеологи превратили Сталина в государственного преступника, а потом эту оценку фактически

приняли отечественные либералы. Сталин был национальным самовластным диктатором в полном согласии с матрицей русской власти⁴⁸.

Сталинский социализм постоянно подвергается самой суровой критике. Он, мол, лишь внешне напоминает настоящий социализм, который должен вырастать из высокоразвитого европейского капитализма. В Советском Союзе был построен явно антикапиталистический социализм. Поэтому его называют военным, государственным, административным социализмом, квазисоциализмом, а следовательно, это не настоящий социализм. В эпоху «развитого социализма» никакого социализма в стране не было, а было общество, находящееся в переходном состоянии, которое может длиться десятилетиями, а то и больше.

Но возможен и другой взгляд на проблему советского, шире российского социализма. А что если марксов взгляд на социализм, если его превратить в средство универсальной оценки, сегодня может оказаться дезориентирующим для социалистов не западного мира. А что если к реализации марксовых идей освобождения труда, гуманизма, нового общества и нового человека ведут различные пути в обществах с различными цивилизационными особенностями. Вполне возможно, что нет единого пути и нет единственно правильных критериев социализма, и тогда оказывается, что Советская страна искала в новых исторических условиях особый путь развития страны, альтернативный Западу, но не противостоящий западному пути, а дополняющий, в чем-то его обогащающий и даже опережающий по способам решения социальных проблем. Возможно и так, что европейский социализм и российский (в своей ранней версии советский) есть в принципе две стороны одной медали, два разных дополняющих друг друга пути реализации идеи социализма с точки зрения соотношения в каждой из них цивилизационных ценностей, и прежде всего соотношения материальных и духовных факторов. Все это и может порождать многообразие интерпретаций социализма будущего.

Когда мобилизационный период закончился, что важно было делать дальше? Ведь в стране сложилась мощная коммунальная материально-технологическая среда как естественная, и т. д. как адекватная основа жизнеспособной раздаточной экономики новой исторической формы. Нужны ли были теперь элементы рыночной

экономики? Наверное, были нужны. После смерти Сталина начинаются робкие попытки внедрения рыночных элементов, встраивание их в чуждую капитализму систему. Первым практическим результатом концепции «капитализации коммунизма» стала так называемая «косыгинская реформа» с ее набором понятий «прибыль, хозрасчет, материальное стимулирование». Это были реформы, способные в принципе сделать экономику более современной.

С точки зрения внутренней логики развития раздаточной экономики встраивание элементов капитализма возможно, оправданно и необходимо. Но границы применимости тогда не были поняты. Отсутствие сколько-нибудь самостоятельной теории и давление идеологии породило опасную ситуацию. Эффективное управление огромной экономикой с помощью административного, бюрократического аппарата становится все более затруднительным. Некоторое время власть балансирует между двумя стратегиями. Но затем началось интенсивное втягивание Западом экономики СССР в капиталистическую мировую систему, в более мощную западную экономику через международное разделение труда. Коготок увяз, птичке пропасть. Стратегические цели советской власти, направленные на получение больших сумм нефтедолларов, оказались достигнутыми, но доминирование в импорте страны сырья и энергоносителей стало смертельной угрозой национальным интересам страны, интересам дальнейшего совершенствования общества «реального социализма».

Оценку Горбачева как самовластного реформатора, который ни с чем не желал считаться, нельзя ограничить только словами – знаменитый разрушитель советского социализма. Если посмотреть, кто выиграл от развала страны и ликвидации социализма, то это конечно партийно-государственная номенклатура, которая при попустительстве и прямом содействии Горбачева занялась в последние годы так называемой перестройки тотальным присвоением государственной собственности. Отказ от централизованного планирования и стратегии развития взрывает раздаточную экономику, весь единый народнохозяйственный комплекс с помощью которого удерживается властью огромная территория Советского Союза.

При Горбачеве произошел демонтаж всего, что мешало переходу страны на капиталистический путь развития. Если в 1917 г. революция как национальная катастрофа кончилась победой левых, то

аналогичная катастрофа 1991 г. кончилась победой правых. Мировой капитализм выиграл в историческом соревновании с советским социализмом. Россия выпала из мировой экономической капиталистической системы в 1917 г. и была буквально насильственно возвращена в неё в 1991 г. Но исторический спор между этими двумя векторами развития российского общества не закончен.

Возможен ли особый путь России в XXI веке?

Период стабилизации в первое десятилетие нового века явился для страны периодом оформления и завершения переходного периода.

Если говорить о нынешней ситуации, то, на первый взгляд, кажется, что сегодня вопрос об особом пути России фактически решен. Правящая элита отказалась дальше вести страну по своему, особому пути и начертала для нее новый вектор развития, однозначно показывающий на запад, на вхождение и интеграцию в европейское пространство на правах страны периферийного и зависимого капитализма. Концептуально правящая элита приняла идею российской цивилизации как составной части европейской цивилизации, она твердо уверена в том, что общество податливо, им легко политически манипулировать, и что национально-государственный интерес стать нормальной европейской капиталистической страной будет, в конце концов, принят обществом, хочет ли оно того или нет. Но приближаемся ли мы в действительности по всем базовым принципам организации общества к его европейской конструкции? Это большой вопрос.

Россия – это целый мир миров, раскинувшийся на бескрайних просторах евразийского пространства, разных и непохожих друг на друга и вовсе нет никакой исторической необходимости для развития страны «причесывать» под их единый стандарт. В этом особом евразийском мире живут народы, находящиеся на самых разных стадиях исторического развития – от остатков кочевых племен, охотников, рыболовов до островков высокотехнологичного, информационного общества.

Тот путь, по которому правящая элита направляет развитие российского общества, перекраивая его на европейский манер, от структуры государственного управления до образования, имеет

вполне определенную станцию назначения. В обществе должны возобладать и стать господствующими товарно-денежные, рыночные отношения между людьми. Успех и выгода должны стать ориентирами для каждого человека, достижение которых становится возможным через его включение в универсальные механизмы всеобщей рыночной конкуренции, носящие как демонстративно открытый, так и неявный характер. Капитализм как общественная система действительно отодвигает на дальний план все этническое своеобразие людей, хотя оно вовсе не исчезает, а нередко оказывает, даже в развитых странах Западной Европы огромное воздействие на политическую ситуацию. Для России острота проблемы состоит в том, что либеральный каток уравнивания всех этносов порождает и будет далее порождать рост этнической напряженности и сепаратистские настроения в различных регионах страны в виду очевидной исторической неготовности значительной части самых разных этносов и регионов – от якутов и ингушей до сельских жителей жить по европейским меркам рациональности и индивидуализма, для развития которых в стране нет ни инфраструктуры, ни духовно-нравственного оправдания, ни глубоких исторических корней.

Принятие западной модели организации общества носит характер капитуляции перед Большим Западом, и необходимость этой капитуляции объясняется отставанием практически по всем параметрам – от обеспечения прав человека до информационных технологий.

Но если сегодня правящая элита утверждает, что Россия составляет часть европейской цивилизации и что страна строит нормальное европейское общество, то это означает по существу независимо от звучавших иногда реверансов правящей элиты по поводу значимости русского народа и языка, русской культуры, что историческая миссия российской цивилизации завершена.

Именно поэтому правящая элита постоянно утверждает демонстративный разрыв с советским прошлым. В который раз преднамеренно нарушается столь важная для страны преемственность между различными историческими этапами ее развития. Орудием разрушения преемственности выступает антикоммунизм. Власть делает, кажется, все возможное, чтобы свести до минимума значимость достижений предыдущего, советского этапа, её критика

идет рядом и вместе с недружественной критикой Запада в адрес страны, критикой, переходящей нередко в откровенную информационную войну против своего прошлого. Попытка разрыва преемственности является одной из причин и стимулятором перманентного системного кризиса. Новый этап не может не опираться на достижения предыдущего, советского этапа – экономические, научно-технологические, культурные и социальные.

Но есть все основания утверждать, что российская цивилизация есть незавершенный Проект, и главной угрозой для ее дальнейшего существования является растущее давление на неё со стороны глобальных институтов Запада. Борьба за дальнейшее следование по пути реализации Проекта выдвигает на первое место вопрос об оценке сегодняшнего состояния страны, находящейся «на распутье», трезвой оценке пределов и возможных тупиков выбранного европейского вектора, выявления условий и реальных возможностей возвращения к модели особого, национального пути развития. Известный автор В.М.Клямкин высказался в том духе, что «Русская Система уходит. Она может быть только авторитарной, только самозамкнутой, другой быть она просто не может, прежде всего, по экономической причине. Русскую Систему порождает только бедный тип общества. У нас ведь северная цивилизация – здесь экономика работает только на выживание населения. Как только она открывается, она гибнет»⁴⁹. Так действительно ли она гибнет сегодня и уходит навсегда с исторической арены? Похоже, что да, и это есть выбор правящей элиты, и она этому вольно невольно содействует.

Политическая стратегия правящей элиты вызывает в стране процессы, подобные тем, которые шли при Александре II и которые обрушили российскую империю. Установка на превращение страны в «нормальную» капиталистическую страну, прежде всего, несет в себе угрозу разрушения эффективного механизма удержания евразийских Больших Пространств. В конце перестройки радикальные либералы утверждали, что после отделения союзных республик, Россия «освободит себя для драгоценного внутреннего развития». «Еще больше распрямимся от давящего груза «среднеазиатского подбрюшья», – говорил А.И.Солженицын в 1990 г., предвещая скорый и неизбежный развал СССР⁵⁰. Только после него свободная от национальных окраин Россия сделает фантастические

успехи. Сделала? Нет, не сделала. А подбрюшье, и не только среднеазиатское, стало источником огромного числа острых и подчас кровавых проблем, решения по которым не найдены. Некоторые кризисные очаги удалось лишь «подморозить».

В результате распада СССР угроза хаоса возродилась и появилась она вновь в глубинах Евразии. Ситуация в республиках теперь Центральной (ранее Средней) Азии не отличается стратегической стабильностью, а некоторые из республик относят нередко к категории несостоявшихся государств. Уход республик позволил сбросить заботу о них со стороны российского государства, но все вложенное ранее в них пропало для России, которая взамен получила свыше двадцати миллионов русских, оказавшихся в одночасье за границей. Единство Российской Федерации также находится под угрозой, она всего лишь уменьшенная копия СССР, хотя численность русского народа составляет почти 80 %, но это не меняет существа и остроты этнических проблем.

Любая цивилизация может развиваться и дальше, несмотря на все сложности и неблагоприятные обстоятельства, если у нее сохраняется прочное и защищенное ядро – это закон развития всех цивилизаций. Историческую основу современной цивилизации в России составляет русская государствоцентричная цивилизация, а, следовательно, русская нация (или суперэтнос), русский язык и русская культура. Все остальное (российская, советская, нынешняя постсоветская, она же в представлениях правящей элиты европейская цивилизации) было надстроено историей над русской цивилизацией. Русский народ стал государствообразующим народом, сплотившим в единый социальный организм огромное многообразие народов евразийского пространства, для которых государство стало их родным домом. На всем историческом пути матрица русской цивилизации сохранялась при постоянном расширении пространства «империи», хотя ее идеологические основы претерпели за это время целый ряд конкретно-исторических изменений.

В. Соловей пишет о том, что сегодня возник русский этнический (уменьшительный) национализм в результате, как он считает, оставленности русского народа нынешним государством и которая, якобы, имела место и ранее – про советской власти. «Русская идентичность потеряла имперский характер, она также утратила мессианское и вообще трансцендентное измерение.

Идея особого предназначения русских в эсхатологической перспективе – своеобразная “красная нить” русской интеллектуальной и культурной традиции – деградировала и не способна более вызывать напряжение»⁵¹.

Но если это так, то проблема русского этнического национализма приобретает особую угрозу для реализации исторического предназначения российской цивилизации. Главное состоит в том, чтобы понять причины того, что называется оставленностью русского народа государством.

Русский народ как государствообразующий народ всегда нес на себе особую ответственность за сохранение порядка и стабильности на всей территории евразийского пространства. Ни о каком особом статусе русских никогда не заходила речь. Он вынес и продолжает нести все тяготы, идущие от удержания центром евразийского пространства страны⁵². Центральная власть вынуждена на каждом историческом этапе правильно решать сложнейшие вопросы взаимодействия центра и регионов, русского ядра и остальной части цивилизации, охватывающей весь евразийский мир. Своеобразие состоит в том, что историческое ядро у российской цивилизации есть, но нет деления на русский центр и национальные окраины.

Русский этнический национализм появляется в такие исторические ситуации, когда центральная власть уклоняется от выполнения российской цивилизацией своего исторического предназначения, считая, что свои когда-то важные функции собирания земель она исчерпала. Сторонники этнического национализма в этой ситуации требуют, это важно подчеркнуть, создания сильного, но русского государства внутри границ нынешней РФ. Такая установка чрезвычайно опасна, она с неизбежностью приведет к окончательной гибели всей тысячелетней российской государственности, освободив и сделав неуправляемыми глубинные силы евразийского хаоса, которые уже сегодня становятся весьма зримыми.

Следовательно, вопрос не просто в «брошенности» русского народа, а в том, что государство изменяет своей исторической миссии, тем самым вызывая протестные настроения, прежде всего, в среде русского народа. Этот протест оказывается внутренне неоднородным. Значительная часть населения России, в том числе и русского народа, выступает за сохранение Россией своего особо-

го, теперь можно сказать цивилизационного (национального) пути развития. Социологический Центр РАГС при Президенте РФ провел в 2010 г. социологический опрос населения РФ и обнаружил, что за собственный особый путь России выступает почти 75 % населения, в то время как за дальнейшее развитие капитализма – примерно 20 % населения, а против него выступает почти 60 %⁵³.

Сегодня правящая элита государства полагает, что сможет удержать огромную евразийскую территорию с помощью рынка, и потому оно уходит от регулирования, а тем более от любых способов планирования экономики. Все это ведет к деградации промышленности, науки, экономики особенно в регионах, к нищете и к бегству из них населения, которое называется не беженцами, а по-научному мигрантами, и соответственно к росту сепаратистских настроений и самых необычных форм национализма.

Сепаратистские настроения в РФ подогреваются, прежде всего, действиями самого государства. Если в Москве правящая элита рассматривает регионы как дойные коровы Центра, тогда неизбежен сепаратизм. Предприятия сырьевого профиля платят налоги не по месту добычи топлива, а по месту регистрации, а это, прежде всего, Москва. Как свидетельствуют опросы, 87 % жителей Сибири на вопрос, «хотите ли вы великого Российского государства, мощной империи?» – ответили да. И вместе с тем, почти столько же процентов жителей Сибири (80 %) на вопрос, «Хотите ли вы отделиться от Москвы?», также ответили да⁵⁴. Фундаментальное для жизни российской цивилизации противоречие между центром и регионами сложилось и существует, и оно имеет тенденцию к обострению.

Сегодня общество сталкивается с массовым нежеланием представителей различных этносов называть себя россиянами, которые рассматривают такую их самоидентификацию как посягательство на их этническую идентификацию. Они обычно говорят, я бурят, татарин или якут, живущий в России. В советское время было найдено решение, которое устраивало всех, когда государственная идентичность «работала» поверх всех этнических идентификаций, в том числе и русского народа. Аналогичная ситуация была и в имперский период, когда подданный российской империи был православным, и эта идентичность находилась выше, чем этническая идентичность. Такое понимание идентичности сложилось

в истории не случайно, и оно являлось важным цементирующим фактором российской общности людей. Сегодня это открытый вопрос, какой должна быть по названию государственная идентичность жителей, граждан России. И открытым он является в силу незавершенности процесса формирования российской цивилизации. Евразиец принимается гораздо охотнее в азиатской части Евразии. Скорее следует говорить о евразийской цивилизации, чем о российской, таков основной пафос книги «Евразийский мир», изданной в Сибири⁵⁵).

Матрица российского государства ранее была однозначно завязана на удерживание огромного географического пространства, и это удержание с помощью хозяйственного связывания регионов на основе раздаточной экономики составляло глубинную опору русского, российского государства. В матрице заложены определенные принципы взаимодействия центра и периферии, согласно которым столица не только политический, экономический, культурный центр, но и источник мощной политической воли (со стороны высшей власти), побуждающий к развитию, разрабатывающий и несущий на всю евразийскую территории сам дух развития, знания, современные технологии, новые ценности и модели поведения. Но одно дело матрица развития, а другое – конкретная политика того или иного представителя высшей власти.

Сегодня все, что составляет материально-технологическую основу российского общества, которая по своей природе носит коммунальный (общий) характер и подлежит совместному использованию, добровольно отдано высшей властью государства в руки крупных монополистов-олигархов. Власть теперь тщетно пытается понизить разные виды тарифов естественных монополий, призывает олигархов к совести, к социальной ответственности, но без заметных успехов. В частности, стоимость транспортных услуг такова, что подавляющая часть населения не в состоянии регулярно пользоваться междугородним транспортом, особенно авиационным. И по этой причине также идет обрушение социальной ткани российского общества, разнообразных механизмов удержания пространства особенно к востоку от Урала.

Вопросы возможного и вероятного распада Российской Федерации обсуждаются в ученой среде, не говоря о публицистике и СМИ, непрерывно⁵⁶. Но что удивительно и показатель-

но. Аргументы в пользу возможного и вполне вероятного распада во властных кругах никем публично не оспариваются и не анализируются.

Часть радикальных либералов придерживается той точки зрения, что Россия не сможет войти в европейскую цивилизацию сразу вся, целиком. И потому условием вхождения становится ее распад, скорее всего, на три части, о чем постоянно пишут и ответственные авторы, и наши недруги. Р.Пайпс прямо заявил, выступая в Москве на заседании фонда «Либерального фонда, что «американцам нужна маленькая Россия. Даже без Сибири Россия осталась бы большой. Думаю, Россия – очень большая страна, которой невозможно управлять»⁵⁷.

Не лучше обстоит дело и с экономикой. С.Ю.Глазьев пишет о том, что ведущие отрасли российской экономики постепенно переходят под контроль транснациональных корпораций, а для национальной экономики остаются лишь второстепенные отрасли производства⁵⁸. Периферийный российский капитализм, почти целиком ориентированный на удовлетворение потребностей западного общества в сырье и энергоносителях, не в состоянии создать в своей собственной стране единого экономического пространства и нормальной, конкурентной рыночной среды.

Особую сложность для анализа представляет собой проблема центральной верховной власти. В РФ фактически вновь возрожден персоналистский режим, режим личной власти. Президент по Конституции 1993 г. по сути стоит над ветвями власти. Как пишут юристы М.А.Краснов и И.Г.Шаблинский, в России сформировался «персоналистский режим, под которым мы понимаем несбалансированное сосредоточение властных прерогатив, как явных, так и скрытых, в руках политического монособъекта, коим выступает Президент РФ»⁵⁹. Такая модель власти, считают авторы, позволяет монополизировать политический рынок и препятствует развитию политической конкуренции. И, тем не менее, нельзя сегодня ставить вопрос так, что необходимо немедленно покончить в стране с высокоцентрализованной властью. А этого нередко требуют авторы с радикально-либеральными взглядами. Так, например, Л.Шевцова пишет о том, что «мы, либералы, являемся противниками этого полутрадиционалистского государств, не способного на прорыв из прошлого даже в настоящее, не го-

вора уже о будущем. А будущее – это, возможно, потрясающий интеграционный проект объединенной Европы... Мы нуждаемся именно в смене матрицы, а не в ремонте нашего государственно-го здания»⁶⁰.

Суть вопроса здесь состоит в том, какой вектор развития задает правящая элита и, конечно же, первое лицо государства. В России на протяжении последних пяти столетий выбор вектора развития зависел почти исключительно от взглядов первого человека. И сегодня в стране центральная проблема политических страстей и битв сконцентрирована вокруг президентских выборов. Поэтому и выстраивается политическая система в стране, которая по своему смыслу является совсем не европейской конструкцией, хотя внешне принцип многопартийности стал нормой в деятельности Государственной Думы, от которой, впрочем, мало что зависит с точки зрения формирования политической линии правящей элиты и первого лица государства.

Главное противоречие, раздирающее российское общество, связано с борьбой вполне определенных социальных сил, одних, выступающих за безусловное вхождение России в европейское сообщество, мировую экономическую капиталистическую систему, а других, отстаивающих возможность и необходимость собственного, особого пути.

Поэтому парламентская политическая структура выстраивается следующим образом. Партия власти выступает за дальнейшее встраивание российского государства в экономику глобального мирового капитализма. Левая и патриотическая оппозиция – за свой путь, за сохранение цивилизационного пути развития.

Никакого консенсуса по базовым ценностям в обществе нет, а есть противостояние двух сил, каждая из которых выступает за свой вектор развития российского государства. В чем согласие могло бы быть у всех партий – так это согласие в признании первостепенной значимости государственнической идеологии в отличие от конкретной государственной идеологии, о чем, к примеру, пишет Э.Я.Баталов. «Государственническая идеология ориентирована на апологию государства как высшей (одной из высших) социально-политической ценности и как института, занимающего приоритетную (или одну из центральных) позицию в политической системе общества»⁶¹.

Но сегодняшняя власть, кажется, не признает самостоятельной, а тем более метафизической ценности государства и видит в нем только инструмент решения конкретных проблем встраивания в глобальную капиталистическую экономику. Чем больше отечественный капитализм становится олигархическим, а это действительно так, судя по фантастическому росту миллиардеров в стране, тем сильнее становятся протестные настроения в обществе, тем сильнее угроза распада. Ситуация усугубляется все более тесным переплетением олигархии и правящей элиты, высших кругов бюрократии.

Олигархизация власти в России объективно ослабляет вертикаль власти, реальные возможности первого лица, резко усиливает социальное неравенство и, в общем, вполне соответствует стратегическим интересам Запада, преследующего цели всемерного ослабления России как самостоятельного игрока на международной арене. Правящая элита фактически потеряла контроль над процессами социального расслоения. Согласно официальной статистике, разрыв между богатыми и бедными составляет примерно 17 раз, а неофициально гораздо выше – около 40 раз. А ведь перераспределение общественного богатства есть одна из главных функций верховной власти, которая была вынуждена на протяжении столетий в интересах сохранения социального мира жестко ограничивать, прежде всего, претензии олигархов и на власть, и на чрезмерное обогащение путем ограбления населения. Причем нередко эти цели достигались с помощью насилия и террора против бояр, помещиков, государственно-партийной бюрократии.

Господствующее положение в современном российском обществе занимает идеология российского консерватизма. Если сознательную невнятицу ее ведущих идеологов перевести на ясный политический язык, то получится примерно следующий набор преследуемых с помощью этой идеологии целей: построить европейский капитализм в России, войти в экономическую систему глобального капитализма, провести декоративную модернизацию политической системы российского государства, но так, чтобы сохранить жесткий авторитарный контроль, сделать российский капитализм прочной опорой правящей элиты и бюрократии, сохранить тесные связи с олигархами, не допуская их, впрочем, к реальным рычагам власти. И главная задача заключается, конечно,

в том, чтобы воспрепятствовать различным попыткам со стороны оппозиционных сил попытаться осуществить поворот страны на другой путь развития. Но удастся ли реализовать эту программу и сохранить государство в его нынешних границах, и каким образом правящая элита намерена эффективно снижать растущую социальную и этническую напряженность в обществе? Осмыслены ли должным образом уроки истории, и к чему неоднократно приводила в России ситуация невыученных уроков?

Фактический отказ правящей элиты от исторического предназначения российской цивилизации ставит под вопрос правомерность ее дальнейшего существования, оправдывает неизбежность ее распада, поскольку вхождение в европейскую цивилизацию возможно только отдельных частей нынешнего российского государства. Всё это ставит под вопрос и легитимность верховной власти, которая всё больше опирается в своей деятельности на поддержку Запада и которую превращает в основное доказательство правильности выбранного курса.

В последние несколько лет в мире складывается принципиально новая ситуация. Капиталистическая мировая экономическая система пришла к своему качественно новому рубежу. Некоторые авторы пытаются доказать, что это всего лишь структурный кризис капитализма. Но, по-видимому, правы те, кто считает, что капитализм как мировая экономическая система претерпевает системный кризис. Как пишет У.Валлерстайн, «в настоящее время мы находимся на развилке системных процессов. Вопрос уже не в том, каким образом капиталистическая система сможет исцелить свои раны и возобновить наступление. Вопрос в том, что придет на смену этой системе. Какой же порядок вырастет из окружающего нас хаоса? ... Период системного кризиса можно представить себе как арену, на которой ведется борьба за выбор новой системы... Последствия этой борьбы по самой своей природе непредсказуемы»⁶².

Но если это так, то какой смысл нашей стране добровольно разделять с западным обществом все последствия неизбежных и непредсказуемых потрясений мирового капитализма. Недавний, скорее всего, еще не окончившийся финансово-экономический кризис показал высокую степень зависимости и, следовательно, уязвимости отечественной экономики по причине предельной

открытости. Универсалистским претензиям англосаксонской цивилизации приходит сегодня конец. Все великие цивилизации со всё большей решимостью на государственном уровне борются за право выбора своего собственного, цивилизационного пути развития.

Как возможен свой, цивилизационный путь? Какие должны быть выполнены условия? Прежде всего, историческая миссия, историческое предназначение российской цивилизации не закончена. Российская цивилизация вновь должна предложить такой общественный Проект, такую модель устройства общества, в том числе соотношения духовных и материальных интересов и стимулов к труду, которая будет выглядеть привлекательной для своего народа, а в случае успеха и для других народов и цивилизаций. Так устроена каждая цивилизация, иначе она не может существовать.

Главное здесь состоит в том, что государственная власть должна поставить на первое место решение социальных проблем и социальной справедливости, вопросов ограничения огромных богатств олигархов, перераспределения общественного богатства в пользу средних и низших слоев населения. В.Л.Цымбурский, обсуждая проблему выбора протестным движением форму своего выражения, в свойственной ему стилистике утверждает, что рано или поздно народное контрреформационное движение поставит «впереди принципов государства, авторитета и иерархии принцип мировоззренческой и ценностной гомогенности общества, морального консенсуса верхов и низов. То есть потребуют от всякой российской власти превращения в орудие косвенного диктата низов – на самом деле диктата контрэлиты, выступающей от имени низов, – над отщепенческими социальными верхами»⁶³.

Матрица российской государственности состоит из особой конструкции власти первого лица и важнейшей функции государства – удержания пространства, которое невозможно без сбережения народа и решения этнических и демографических проблем. Подобного рода системы, мы уже говорили, достаточно неустойчивы. Она эффективно работает только в режиме напряженного интенсивного освоения территории. Необходимо умное возвращение к раздаточной экономике, которая составляла и составляет глубинную опору русского, российского государства, но это воз-

ращение предполагает принятие всего положительного опыта, полученного от столкновения страны с агрессивной рыночной экономикой Запада, допущения в хозяйство страны и легитимации в общественном сознании частной собственности как крупной, так и особенно мелкой. Встраивание финансово-банковских и рыночных механизмов возможно и допустимо в определенных пределах, что хорошо показано в ряде научных работ⁶⁴. Но удержание евразийского пространства не может иметь основной и доминирующей целью получение прибыли. Приходится содержать предприятия, не приносящие прибыль и даже убыточные. К примеру, северный завод – сложнейшее по организации мероприятие, которое может быть проведено только государством, учитывая масштабы завоза на зиму продовольствия, топлива, оборудования и т. д., и конечно его стоимость.

Устойчивое существование государства во многом зависит от эффективного использования мощной материально-технологической базы, которая имеет, как мы выяснили ранее, коммунальную природу. Высокие тарифы приносят огромные прибыли естественным монополиям, но лишают стимулов к развитию другие отрасли. Тарифы естественных монополий должны быть достаточно низкими а возможно и не приносящими им особых доходов с тем, чтобы производство в различных отраслях промышленности и сельского хозяйства приносило прибыль и чтобы все виды транспорта были доступны населению. Только так можно удержать страну и евразийское пространство, только так можно создать долговременные стимулы для развития промышленности и прибыльного ведения хозяйства в его капиталистических, рыночных сегментах.

Некоторые авторы говорят о скором наступлении качественно нового глобального капитализма «с человеческим лицом», в чем приходится сильно сомневаться по причине абсолютной несоединимости «человеческого лица» и капитализма. Здесь, как говорится одно из двух. Или изменение природы капитализма с его извечной установкой на прибыль и выгоду, но тогда это просто означает отказ от капитализма. Гораздо реалистичнее выглядят поиски новой модели социализма, социализма XXI в. Для России это конечно может быть российский социализм, или, другими словами, социализм с российской спецификой.

Для сохранения движения по своему, особому пути необходимы не только благоприятные внешние обстоятельства, новый формат отношений с ведущими капиталистическими странами, который пока и не просматривается в логике действий правящей элиты. В условиях мирового соперничества и конкуренции должны быть сформулированы стратегические цели в парадигме опережающего развития. Необходимо идти своим путем, а это значит «догонять, опережая», работать в реально обозримой перспективе на опережение. Опережающее развитие для нашей страны, скорее всего, возможно именно в рамках вектора социалистической направленности. Государство должно поставить на первое место решение социальных проблем и социальную справедливость как важнейшее условие опережающего развития, которое невозможно, когда миллионы российских людей живут в нищете и бедности. Опережающее развитие может стать реальностью, если у государства появится мощная социальная поддержка.

Ранее это удавалось стране. Выход первого советского человека в космос явился свидетельством того, что страна в конце 50-х гг. прошлого века опередила США в создании важнейших отраслей четвертого по тому времени технологического уклада. Сегодня все обстоит гораздо сложнее. Как отмечает Г.Г.Малинецкий в своем докладе о перспективах РФ, «постсоветская Россия полностью “проспала” Пятый уклад. Вложения в инновации пятого уклада уже не дают прежних отдач и успехов. Отрасли пятого уклада достигли стадии насыщения и не в состоянии освоить большие инвестиции. Но и новые отрасли шестого уклада пока не готовы также принять огромные инвестиции»⁶⁵.

Успех может состоять в том, чтобы правильно определить наиболее перспективные направления и успеть их воплотить в промышленных масштабах. Ключевая идея опережающего развития заключается в опережающем создании базисных производственных основ нового технологического уклада. На ранних этапах создания нового технологического уклада у догоняющих=опережающих стран всегда имеются реальные шансы для выхода на лидирующие позиции. Причину этого С.Ю.Глазьев видит в том, что страна меньше обременена устаревающими отраслями производства пятого технологического уклада, а в современной России их сравнительно невелико⁶⁶. Российской элите в отличие от американской

не хватает стратегического видения того, какой примет вид в недалеком будущем эра нанотехнологий, какие инновационные технологии понадобятся российской экономике. Американская элита всерьез приступила к проектированию будущего всего мира с позиций дальнейшего усиления могущества и превосходства над ним евроатлантической цивилизации.

Таково решение вопроса об опережающем развитии с экономических позиций. А каким должно быть состояние человеческого фактора, социально значимых слоев населения? Чтобы двинуться по пути опережающего развития, необходимо вернуть стране интеллектуальное лидерство, а со временем и интеллектуальное превосходство. Его может обеспечить только высокообразованные научные, инженерные, технологические кадры, только интеллектуально развитый человек, патриот, высоко нравственная личность. Решение вопроса упирается в состояние сегодняшней системы образования, которая всегда выступала самой глубокой движущей силой опережающего развития. Но сегодняшнее российское образование деградирует, перестает быть национальным образованием. Его также хотят сделать по лекалам западного образования, и, следовательно, такое образование вряд сможет решать ту задачу опережающего отражения, которую ему не ставят и вряд ли поставят. Как пишет В.А.Садовничий, «пора понять: сегодня мы подошли к порогу, когда нам надо усилить и развивать нашу систему образования, впитывая все полезное, что можно позаимствовать в других странах, но в то же время учитывая её самобытность и уникальность. Мы не имеем права отказаться от корней, которые питали нашу систему образования два с половиной века»⁶⁷.

Наконец, сохранение авторитарной, персоналистской власти как части матрицы российского государства означает, что в обществе есть реальная сила, способная поставить страну и, прежде всего, бюрократию в ситуацию мобилизационного решения проблем опережающего развития. Но это возможно будет новый тип мобилизации, основанный на духовном единстве всего народа.

Персоналистская власть, по определению, приводившемуся ранее, это «застывшая революционность», и она может «неожиданно» дать мощный импульс к развитию, в случае, если проявит политическую волю и окажется способной компенсировать,

преодолеть разрыв, институциональное несоответствие между грандиозными замыслами и отсутствием необходимых организационных условий.

В период системного кризиса общество способно выдвинуть великого реформатора, способного к концептуальному мышлению. Отсюда почти инстинктивное ожидание огромной массой народа нового Сталина. Но это одновременно и признание того, что у нынешней правящей элиты нет не только таких по значимости достижений, которые можно было поставить в сравнение с достижениями советского периода, что она так и не научилась концептуально мыслить.

Появление мощной социальной энергетики в обществе, организационные преобразования и интеллектуальный прорыв могут дать хорошие шансы на достижение целей опережающего развития. Во времена Петра Великого стремление к преодолению национальной отсталости превратилось в национальную гордость, вызвало огромный взрыв народного энтузиазма.

Становление сегодня шестого технологического уклада необходимо неразрывно связать с новым типом интенсивного освоения пространства. Каким образом до сих пор сдерживался пространственный хаос? Силой власти и бюрократии, раздаточной экономикой индустриального образца.

Сегодня делаются первые, к сожалению, запоздавшие шаги по созданию новой информационно-коммуникативной инфраструктуры, которая станет основой дальнейшего качественно нового типа освоения пространства, формирования нового типа социальности, постепенного ограничения и трансформации моновласти. Но российская цивилизация по-прежнему на долгие десятилетия останется государствоцентричной цивилизацией и, следовательно, возникает вопрос о новой философии российского государства.

Перегруженность сознания людей и общества историко-архивным материалом, к тому же отягощенное беспредельным, нерегулируемым, в высшей степени произвольным обращением с историческим прошлым оставляет мало места в сегодняшнем общественном сознании для обсуждения будущего страны, замедляет формирование национальной идеи прорыва к качественно новому этапу в развитии российской цивилизации. А именно эта идея

должна быть в центре внимания мыслящей части российского общества. Уместно закончить словами В.Соловьева, который, оценивая в работе «Мир Востока и Запада», деяния Петра Великого и Екатерины II, сказал: «Их образ и их исторические дела говорят России: будь верна себе, своей национальной особенностью и в силу ее будь универсальна»⁶⁸. Об этом совете великого русского философа стоит помнить и сегодня.

Примечания

- ¹ *Шевченко В.Н.* Модернизация или национальный путь развития России? // Социология власти. 2010. № 6.
- ² *Баталов Э.* Русская идея и американская мечта. М., 2009. С. 9.
- ³ *Дугин А.Г.* Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. М., 2007. Разд. II. Гл. 5.
- ⁴ *Бранский В.П., Пожарский С.Д.* «Глобализация и синергетическая философия истории» // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 115.
- ⁵ *Фурсов А.И.* Рукотворный кризис. Режим доступа [fursov_andrey_rukotvornyy_krisis.txt](#)
- ⁶ *Кордонский С.* Сословная структура постсоветской России. М., 2008. С. 37.
- ⁷ *Огуцов А.П.* От методологии истории к метафизике истории // Наука: от методологии к онтологии. М., 2009. С. 232.
- ⁸ *Воропаев В.* Вас развратило самовластье. Режим доступа: [gusk.ru/st.php?idar=103987](#)
- ⁹ *Афанасьев Ю.Н.* Опасная Россия. Традиции самовластья сегодня. М., 2000. С. 78. И ещё одна цитата: «Объединение, а точнее завоевание Руси Москвой было условием и средством выживания огромного московского военнослужилого люда. Эта масса алчущих разлилась по Руси, густо замешав на крови генезис московской власти – а это и есть русская власть» (Там же).
- ¹⁰ *Межуев В.М.* Секрет русского самовластия – не в эксплуатации и угнетении народа, а в «отеческой любви» к нему // Российское государство вчера, сегодня, завтра. М., 2007. С. 524.
- ¹¹ *Фурсов А.И.* Русская власть, Россия и Евразия: Великая монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории // Русский исторический журнал. 2001. Т. IV. № 1–4. С. 48 и далее.
- ¹² К этим словам Иван Грозный добавляет: «А жаловать своих холопов мы всегда были вольны, вольны были казнить» /Первое послание Ивана Грозного Курбскому. Режим доступа: [www/infoliolib/info/rlit/drl/grozny/html](#)).
- ¹³ *Конфуций.* Уроки мудрости. М., 1999. С. 96.
- ¹⁴ См.: *Шевченко В.Н.* Российское государство и российская бюрократия: ретроспектива и перспектива // Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни. М., 2008.

- 15 Кюстин А. Николаевская Россия. М., 1990. С. 94.
- 16 Фурсов А.И. Предисловие к кн.: Брюханов В.А. Трагедия России: царевбийство 1 марта 1881 года. М., 2007. С. 65, 67.
- 17 Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М., 2006.
- 18 Полянъи К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.
- 19 Кирдина С.Г. «X- и Y-экономики. Институциональный анализ». М., 2004.
- 20 Кирдина С.Г. Институциональный анализ и развитие России. М., 2000. С.17.
- 21 Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 1. СПб., 1991. С. 182.
- 22 Ильин И.А. Эссе о культуре. СПб., 1997. С. 60.
- 23 Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. V. М., 1954. С. 129.
- 24 Фурсов А.И. Русская власть, история Евразии и мировая система (социальная философия русской власти) // Научный эксперт. 2008. Вып. 3(12). С. 10–57.
- 25 Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М., 1995. С. 50.
- 26 Степун Ф. Избр. тр. М., 2010. С. 531.
- 27 Кантор В.К. Русская классика или Бытие империи. М., 2005. С. 75.
- 28 Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М., 1998. С. 64.
- 29 «Евразийство – это не только историософская доктрина, но и способ цивилизационной самоорганизации, существующей не одно тысячелетие» (Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / Под ред. Ю.В.Попкова. Новосибирск, 2010. С. 5).
- 30 Тойнби А.Дж. Постижение истории. М., 1991. С. 140.
- 31 Ключевский В.С. Соч. Т. 2. М., 1956. С. 314.
- 32 Любарский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб., 2000. (1-е изд. М., 1909). С. 154.
- 33 Панарин А.С. Цивилизации и культуры. Вып. 3. М., 1996. С. 38.
- 34 См. подробнее: Фурсов А.И. Колокола истории. М., 1996. С. 83–88.
- 35 См.: Российское государство: вчера, сегодня, завтра / Под. общ. ред. И.М.Клямкина. М., 2007.
- 36 Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М., 2007. С. 121.
- 37 «Стратегия есть целевое программирование ситуации, где каждая из программ, преодолевая сопротивление, выводит систему на новый уровень функционирования» (Поченцов Г.Г. Стратегия. Инструментарий по управлению будущим. М., 2005. С. 25.) «Концептуальное мышление есть Большой проект, образ желаемого будущего. Именно этот проект определяет систему координат, в рамках которой выбираются цели и формируются политические стратегии» (Г.Г.Малинецкий).
- 38 Петр Великий: pro et contra. Антология. СПб., 2003.
- 39 «Эпизодически с XIV–XVII вв., нарастая в XVIII в. и приобретая угрожающий характер в XIX в., рядом с традиционной народной культурой, народными основами жизни и хозяйствования возникает идущее сверху движение

- за их отрицание, которое мы назовем парадигмой чужебесия» (*Платонов О.* Святая Русь и окаянная нерусь. Русская цивилизация против мирового зла. М., 2005. С. 525).
- 40 *Уткин А.И.* Вызов Запада и ответ России. М., 1996. С. 71.
- 41 *Мединский В.Р.* О русском пьянстве, лени и жестокости. М., 2010. С. 223.
- 42 *Кюстин А.* Николаевская Россия. С. 108.
- 43 *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1954. С. 15.
- 44 Николай I писал своему сыну, будущему императору Александру II: «Дай Бог, чтобы удалось мне сдать тебе Россию такую, какую стремился ее поставить: сильной, самостоятельной и добродетельной. Нам добро – никому зло» (Николай Первый и его время. Т. 1. М., 2000. С. 403).
- 45 *Врангель Н.Е.* Воспоминания. От крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 191.
- 46 *Алексеева Е.В.* Диффузия европейских инноваций в России. М., 2007. Гл. 3: Европейское влияние на российский экономическое развитие.
- 47 *Сталин И.В.* Соч. Т. 3. С. 123.
- 48 См.: *Шевченко В.Н.* Иосиф Сталин: мобилизационный тип развития и его исторический смысл // *Философия политического действия (Из истории левой политической мысли XX века)*. М., 2010.
- 49 *Клямкин И.М.* Режим доступа: [politstudies.ru>universum/esse/9pw.htm](http://politstudies.ru/universum/esse/9pw.htm)
- 50 *Солженицын А.И.* Как нам обустроить Россию? М., 1990. С. 12.
- 51 *Соловей В.* Рождение нации. Исторический смысл нового русского национализма // *Свободная мысль-XXI*. 2005. № 6. С. 00.
- 52 См.: *Глебов С.* Евразийство между империей и модерном. М., 2010. С. 85 и далее.
- 53 Режим доступа: www.rags.ru/node/377.
- 54 *Дугин А.Г.* Цит. соч. С. 161.
- 55 *Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация*. Новосибирск, 2010.
- 56 Прогнозы о территориальном распаде постсоветской России: режим доступа: www.memoid.ru/node/Prognozy.
- 57 «Старая и новая Россия». Заседание фонда «Либеральная миссия» 28.07.2009. Режим доступа: www.liberal.ru/articles/4318.
- 58 *Глазьев С.Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М., 2010.
- 59 *Краснов М.А., Шаблинский И.Г.* Российская система власти: треугольник с одним углом. М., 2008. С. 10.
- 60 «Российская государственность сегодня». Заседание фонда «Либеральная миссия». 28.10.2004. Режим доступа: www/liberal.ru/sitan.asp?Num=483.
- 61 *Баталов Э.* Цит. соч. С. 342.
- 62 *Валлерстайн И.* Динамика (незавершенного) глобального кризиса: тридцать лет спустя. М., 2009. С. 7.
- 63 *Цымбурский В.Л.* Цит. соч. С. 177.
- 64 О.Э.Бессонова пишет о том, что «в ареале российского государства сформировалось институциональное ядро с доминированием раздаточных институтов, которые обеспечивают гармоничное единство локальных сред в цивилизации»

- онной матрице. Это означает, что выживание... обеспечивается базовыми институтами раздаточного типа, а рыночные институты являются лишь вспомогательными, компенсаторными, проявляющие себя доминантными только в период институциональных трансформаций» (Бессонов О.Э. Цит. соч. С. 131).
- ⁶⁵ *Малинецкий Г.Г.* Доклад о перспективах РФ. Режим доступа: [www/nanonews-net.ru/articles/2009](http://www.nanonews-net.ru/articles/2009).
- ⁶⁶ *Глазьев С.Ю.* Цит. соч. С. 179.
- ⁶⁷ Образование, которое мы можем потерять / Под общ. ред. В.А.Садовниченко. М., 2002. С. 103.
- ⁶⁸ *Соловьев В.С.* Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 604.

Московское царство как прообраз политических стратегий российского государства

Ситуация кризиса, в который погрузилась наша страна, заставляет исследователей задаваться классическими вопросами: «Что делать?», «Кто виноват?», «Как обустроить Россию?». Все они имеют прямое отношение к корневой проблеме – «почему» все так произошло. Однако существует еще один, базовый уровень анализа, который ставит своей целью выяснить, «откуда» все есть пошло. Он повествует об истоках, заставляет нас обратиться к тому первоначальному состоянию, которое сформировало фундаментальную мифологию современного развития страны и задуматься о тех первичных субстанциях или первичных состояниях, которые никогда не подлежат изменению.

Сегодня мы видим перед собой *результаты* длительной исторической эволюции, т. е. того, что принадлежит нашей определенной – локальной и темпоральной культуре. Но для того, чтобы понять ошибки прошлого и перспективы грядущего, необходимо признать, что все это сущее производно также от архетипов, т. е. отражает прототипы и первообразы менталитета и ценностей нации, говорит способом, свойственным конкретному народу.

Когда возникает речь об архетипах, то следует помнить, что они, как указывает основатель этой проблематики в современной науке К.Юнг, никоим образом не являются просто раздражающими предрассудками, хотя и могут стать ими при неправильном восприятии¹. Они репрезентируют невидимые корни сознания. Они несут очень важную позитивную духовную нагрузку. Они пере-

кидывают мост между современным состоянием сознания народа, которому постоянно угрожает утрата собственных корней, и первоначальной естественной, бессознательной, инстинктивной целостностью.

Архетип – это вовсе не то, что существовало однажды в далеком прошлом, но то, что продолжает существовать сейчас. Если мы теряем мифологическое наследие, заложенное в архетипе, то, как подчеркивает К.Юнг, народ незамедлительно распадается и разлагается, как человек, который потерял бы свою душу. Такая потеря даже среди цивилизованных народов является моральной катастрофой, отмечает он. Ибо эта действительность не менее, если не более реальна, чем материальный мир². Архетипы формируют почву и остаются неподвластными времени. И в этом смысле прошлое оказывается непреходящим, ибо его рождение бесконечно повторяется.

Однако проблема анализа прошлого важна не только для более адекватного понимания настоящего, она необходима также для успешной реализации будущего. Эту тему красочно проиллюстрировал Т.Манн в своем эссе о Фрейте. Апеллируя к интерпретации сознания человека древности в философии Ортега-и-Гассета, немецкий писатель замечает, что такой человек, еще сохранивший живую связь с мифом, «прежде чем что-либо совершить, делает шаг назад, как тореадор, чтобы замахнуться для смертельного удара шпагой»³. Погруженный в проблему он, таким образом защитившись и преобразившись, оказывается в состоянии успешно ее разрешить.

Взгляд в прошлое вовсе не противоречит развитию. В настоящем мы постоянно сталкиваемся с новыми и новыми вызовами Прогресса. И наша главная задача в отношении архетипического не в том, чтобы изыскать и восстановить правду старины в ее застывшей неизменности, а в том, чтобы овладеть искусством того, что называлось некогда усвоением *rites d'entree et de sortie*, т. е. «ритуалами входа и выхода». Иными словами, речь идет не об отказе от прогрессивных новшеств. Напротив, речь идет о том, чтобы, поняв свою национальную натуру, усвоить верную, но **самобытную методологию освоения этого нового**. Недаром, каждый раз, когда отвергается национальное прошлое, разражается кризис национальной идентичности (по-русски «смута»). Он есть не что иное, как утрата корней.

Сейчас уже никто не оспаривает того психологического факта, что отбрасывание прошлого не означает избавления от его воздействия на настоящее. Психологической аксиомой является то, что когда часть души переходит в пассивное состояние, она лишь по *видимости* бездейтельна. На самом деле отколовшаяся часть овладевает личностью и искажает намерения индивида в своих интересах. Те же процессы происходят и с коллективной душой. «И если младенческое состояние коллективной души подвергается вытеснению вплоть до полного исключения, то содержание бессознательного расстраивает сознательные намерения и тормозит, искажает, даже разрушает их реализацию. Прогресс жизнеспособен только при их взаимном сотрудничестве», замечает по этому поводу К.Юнг⁴.

Помимо классического психоаналитического объяснения важности изучения национальных архетипов та же мысль излагается и в современных культурологических исследованиях только в иной терминологии. Речь идет о сохранности и устойчивости национальной топики, иначе называемой национальным характером. История культуры представляет собой такую протяженность, которая в результате изменений накапливает ценности, остающиеся живыми всегда. Формируется запас устойчивых форм, которые актуальны на всем ее протяжении⁵. Другими словами, помимо общечеловеческих ценностей, которые сами в разных эстетических системах обретают специфический культурный смысл, сохраняются и такие, которые определяют собственное лицо каждой крупной культурной системы, составляющие ее инаковость.

Такая национальная топка неотчуждаема. В периоды масштабных перемен, которые случаются в судьбе нации, когда сталкиваются «старое» и «новое», коренные свойства не исчезают. Но это не есть признак отсталости, это факт наличия иной культурной системы. И это нисколько не противоречит эволюционному принципу. Даже в ситуации культурного переворота «эволюция эта протекает все же в пределах “вечного града” культуры. ... В периоды скачков <...> старые ценности, выработанные многовековым народным опытом, только оттесняются на задний план, но не покидают “вечного града”»⁶. Таким образом, очевидно, что в процессе анализа необходимо найти то намечающееся общее для «старины» и «новизны» – те *loci communes*, которые и важно исследовать для успешного процесса самоосознания нации.

Две парадигмы мировосприятия: историческая и космологическая

Главной задачей, которую мы ставим в своем исследовании, является выделение некоторых первичных моделей развития страны, сформировавшихся в эпоху Московского царства. Различные авторы определяют особенности сложившегося типа российской государственности по-разному. Однако все сходятся в одном: Россия и Западная Европа развиваются несинхронно, и поворотным пунктом в их расхождении, точкой бифуркации, историческим перекрестком является именно эпоха Средневековья.

В этот период происходит оформление двух принципиально различных способов отражения действительности в общественном сознании и, соответственно, двух логик социального мышления, породивших позднее цивилизационное расхождение между Западом и Востоком. Как следствие этого процесса современные исследователи выделяют два устойчивых типа переживания действительности, которые характерны как для индивидуального, так и для коллективного сознания. Они образуют две абстрактные модели, два вида сознания, два образца культуры – «историческое» и «космологическое».

Различие состоит в том, что «историческое сознание организует события прошлого в причинно-следственную связь... События прошлого последовательно предстают при этом как результат каких-то других, относительно более ранних событий... Космологическое сознание, между тем, предполагает соотнесение событий с каким-то первоначальным исходным состоянием, которое как бы никогда не исчезает – в том смысле, что его эманация продолжает ощущаться во всякое время»⁷. Таким образом, первое предполагает отсылку к предыдущему, но не первоначальному состоянию, тогда как второе воспринимает события как проявления исходного онтологического текста и потому иначе именуется «мифологическим» сознанием.

В реальности оба принципа сосуществуют, однако в различных культурах акцент делается на одном из них, что предопределяет своеобразие биографии данного сообщества. Дело в том, что «историческое» сознание логически порождает необратимость времени, линейное его течение. События последовательно и за-

кономерно сменяют друг друга, уходя в далекую бесконечность. Формируется идея эволюции как **прогресса**. Такое мировосприятие составляет фундамент европейского развития, европейской цивилизации. Для него характерно необратимое преодоление на определенном временном отрезке религиозного мировоззрения, прагматический отказ от него, выстраивание коллективного жизненного процесса на основе отделенного от Природы научно-технического пространства, которое рассматривается как инструментальная мастерская, существующая и функционирующая по законам и проектам человека, по его воле. «Мифологическая» основа полностью изымается из житнетворчества народа, оставляя разве что литературный след в учебниках по истории Древнего Мира. «Миф» как онтологический текст (согласно учению Юнга, дремлющий в коллективном бессознательном и постоянно сокрыто присутствующий в жизни сообщества) накрепко перекрыт цензурой Рацио. Он уходит в область небытия. Остается разве что сугубо исследовательский интерес социантропологов к автохтонным культурам забытых Цивилизацией островков «первобытного» мира.

Космологический тип мировосприятия, довлеющий в российском бытии, сохраняет привязанность к ядру онтологически заданного текста, к архетипу, к «мифу», лежащему в основании российского мироздания, до сих пор неразгаданному. Сегодня он интригует нас с особой силой, потому что мы накопили опыт исторического прорыва его сущностных параметров в совершенно внешне отличные друг от друга периоды российского социального экспериментирования. Прослеживается повторение главных исходных форм, которые вуалируются кажущимся разноликим, даже контрастным, набором эпохальных черт, по сути своей, поверхностных и случайных.

В этом отношении можно говорить о цикличности российской истории как одном из следствий «космологического» типа мировосприятия. В самом деле, уже неоднократно отмечалась странная дискретность исторических периодов ее развития, когда многожды все разрушалось до основания, и затем предпринимались попытки построить «новый мир». Многие исследователи отмечают удивительную повторяемость резкой, разрывной «смены вех» в движении страны. Революционно-мобилизационная матрица расчленяет

исторический процесс на эпохи: московское царство, петровское, советскую эпоху, постсоветскую. Внутри них после взрыва воспроизводится практически одна и та же формула властвования, организации социальной жизни, хозяйствования.

Противопоставление исторической и космологической логик развития дает возможность понять смысл чаадаевского определения России как «выпадающей из истории». Россия выпадает не из истории человечества, не из геополитического процесса (в нем она, напротив, сохраняет постоянную важную роль), а из европейской логики видения этого эволюционного процесса.

Акцент на космологическом восприятии развития в противовес историческому обуславливает важность идеологического фактора для активизации политического процесса в России. Необходимо наличие мифа, доктрины, проекта. Именно они способствуют мобилизации нации на реальное политическое действие. Во времена Ивана Грозного впервые была проявлена весомость доктринальной составляющей политики. Речь идет об известной концепции «Москва-Третий Рим» как идеи спасения страны и мира через воспреемство Русью миссии Православия. В начале XX в. Россия вдохновляется марксистским проектом, социалистической идеей спасения себя и человечества. Конец XX – начало XXI в. – период растерянности, и главный упрек вождям этого периода состоит в отсутствии четкой перспективы, проекта развития.

Российско-европейские отличия заметны не только в макро масштабе социального действия, но и на субъективном уровне. Европейское самосознание пронизано идеей активного воздействия на текущий политический момент. Результат складывается в процессе острого противоборства всех слоев общества. Исторические события видятся как итог такого актуализированного противостояния.

Российское сознание живет улавливанием «знамений» = знаков, которые помогут угадать будущее состояние общества. Это равноценно ситуации, когда социальное действие совершается не человеком, группой, обществом, а подчинено процессу, который самопроизволен или управляем лишь отчасти. Главное – угадать его вектор по отголоскам признаков некоего исходного состояния (архетипа). Так, во времена Ивана Грозного общество живет от одного эсхатологического знаменья конца времен до другого.

Событие не наступает, даты смещаются, однако не происходит пересмотра самого подхода к восприятию истории. Человек не становится ее главным субъектом, или выражаясь в современной европейской терминологии, социальным актором.

В начале XX в. в сходной ситуации социальной «смуты» и культурного перелома распространяются авгуровские поэтические образы «буревестника», предвещающего бурю, катастрофические предчувствия личной и коллективной смерти. Всюду ищут предзнаменований грядущего катаклизма. Общество «застывает» в ожидании его неизбежности. Революция накрывает страну со всей неожиданностью долгожданной грозы.

Сегодня, несмотря на кажущуюся экспансию европейского мышления в России, работает тот же семантический код космологического мышления. Выборы президента 2012 г. не рассматриваются как результат борьбы партий и программ. Прогнозы строятся вокруг выявления «знаков», «знамений», исходящих от «тандема», на разгадывании которых сосредоточились все усилия политологов.

Два типа государственности

Во времена Ивана IV **намечаются главные особенности** российской государственности, которые продолжают до сего времени отличать ее от европейско-американского цивилизационного образца. Начало этого процесса восходит к идеологическому расколу Ромейского царства на Западно-Ромейское и Восточно-Ромейское, который предопределил грядущие инвариантные особенности эволюции идеи государства в западной и российской реальности.

Специфика европейского положения состояла в том, что христианская традиция не была органическим продуктом варварской культуры галлов и германцев. Римско-католическая церковь изначально оказалась оторванной от государства и, используя свою независимую позицию, вступила в борьбу за власть с государством. Острое противостояние власти папской и императорской достигло своей кульминации в известном «споре об инвеституре» (по вопросу о постановлении на церковные должности) между Генрихом IV и папой Григорием VII. **Фактически это означало** выстраивание баланса двух властей – церковной и светской.

Формировалось политическое измерение властных отношений, в результате которого оба субъекта политической жизни превратились в самостоятельные и равнозначимые учреждения. Оба стали двумя равноценными акторами в борьбе на политическом поле, двумя участниками политической игры. Церковь выступила активным строителем общественных отношений, государство утратило идеократический ореол.

Эволюция государственной идеи пошла по пути оттачивания строго институциональных черт функционирования государства как инструмента, механизма общественной жизни. Историческая логика привела к усилению в нем аппаратных штрихов, которые укладывались в матрицу «хорошо организованной машины власти»⁸. Отстранение от идеократической нагрузки, в конечном счете, превратило его в одну из многочисленных общественных организаций. Такая организация «ни в коем случае не идентична самому обществу», ее контуры «ограничены правительственным аппаратом»⁹. Ее телеологическая сущность сводится исключительно к регламентационной деятельности определенной «группы лиц», называемой правительством. Она вырабатывает правила для социальных групп. Сводным итогом указанной эволюции может быть дефиниция государства из современного популярного американского учебника: «Государство – это группа людей, которая правит, издает законы, управляет социальными процессами и вырабатывает правила для социальных групп на определенных территориях и в пределах определенных границ»¹⁰.

В отличие от Западной Европы восточная (византийская) ветвь христианства породила тесный симбиоз государства и церкви с последующим первенством государства над церковью – цезарепапизмом. Эта отрицательная с точки зрения светского прагматизма черта усилила и сохранила идеократическую направленность российской государственности. Главенство идеи, руководящей всем ходом общественной жизни, переросло в этическое восприятие государства как высшей моральной ценности общества, что дало возможность акцентировать ценность «поля общего» и создать впоследствии идею социального государства. (Ее родоначальниками были именно российские авторы – Б.А.Кистяковский, П.И.Новгородцев, С.И.Гессен.)¹¹ Органическое вхождение церкви в государство, подчеркивало ценность духовности в таком мате-

риалистическом, по сути, учреждении как государство. Однако эта же черта, одновременно, породила и позднейшее перерождение умеренного и полезного этатизма в идеологический тоталитаризм.

Две структуры власти

Эпоха Московского царства предстает как период радикального исторического выбора в российском развитии, когда были заложены осевые структуры современной модели коллективно-го сознания нации, и в первую очередь, алгоритма властвования. В преддверии Московского царства Россия находилась на историческом распутье – имело место колебание между расширением влияния дружинно-княжеского менталитета, который по своей сути был близок к социальному образцу западного вассалитета, и избранием «министериялитета» как главной формулы власти.

Различие принципиально. Если в основе вассалитета лежит договор сторон, предусматривающий их формальное равенство, то министериялитет – это служба недоговорного характера. Он позволяет властителю создать для себя штат верных подданных как искусственную опору своей власти. Подданные в такой системе отношений связаны с монархом узами личной зависимости. Такого рода модель взаимоотношений существовала в определенный период в Западной Европе и была характерна для эпохи вынужденной централизации государств. Особое развитие подданствов-министериялитет получил в Германии в XI–XII вв. Однако он не стал господствующим стилем и, развиваясь, перерос в **вассалитет**, который и стал ведущим типом отношений во всей Западной Европе. Ему сопутствовало создание правовой системы и распространение договорного типа отношений во всех слоях и структурах общества.

В Англии XIII в., где раньше, чем в любом другом европейском государстве, выработались типичные для Западной Европы социальные и политические условия существования, правовая система покоилась на прочнейшем фундаменте вассалитета. Несмотря на самодержавные выходки английского короля Иоанна Безземельного, именно при нем в 1215 г. была утверждена знаменитая Великая хартия вольностей. И одна из ее статей гласила:

«Ни один свободный не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона... и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору равных его и по закону страны»¹².

В России в этот период также существовали зачатки отношений по типу вассальной зависимости, преимущественно в форме княжеско-дружинной военной общины. Для нее были свойственны отношения равенства, находящие внешнее выражение в дружинных пирах и в равноправном дележе военной добычи.

Однако фактор монгольского нашествия и включения русских земель в состав Монгольской империи, с одной стороны, и опасность парализации удерживающей власти монарха центробежными силами, неизбежно возникающими при вассальной зависимости, с другой стороны, сделали для России исторический выбор однозначным в пользу централизации власти. Первое обстоятельство ввело в постоянное пользование образец жестких властных отношений по типу государь-холоп. Второе было обусловлено масштабностью территориального фактора российского государства, который требовал твердой власти для сохранения «связности» единого пространства существования. Государь, таким образом, превращался на Руси в государя-владыку и в государя-хозяина.

Нельзя сказать, что праформы чисто демократического устройства не были испробованы на Руси. Идеи «распыления» власти существовали – таковы были вече и казачий круг. Однако вече, рожденное на Севере Руси, показывало свою жизнеспособность только до определенных масштабов пространственного расширения. Как только территория, обнимаемая таким правлением, увеличивалась, вече оказывалось неспособным приноровиться к изменившимся условиям. Из него либо выделялись новые единицы управления, которые делались самостоятельными (Псков, Вятка), либо же оно сохранялось как верхушечная форма иерархии, а внизу устанавливались жесткие модели властвования. (Таково было управление регионом Севера как колониальной империи Новгорода.) Что касается казачьего государственного устройства, то оно удерживалось только как локально-ограниченная модель власти¹³. Таким образом, в России все попытки отказаться от централизованной формы правления наталкивались на препятствие непреодолимой силы – территориальный фактор.

Начало формирования российского пространства

Существует определенная связь между исторической судьбой нации и территорией, которую она осваивает. Телесность такого рода. прежде всего, психосоматическая. С одной стороны, географическая среда формирует определенные черты национально-го характера. С другой стороны, нация как живое тело ощущает определенные потенции своей территориальности и стремится реализовать «устойчивое развитие», улавливая те импульсы, которые заложены в динамике территории.

Современные исследования показывают, что динамика развития географического объекта состоит в том, что он стремится к точке своего территориального оптимума. Это означает, что на него действует сила, названная *давлением места*, или *позиционным давлением*. Под влиянием такого давления объекты либо испытывают глубокие структурные изменения, теряя свою индивидуальность и погибая, либо обретают состояние гомеостаза. Как верно заметили казанские географы А.М.Трофимов и Н.М.Солодухо¹⁴, этот принцип перекликается с представлением Аристотеля о причинах движения: «Если тело находится на месте, свойственным ему по природе, то оно будет неподвижно; но если оно находится в месте, не свойственном его природе, то оно будет двигаться из места, где оно оказалось, к месту, указанному самой природой»¹⁵.

Указанные потенции динамики территории, поиски устойчивого историко-географического оптимума проявляют себя как задачи, поставленные средой обитания перед конкретным сообществом и призванные обеспечить жизнеспособность данного этнического или же государственного образования.

Для того, чтобы проникнуть в логику этого процесса уместно привести высказывание Н.С.Трубецкого: «Всякое государство жизнеспособно лишь тогда, когда может осуществлять те задачи, которые ставит ему географическая природа его территории»¹⁶. Географическое задание Киевской Руси соответствовало вертикальной оси, по которой проходил торговый «путь из Варяг в Греки». Географическая сущность этого государства состояла в политико-экономическом освоении территории от Балтийского до Черного морей. И Русь как государство была успешной до тех пор, пока могла осуществлять эту задачу. Однако набеги кочевников остановили рост могущества этого

образования и сделали невозможным продуктивное и перспективное господство удельно-княжеской власти над территорией Древней Руси. Эпилог драмы под названием «Киевская Русь» представлял собой нескончаемые междоусобицы мелких самостоятельных княжеств.

Образование полноценного государства и наращивание могущества для России на следующем этапе ее истории оказалось намного более благоприятным и перспективным по горизонтальной оси Запад – Восток. Именно это имплицитное требование истории и географии России – восточный вектор – и должен был почувствовать и претворить в жизнь новый правитель страны, чтобы постепенно шаг за шагом ее политическое состояние могло достичь своего территориального оптимума в будущем. Новые политические стратегии методом проб и ошибок вырабатывались, таким образом, в царствование Ивана IV.

Симптоматично в этом отношении то, что царь первоначально стремился к территориальному расширению в западном направлении. Однако, несмотря на все его упорство, Ливонские войны закончились неудачно. Это был «перст истории», указывающий на единственно верный вектор российского телесного развития – восточный. Ближайшие военные действия подтвердили этот тренд – успешное завоевание Казанского царства, последующее освоение Сибири определили грядущее России на все последующие века.

Необходимо отметить, что матрицу благополучного выполнения этого исторически ценного задания дал стране организационный гений Чингисхана. Ничто в истории нации, как и в жизни личности, не бывает напрасным. Даже такая страшная эпоха как татарское иго была важной и принесла свои преобразовательные позитивные плоды.

Государственный идеал «Великой России» родом из большой государственной идеи Великого Монгола, которая гипнотизировала русских неотразимой притягательной силой. Равнинные просторы, бескрайность степи, огромная ширь, крепко спаянные особой техникой государственного строительства, гармонично соответствовали желаниям русского коллективного бессознательного, связанного с пространством.

Стержнем государственного объединения была кочевая идея. Ядро монархии Чингисхана составляла система степи, пересекавшая на юге все меридиональные речные системы

Евразии, вокруг которых развивались локальные цивилизации, складывались уделы и княжества. Объединив под своей властью степь, творец Монгольской империи создал четко контролируемое сплошное кочевническое государство с прочной военной организацией. Последующие исторические эпохи лишь заменили «лошадиные силы» на другой вид транспорта, но суть процесса не претерпела изменений. Россия постоянно стремилась создать устойчивую полноценную систему сообщения Восток-Запад: сначала это была Восточно-Сибирская железная дорога, затем Байкало-Амурская магистраль. Недаром поименованные «великими», эти стройки составляли сверхзадачу каждого конкретного этапа созидания российской государственности. «Россия Сибирью прирастать будет» – таков крылатый лозунг и историческое геополитическое задание, по сути, повторяющее евразийскую идею, проявленную Великим восточным завоевателем. И более того, всю историю российских распадов и расколов пронизывает инстинктивное стремление воссоздать это нарушенное единство.

Территориальное становление Московского царства есть первый шаг к величию России. Как отмечают исследователи, первоначально Русь не претендовала на особую роль в мировой истории, в частности, на идейное византийское наследие, в том числе на звание империи. Она всего лишь добивалась «паритета с западноевропейскими монархами». Когда Иван IV **короновался** как царь, это был всего лишь факт местного значения. Он решал только внутренние проблемы своей страны и свои личные, определяя конец боярской опеки над ним. Но ситуация резко изменилась, когда Московия осуществила крупнейшие завоевания на Востоке. Только после этого царь обратился к константинопольскому патриарху с просьбой о признании его царского титула. Благословение было получено в 1561 г. Таким образом, «по времени санкция патриарха совпала с моментом наивысших военных успехов Москвы»¹⁷. Территориальный фактор, пространственное расширение страны стали далеко не последними аргументами в процессе подъема международного престижа России, подтверждения ее наднациональной миссии.

Две утопии

Универсальные прообразы, праформы поведения и мышления, которые К.Юнг называет архетипами, и которые через систему установок и реакций незаметно определяют жизнь человека, с максимальной силой проявляют себя в первозданных типах мышления. Это происходит, в частности, в сказках и мифах. По мере социализации и продвижения человека на пути прогресса цивилизации и культуры сфера общественного сознания оказывается преобладающей в жизни сообщества.

Своеобразной парафразой мифа в коллективном сознании развитых обществ становятся специфические формы личностно-общественного мышления, известные под названием утопий. На языке К.Юнга это звучит как символическая переработка архетипических образов, медиумами которых выступают пророки, гениальные личности. Подобные вариации мифов оцениваются им неизмеримо выше привязанного к внешнему миру логического мышления. Они предстают для него подлинным источником мудрости. Более того, миф дает основания для существования, устанавливает жизненные координаты. Он возвращает к истокам, в изначальные времена, возобновляет прошлые события, придающие смысл настоящему. Когда миф рушится, человек ощущает свое существование бессмысленным.

Симптоматично, что исторически значимые произведения такого рода нередко возникают в переломные кризисные моменты эволюции общества. Более поздние исследователи стали обозначать их как периоды «кризиса идентичности». Это эпохи крупномасштабных качественных перемен, когда старые ориентиры и ценности уходят в прошлое, а новые пока еще не проявили себя с достаточной ясностью в виде оформленной общей идеологии развития. (В терминологии К.Юнга эти периоды можно обозначить в «энергетической перспективе» как соответствующие «понижению уровня сознания».)

Известный американский социолог и психолог, основоположник теории идентичности Э.Эриксон пишет, что в подобные моменты истории, когда прежняя система организации социального опыта оказывается расшатанной, а ценности устаревшими, социальная общность вступает в переходную эпоху, возникает «вакуум

идентичности»¹⁸. Но именно тогда рождаются новые идеологемы, учения-прозрения, которые нередко оформляются как «утопические» проекты, зовущие народы на великие свершения и, в то же время, отражающие глубинные чаяния людей. Их выразителями становятся творческие личности, которые благодаря обостренной чувствительности и особой абсорбирующей способности формулируют общие для всех проблемы. Трансформируя свои личные переживания в идеи, созвучные умунастроению эпохи, они включают компоненты этих идей в новую мировоззренческую парадигму. Суждения такого рода часто излагаются в форме текстов-предсказаний или фантастических проектов.

Для исследователя эти литературные труды представляют несомненный интерес как отражение и выражение политического курса коллективного сознания и его глубинных бессознательных структур. С точки зрения осмысления архетипического отличия российского общества от европейского, впервые полномасштабно проявившего себя в период Московского царства, несомненный интерес представляет сопоставление двух эпохальных произведений такого рода – «Утопии» Т.Мора и «Сказания о Магмете-салтане» И.Пересветова. Они с особой выразительностью выявляют отличие идеальных моделей развития Западной Европы и России. Как замечает на этот счет А.Л.Юрганов, «Утопия» Томаса Мора воссоздает представление о совершенном обществе, создающем идеальное государство. В сочинениях Ивана Пересветова изложены представления об идеальном государстве, создающем православное общество¹⁹.

Первое, что бросается в глаза в рассказе Т.Мора об обычаях и учреждениях утопистов, это то, что автор не допускает ни малейшей возможности преобразования государственных учреждений, обращаясь к мудрости государя, «делаясь советником какого-либо великого правителя»²⁰.

Акцент в повествовании Т.Мора делается на гражданском благоустройстве, на стремлении сформировать граждан, «воспитанных в здоровых и разумных правилах» в государстве, которое управляется по законам и жители которого свободны. Уже в этой литературной фантазии XVI в. четко прорисовывается главное направление грядущего идеологического развития западной мысли – индивидуализм. Для автора «Утопии» «ничто из того, что есть в мире, не может срав-

ниться с человеческой жизнью»²¹; короля утописты выбирают для себя, а не для него самого, а весь пафос произведения нацелен на созидание учреждений, превосходящих существующие.

Для И.Пересветова, напротив, ведущим мотивом «Сказания о Магмете-салтане» стало укрепление централизованного государства, акцент на роли и значении православного царя, способного устроить истинное православное царство для спасения «люди своя».

Таким образом, уже в этот период выкристаллизовывается главное противоречие российского и европейского мировосприятия, которое позднее будет определено Ф.М.Достоевским как два края бездны, два противоположных берега, на одном из которых господствует Человекобог, на другом – Богочеловек²².

Оба произведения – воображаемые образы идеального правления. Однако замечательно в них то, что сколь бы мечтательными они ни были, обе утопии крепко привязаны к «почве», из которой вырастают. И то, и другое отражает конкретные истоки и сокровенные желания реального коллективного бессознательного.

Различия проявляют себя уже в самом факте географического положения воображаемых объектов в исследуемых опусах, отражая грядущее идеологическое оформление «морского» и «континентального» геополитического мышления обеих стран. Государство, измышленное Т.Мором, «гражданином и виконтом славного города Лондона», расположено на острове, отделенном от материка искусственно прорытым многокилометровым каналом. Аллюзии И.Пересветова сопряжены с восточным городом-крепостью.

Англичанину в «Утопии» близки, прежде всего, особенности своей островной географии, принцип свободной торговли как основы экономики, схема выборности органов управления – провозвестницы парламентаризма. Сама эстетика окружающего пейзажа и та глубоко национальна. Страстью утопистов являются аккуратные и ухоженные сады, парки и цветники – будущие знаменитые английские газоны, которые надо постригать двести лет. Оговариваются и такие психонациональные мелочи, как то, что беседы за столом должны быть не лишены остроумия (непревзойденная английская ирония).

Внешнеполитическое поведение утопистов также весьма характерно. Когда их население увеличивается настолько, что им не хватает земли, они на ближайшем материке «основывают ко-

лонию по своим собственным законам ...Отказавшихся жить по их законам утописты прогоняют из тех владений, которые предназначают себе самим. На сопротивляющихся они идут войной. Ибо утописты считают наисправедливейшей причиной войны, когда какой-нибудь народ сам своей землей не пользуется, но владеет ею как бы попусту и напрасно, запрещая пользоваться и владеть ею другим, которые по предписанию природы должны здесь кормиться»²³.

Эта картина, несомненно, перекликается с современной политикой американских англосаксов в отношении так называемых слаборазвитых стран, или по выражению официальной власти, «стран-неудачниц»²⁴. Практики навязчивой передачи своего «институционального потенциала» другим странам фактически означают не что иное, как политическую стратегию по «перестройке» других государств, включение их в зону своего влияния. Но что это, как не инновариант «утопийского» захвата неумелого (с точки зрения англичан) использования ресурсов территорий, населенных туземцами. По словам Ф.Фукуямы, которые подтверждают этот тезис, для центров мирового могущества эти действия содержат в себе искус административного добавления других стран к своей империи²⁵. Таким образом, суть геополитического поведения в отношении слабых соседей, описанная в «Утопии» Т.Мора, осталась без изменений, хотя контекст мировой вполне современен.

Однако особенно сильны расхождения между проектами Т.Мора и И.Пересветова в области социально-политической. Тщательно продумывая особенности формирования управляющих структур и поведения должностных лиц в государстве, Т.Мор сосредотачивается на условиях и способах воспитания и занятий граждан – сельских и городских, рабочих и ремесленников – грядущего «среднего класса», остова и сердцевины английского общества. Он озабочен также тем, что сегодня называется организацией досуга, размышляет о «ротации кадров», необходимой для полноценного развития политической сферы, науки и искусства.

И.Пересветов все свои помыслы направляет на поиски механизмов уничтожения властного и бюрократического произвола царского окружения. Для него первостепенной заботой становится преодоление последствий боярского бесконтрольного правления. Единственно эффективной он считает управленческую

практику жесткой централизации власти и ограничения влияния знати. Для этого российский идеолог предлагает сосредоточить все властные ресурсы в руках верховного правителя, предвосхищая грядущую систему государственного вотчинного правления. «В лето 6961 царь же велел со всего царства все доходы себе в казну имати, а никому ни в котором граде наместничества не дал вельможам своим... и оброчил вельмож своих ис казны, кто чего достоин...»²⁶.

И.Пересветов понимает, что даже царю не просто пересилить своих «вельмож», поэтому он постоянно советует Ивану IV действовать не только мудро, но и «грозно». «А не мочно царю без грозы быти; как конь под царем без узды, тако и царство без грозы»²⁷, отмечает он. При этом он печется об усилении роли служилых людей, которые одни только и могут противостоять мздоимству и несправедности боярского суда. Здесь уже виден абрис будущих царевых слуг, которые призваны были противодействовать укреплению олигархической власти. Царьград погиб из-за «вельмож» Константиновых, «ленивых богатых», которые разорвали связь царя с «воинниками», установили неправый суд и подорвали мощь государства. Поэтому особую роль И.Пересветов отводит опоре царя на служилое войско: «Не скучайте, братие, службою; мы же без службы не можем быти на земли...»²⁸. Идея служения непосредственно увязывается с «жалованием» лучших людей из казны и дарованием государевых владений за верную службу: «кто ... царю верно служит, хотя от меньшаго колена, и он его на величество подымает, и имя ему велико дает, и жалования много ему прибавляет...»²⁹.

Итогом реализации подобных советов неизбежно должно было стать образование монолитного сильного центра, который строит свои действия и структуру властвования на основе раздачи привилегий (первоначально земель, затем и других преимуществ) сначала служилой, а позже элитарной части общества и церкви, при этом вовлекая их в служение государю и государству («царю и отечеству»).

Различия предлагаемых проектов развития общества есть свидетельство и отражение не только и не столько конкретно-исторических реалий, которые наблюдали оба писателя, сколько тех центральных вех, скелетных оснований, которые предопреде-

ляют развитие организма в определенном направлении. Они составляют не только простор для социального творчества, но и ограничения для иностранных заимствований и заморских прививок.

Характерно то, что для российских читателей «Утопии» XIX и XX вв. не были выделены как первостепенные ни идеи парламентского устройства, ни динамика развития «среднего класса». Зато было отмечено то, что было близко российскому национальному умунастроению и образу жизни (сначала общинному, позже социалистическому) – средства и способы осуществления «общего дела». В советском варианте национальная идея «общего дела» была конкретизирована как ликвидация частной собственности, коммунистическая форма сочетания умственного и физического труда, централизованный плановый учет и контроль в сфере хозяйствования. Облик идеального ландшафта (сады и лужайки) также отпечатался в сознании, но он принял вид иного желанного пейзажа, «с мессианским оттенком», из разряда тех, когда «и на Марсе будут яблони цвести».

Эсхатологическая государственность

Итак, во времена Московского царства намечается эпохальный, судьбоносный выбор России, определяющий модель развития страны и народа на многие столетия вперед. Лейтмотивом этого выбора становится государство и государственность как главное действующее лицо и «мейнстрим» российского развития. Именно поэтому необходимо сконцентрировать исследовательский интерес в первую очередь на рассмотрении ведущих характеристик российской государственности как они сложились наиболее выпукло в эпоху Московского царства и как они воспринимались в то время. Ибо именно эти значимые черты получили дальнейшее развитие и имели различные следствия для формирования специфически российского цивилизационного кода.

Первое качественное определение российской государственности связано с *эсхатологической* идеей, господствовавшей в средневековом сознании. Образ мира, в котором существовал человек древней Руси, задавался сакральными христианскими текстами, а человек жил в постоянном ожидании Второго

Пришествия, в преддверии вечной жизни. Все ценности, смыслополагания и действия его реализовывались в контексте ожиданий конца времен и наступления Новой эры – эры вечной и справедливой жизни, рая на земле.

Корни такой картины мира, уйдя со временем в коллективное бессознательное, сформировали такую национальную черту как лиминальность, стремление к пределу, которая сопутствует российскому человеку и в общественных проектах, и на личностном уровне. Наиболее масштабным проявлением этого алгоритма в социальном контексте стала склонность к «дискретному» варианту развития – в предпочтении революционных скачков, «прорывов» плавному эволюционному «постепенничеству» – слово, ставшее буквально ругательным в годы модернизационного рывка первой трети прошлого столетия. Народный энтузиазм акцентировал крайности, порою доходя до карикатурности («выполним пятилетку в три года», «повернем реки вспять», «покорим пространство и время» и т. д.). Однако такой темп и такие призывы находили отклик в российском индивидуальном сознании, склонном к лихости и удалству (кстати, характеристикам, чаще всего упоминаемым и прославляемым в русских сказках).

Тот факт, что над русской ментальностью довлеет лиминальность, подмечали многие философы. Сохранение метафизической устремленности к пределу, краю составило одну из коренных черт российского национального характера. Академик Д.С.Лихачев пишет, что стремление во всем доходить до крайностей, до границ возможного составляет несчастье русских. Эту черту можно заметить в России во всем. Не только в пресловутых русских отказах от всех земных благ, но и в русской философии и в искусстве³⁰. Он вспоминает поразительный по верности образ России, представленный еще в XVI в. Максимом Греком. Тот писал о России как о женщине, сидящей при пути в задумчивой позе, в черном платье. Она чувствует себя при конце времен, она думает о своем будущем. Она плачет.

Берег реки или моря, край света, пути и дороги для России являются весьма символическими не только в географической реальности, но и в политике, поскольку связываются с идеологическими моментами – с решительными поворотами и преобразованиями в развитии страны. Первые стольные города Руси основываются на

Великом пути из Варяг в Греки. Иван Грозный мечтает о переносе столицы в Вологду, и только случай заставляет его отказаться от своей затеи. Но уже Великий реформатор Петр реализует идею переноса центра империи на весьма опасный рубеж – к морю. «Столица на самой границе своей огромной страны! – думаю, это единственный в своем роде случай в мировой истории», замечает Д.С.Лихачев³¹. Благодаря этой черте – доходить до крайностей – Россия не раз в истории находилась на грани чрезвычайной опасности. Причем, «испытание пределом» происходило не только в координате пространства, но и в координате времени. Стремление к счастливому «бытовому» настоящему в ней всегда замещала мечта о счастливом будущем.

Настроения устремленности к пределу в современном научном дискурсе переосмысливаются в связи с понятием «маргинальности» (от лат. *margo* – граница, грань, край, *marginalis* – находящийся на краю), которое имеет отчетливую позитивно-творческую коннотацию. Существует точка зрения, акцентирующая эвристическую и онтологическую ценность маргинальности. При этом, понятие «маргинальность» коррелирует с понятиями «граница» и «предел» не только в значении статического пребывания на границе или у предела, но в смысле динамическом, то есть как выражение самого процесса перехода, пересечения границы или достижения и преодоления предела³². Такой ракурс предполагает, что новые социальные структуры и отношения могут возникнуть только на границе, на периферии старых структур. Их становление происходит на изломе, в революции, при переходе через хаотическое состояние, когда меняются нормы и ценности, превращаются иерархии и формируются новые устойчивые системы. Именно такая положительная «креативная» логика позволила, в частности, реализовать на практике то, о чем человечество до того смело только мечтало в самых несбыточных фантастических литературных сновидениях – «утопиях». Эта мечта называлась социализмом, но именно она перевернула мир, его структуру и изменила вектор его развития.

Эта тенденция сохраняется и в конце XX столетия. Для России с начала 1990-х гг. было характерно «решительное перевертывание перспективы, ценностей и методологический переворот, касающийся соотношения личности и общества, личности

и государства, человека и среды»³³. Маргинальность экспериментирования качнула маятник в другую сторону: на этот раз в сторону полного отрицания государства. Понятно, что это было своеобразной всесокрушающей реакцией на недавний социалистический эксперимент. Такая реакция объяснима, однако сегодня она рискует привести нашу страну к искаженному пониманию реалий и задач созидания постиндустриального общества, к новому отставанию.

Другим следствием эсхатологической ментальности стало стремление к буквальному пониманию возможности реализации «запредельных» мотивов – в частности, «рая на земле», когда все станет иным, новым, обретет иную «телесность». Тогда возможны, допустимы и даже императивно необходимы строительство «нового мира» и созидание под него «нового человека». Стержень коммунистической парадигмы как раз исходит из вероятности такого подхода к действительности – «строительству нашего = нового мира», где все точки отсчета будут *перевернуты* – «кто был ничем, тот станет всем». Здесь необходимо напомнить, что одним из главных признаков «мира по ту сторону» является именно перевернутость, что явственно прописано в русских сказках. Потусторонний мир виделся как обратный здешнему, как мир с противоположной ориентацией³⁴.

Эсхатологическая идея теснейшим образом была связана с восстановлением справедливости. Таким образом, формировался своеобразный *фон* лиминальной революционности – все революции в России отныне будут происходить именно под знаком восстановления нарушенной справедливости, будут исходить и подогреваться реальной верой в достижение, наконец, такой справедливости, ее реализации «здесь и сейчас». Одновременно именно земное неустройство рождает идею своеобразного протеста. А поскольку согласно средневековому верованию истинная, она же высшая Справедливость должна быть восстановлена на Страшном Суде, то стремление к краю, концу, пределу приобретало экзотически восторженную окраску – страшную, но невероятно желанную и притягательную, ради которой и самой жизни отдать не жаль. Таково именно и было мироощущение революции людьми, ее подготавливающими. С особой ясностью это проявилось у романтиков-экстремистов, буквально приносивших

свои жизни на «*алтарь* революции». При этом следует отметить, что именно в революции стали центральными, слились воедино, стали главными слова: правда и справедливость. Ведь согласно средневековому мировоззрению Правда возможна только как правда-справедливость.

Проникая в смысл средневекового мирозерцания, исследователь русского средневековья А.Л.Юрганов отмечает: «Идея Страшного Суда буквально пронизывала все сферы бытия человека, создавая совершенно необычное состояние духовной жизни русского общества. Государство в этом контексте – контрапункт эсхатологической идеи, главное средство коллективного спасения»³⁵. Эта макромасштабная функция государства порождает одно из фундаментальных следствий, формирующих центральную управленческую идею российского государства. Речь идет об особой важности «служения» как специфического качественного свойства и рычага работоспособности всей системы.

«Служение», с одной стороны, выступает как главное требование со стороны централизованной власти, со стороны монарха, со стороны партийного аппарата (в зависимости от конкретно-исторической формы централизации) к своим подчиненным. С другой стороны, само качество «служения» наполняется смыслом именно спасения – спасения от «повреждения души» слугами Дьявола, спасения от «вольнодумных франкмасонских прогрессивных веяний», спасения от «революционной заразы, приносимой инородцами», спасения «от тлетворного влияния Запада на советских людей». Все приведенные формулы есть не что иное, как вариации на тему «духовного антихриста», который воплощает в себе неперсонифицированное мировое зло. «Спасение» мира от такого зла делает неотвратимым грядущее противостояние России и мира, ее особую чувствительность к нарушению баланса Справедливости, ее ощущение себя в мире как единственной державы, способной спасти человечество – одним словом ощущение своего мессианского призвания.

Мессианско-имперская государственность

Сквозная идея Московского царства – идея религиозного спасения себя и всего человечества как христианского царства. Христианство – это новая большая идеологическая парадигма, оформившаяся в ту эпоху в качестве главного и величайшего достижения человеческого духа и до сих пор не нашедшая себе идейной замены сопоставимого масштаба. Воспринимаемая как величайшая ценность она требовала сохранения и защиты. Этим определяется своеобразие политических стратегий российского государства в плане построения империи. После падения Византии на Москву было перенесено прежнее значение Византийской империи как богоспасаемой территории, откуда она хранит чистоту веры. Концепция «Москва – Третий Рим» подразумевала, что Московское царство будет последним, которое поддерживает праведность христианского учения в последние дни мира, предшествующие концу света. Такое понимание буквально противоположно увековечиванию земного царства, ибо люди жили в ожидании великого акта передачи всей полноты власти Богу в Его Второе Пришествие. Таким образом, при своем зарождении идея «*translation imperii*» была исключительно **этноконфессиональной**, а не политической. Речь шла не о завоевании, а о Спасении.

Стремление России отдалить конец света в культурном сознании народа трансформировалось в миссию спасения всего человеческого рода, в тяжкое бремя духовного подвига самоотречения и жертвенности во имя сохранения сокровенного смысла христианской веры. Эта концепция определила наперед особый статус и дух российской империи. Ее главными качествами стали опека и патернализм, а не покорение и господство над входящими под ее длань народами.

На всех действиях лежала печать христианской идеи. Даже такая прозаическая вещь как приращение территориальных владений России мыслилась как расширение «святой земли», христианской ойкумены. Главная миссия государства состояла в том, чтобы «прикрыть», защитить собранные народы от влияния антихриста, который был предвестием конца времен. И потому сама российская держава выступала в роли спасителя, а не завоевателя, нередко жертвуя своими богатствами, склонная более отдавать,

нежели братъ. Как подчеркивает Б.А.Успенский, в данном случае существенно то, что «космологические представления, обуславливающие восприятие происходящих событий в космологическом ключе, оказываются первичными по отношению к представлениям историческим... Именно это и обуславливает ... на многие столетия политику Москвы и имперские тенденции ее правителей»³⁶.

Закрепленный в «коллективном бессознательном» идеократический акцент имперской идеи претворился позднее в стремление спасти мир и человечество. В XX в. Россия вступает в Первую мировую войну, не имея «личной» заинтересованности в ее исходе, выполняя обязательства перед союзниками. В середине столетия российский народ воевал не только ради освобождения собственной территории. Исключительно важна была идеологическая сторона противостояния фашизму. То были спасение мира и человечества от фашистской «чумы». Позднее такого же рода политикой были экономически жертвенное поведение СССР по отношению к входящим в социалистический лагерь странам Содружества, не говоря уже о дотационном характере структуры экономики внутри Союза. Да и сама идея социализма – центральная для XX столетия – родилась и просуществовала как символ и инструмент защиты обездоленных и угнетенных.

Первоначальная установка на спасение породила в более поздние эпохи своеобразие политического поведения в отношении соседних территорий. Взаимоотношения с ними носили попечительский, патерналистский характер и не подразумевали жесткого диктата метрополии с целью выкачивания ресурсов или использования дешевого рабского труда аборигенов, что составляет суть современного понимания имперской политики.

Характер строительства империи предопределялся географией. Продвижение границ московского государства вглубь евразийского материка являлось «осознанием своего месторазвития». В отличие от классических империй (Великобритании, Франции) само территориальное расширение России происходило за счет прилегающих пространств, а не за счет отделенных заморских территорий. Следствием этого было то, что Россия – империя и Россия-государство стали понятиями, полностью тождественными, а потому территориальные аннексии российских земель всегда составляли угрозу ее политическому строю. Анализируя

поведение классических колониальных империй, российские философы В.В.Ильин и А.С.Ахиезер пишут: «Великобритания при выходе из имперской фазы сдала заморские территории, но даже в мыслях не имела трансформировать статус примыкающих пространств (Северной Ирландии). Сходная асимметрия проступала во Франции в отношении Алжира и внутренних автономизирующихся провинций. Аналогично обстояло дело в Испании относительно заморских владений и той же страны басков. Примеров достаточно для заключения: статус прилегающих к метрополии пространств не модифицируется. У России нет резервных (заморских), предназначенных для сдачи территорий. У нее есть лишь собственные территории, заселенные этнически гетерогенными россиянами. Великобритания распалась как империя, но не как государство. Россия оформлялась как империя, но территориально не может быть развалена как империя – это означало бы для нее распад государства»³⁷.

В основании западноевропейского образца имперского развития лежала «рационально-сконструированная» идея однолинейного прогресса. Предполагалось, что существует один-единственный всемирно-исторический вектор судьбы человечества, восходящий от низшего к высшему, от менее развитого к более развитому состоянию. Классическая колониальная политика оформилась как отношения господства-подчинения. Государства «выстраивались» иерархически. Одни из них были или считались более «продвинутыми», другие – менее. Эталон, образец, модель закреплялись за самым развитым государством, принимающим на себя роль верховного водителя народов. В современном варианте государство-«миссионер» превращается в имперское ядро, которое «задает тон» для стран так называемой «периферийной демократии». Оно, таким образом, изначально несет в себе зародыш разделения стран на «первый», «высший» и остальные, «низшие» миры.

Особенностью данного образца имперской политики являлось и ныне является то, что вектор ее никогда не совпадал и не совпадает с естественными территориальными границами государства-миссионера. Такова была империя Карла Великого, Римская империя, империя Наполеона. Таковы имперские инвективы США, наследующими в современном мире западноевропейскую универсалистскую модель прогресса. В мире XIX – начала XX в. подоб-

ная имперская политика называлась колониальной, так как предполагала достаточно грубое прямое вмешательство материальной силы, прежде всего, военной. В «цивилизованном» мире конца XX – начала XXI в. такая политика также означает военное вмешательство (в форме краткосрочного массированного «точечного» бомбового удара), хотя идеологически оформляется как экспорт единственно верной «культурной модели» в рамках распространения «идей демократии».

Российская модель качественно иная как по замыслу, так и по воплощению. Прежде всего, она в основе своей не «рационально-сконструированная», а наследственная. Она строилась по образцу и подобию политики византийского восточного царства. «Византийское наследство вооружило русский народ для создания мировой державы строем идей», писал Г.В.Вернадский³⁸.

Сущность византийской культуры определялась сочетанием самых разнородных направлений, шедших с Востока (из Палестины, Сирии, Персии, Малой Азии), с Запада (из Европы) и даже с Юга (из Африки). Византийский «симфонизм», будучи унаследован Россией как принцип, трансформировался в государственно-культурную объединительную задачу русского народа. При расширении государства на Восток русские не вытесняли и не подчиняли местное население механически и агрессивно, а напротив, легко перенимали его привычки и обычаи, вживались в новую среду, одновременно приобщая жителей к своей культуре. Это означало, что русское имперское «миссионерство» носило симбиотический характер. В сегодняшнем «постмодернизационном» контексте такая совместная выработка комплекса правил и норм признается позитивным фактором, формирующим легитимность власти, которая обеспечивается культурой, а не принуждением³⁹.

Даже Георгий Федотов, автор известной статьи «Судьба империй», романтически веровавший в перспективу реализации мировой человеческой общности в рамках гуманного и свободного *Rex Atlantica*, или лучше (как он считал) *Rex Americana*, и тот признавал особую статью Российской Империи. «Правда, Россия является Империей своеобразной..., – писал он, – ...Ее нерусские владения не отделены от нее морями. Они составляют прямое продолжение ее материкового тела, а массив русского населения не отделен резкой чертой от инородческих окраин... И у русских не

было того высокомерного сознания высшей расы, которое губило плоды просвещенной и гуманной английской администрации в Индии. Русские не только легко общались, но и сливались кровью со своими подданными, открывая их аристократии доступ к военной и административной карьере. Общий баланс, вероятно, положительный, как и прочих Империй Европы. И если бы мир мог еще существовать как равновесие Империй, то среди них почетное место занимала бы Империя Российская⁴⁰.

Несмотря на многие глубокие замечания, Г.П.Федотов роковым образом ошибся относительно «светлого» варианта мирового объединения под эгидой Америки, у которой якобы, как у всех свободных народов нет «вкуса к власти». Наивной сегодня кажется его позиция по поводу бескорыстия и ответственности США перед другими народами, о которых он писал: «Америка бросает миллиарды для восстановления Европы, и не видно, чтобы она получила что-либо взамен»⁴¹. Не осуществилось его предвидение справедливого и благого для всех народов однополярного мира. Очевидна неизбежность нового равновесия мира как равновесия Империй, а потому ценным остается его наблюдение о позитивной сущности Империи Российской, ее особой роли на евразийском пространстве.

Потестарная государственность

Особая значимость сильной государственной власти и, в частности, фигуры первого лица управленческой иерархии, в жизни русского государства и общества сформировали в научной литературе представление о России как о специфическом типе государственности, которая рождается, живет и процветает благодаря мощной энергетике власти. Появилось специфическое обозначение такого рода социальной жизнедеятельности – «потестарное» государство⁴². Следует признать такое определение очень точным, соответствующим этимологии слова. *Podesta* в переводе с итальянского означает власть; тот же корень лежит в основании латинского *potestas*. В ходе исторического развития появляется еще один смысл этого термина. В Италии при фашизме он относился к правительственным чиновникам, что есть очевидная конкретизация понятия в соответствии с технократическими императивами

эпохи, когда сила властных функций сосредотачивается именно в управленческом слое государства. В то же время тем самым подчеркивается характерность эволюции сильной власти монархического типа в новую бюрократическую.

Российская императорская идея и модель властвования унаследовала восточно-Ромейскую (византийскую) матрицу, в которой василевс провозглашался наместником Христа. В эпоху Ивана Грозного окончательно оформилась религиозная доктрина власти, согласно которой московский великий князь был признан не просто «могуществом, силой Бога на земле», а его реальным воплощением – Спасителем, Мессией всего народа Божьего⁴³. При этом специфику развития Москвы, не познавшей рецепции римского права, составило обожествление великокняжеской власти, которое стало естественной формой мировосприятия средневековых людей. Знаменательно при этом то, что называя себя холопами, они думали не столько о собственном ничтожестве, сколько о величии, благочестии единственного в мире православного государя, их заступника перед Богом⁴⁴. Холопом перед Богом были все, в том числе и сам государь, поэтому в первоначальном христианском контексте в отношениях холоп-господин (=Бог) не было ничего уничижительного. Всеобщность такого холопства, уточняет А.Л.Юрганов, явление *не формационное, а цивилизационное*⁴⁵.

Другими словами, понятие «холоп» не равнозначно европейскому понятию раб, ибо в основе первого лежит теологическая идея подчинения Всевышнему. Перед ним все равны – все рабы Божии. Соответственно, если для подданного царь – господин, то для самого себя этот подданный также господин. Так формируется особая взаимосвязь личной свободы (воли) и сакрализации власти в русском мирозерцании. Подчинение власти не отрицает личной свободы, «холопство» (в непропагандистском понимании) не есть западный инвариант социально-экономического рабства. («Холопами» государевыми во времена Московского царства называли себя и высокородные бояре, и представители простого народа.) Оно основано на осознанной необходимости коллективного спасения, которое в экстремальных условиях российской географической и геополитической действительности реально осуществимо только через весомую централизацию власти и через солидарность во имя общего блага.

Современное самопознание России раскрывается перед зеркалом европейской истории. В этой связи необходимо отметить, что в западной модели общественного устройства **развитое личностное начало** претворилось в идею развитого политического общества в отличие от российской модели, которая оформила **власть как личность**. В свое время в культуре европейского средневековья также имело место обожествление королевской власти. Однако под влиянием римского права эта идея постепенно, но непреложно трансформировалась в матрицу примата юридического начала. «Юстиция заняла место между королем и Богом: римское право стало лейтмотивом трактатов о королевской власти. Король – “*pater et filius justitiae*”. Он – воплощение Юстиции. ... Суть власти короля – в бессмертной идее Юстиции: монарх становится ее «ви-карием»⁴⁶, – пишет по этому поводу историк А.Л.Юрганов.

Правовая коннотация европейской мысли о государстве привела к оформлению в ней идеи государства как института. В России ей была противопоставлена идея государства как «моральной личности». Как отмечал К.Д.Кавелин, анализируя «тайный смысл» русской истории, «царь, по представлениям великорусского народа, стал воплощением государства... Царь есть само государство – идеальное...»⁴⁷. И только Петр Великий ввел в русскую политическую мысль идею государства как института. Но парадоксы исторического развития России привели к тому, что сам Петр, став ярким воплощением эффективной «личности» русской власти и «первой свободной великорусской личностью»⁴⁸, создал особый строй русской власти, которая характеризуется, по выражению Ю.С.Пивоварова, моносубъектностью⁴⁹. Такая дефиниция представляет собой инвариант определения русской государственности как потестарной по своей глубинной сути.

Фактически сложилась такая система властвования, при которой на протяжении длительной и сложной российской истории только власть оказывалась и оказывается способной на положительное переустройство. При этом общество, и в частности элиты, не только бессильны, но часто встают в непродуктивную оппозицию реформам, мешая преобразованиям и создавая прекрасную иллюстрацию известной пушкинской мысли о том, что «правительство все-таки единственный Европеец в России»⁵⁰. Это, замечает поэт, надо бы прибавить не «в качестве уступки цензуре, но как правду»⁵¹.

Власть и государство в российском контексте приобретают сакральное значение *сверхценности*. Изменения в таком обществе, по мысли Б.Н.Чичерина, возможны только под лозунгом «либеральные меры и сильная власть». Более того, в подобной среде действует правило: чем меньше единства в обществе, тем сосредоточеннее должна быть власть, и чем больше единства, тем легче она может быть разделена. Территориально обширное государство нуждается в более сильной власти, требует большего внешнего скрепления, нежели малое. Отсюда же следует необходимость сильной власти в переходные эпохи, когда происходят коренные преобразования. Общество испытывает нужду в сильной власти особенно в период разгара страстей и радикальных преобразований, когда, как писал Чичерин, «старое рушилось, новое не успело окрепнуть; никто не знает, за что держаться. В такие времена наименее возможно внутреннее общественное единство, согласное действие различных общественных сил, а потому там необходимее крепкая власть, которая могла бы сдержать влекущиеся врозь стихии»⁵².

В эпоху Ивана IV складывались грядущие образцы формулы сильной власти. Понятно, что самой яркой ее составляющей является идея опричнины как средства борьбы с боярской оппозицией. Споры об этом нововведении эпохи русского средневековья не утихают до сих пор. Одни историки видят в опричнине мудрую реформу, имевшую целью покончить с могуществом знати и упрочить объединение страны. В глазах других – это бессмысленная и кровавая затея, не оказавшая на политические порядки никакого влияния⁵³.

Как это ни парадоксально, но при всем известном деспотизме Иван Грозный, по тем или иным конкретно-историческим поводам создавший опричнину, закладывает в российском менталитете идею служения. Двойственность природы идеологической концепции «Москва-Третий Рим», которая оформилась в двоичный культурный код – святости и могучей государственности, наложила отпечаток на все политические стратегии этой эпохи. Она составила в том числе фундамент идеи опричнины как реализации особого типа служения. Государственная служба мыслилась как высшая призванность перед царем как Богом ради спасения Отечества как Града Божьего. Несомненна связь идеи опричнины с эсхатологической идеей, и в первую очередь, спасения народа и отечества в «последние времена».

Идея «служения» как высшей признанности была сохранена Петром, хотя и переосмыслена в соответствии с новыми реалиями. Она была оформлена как идея государственной службы. В этот период утверждается мысль о вечности государства, и оно таким образом становится высшей ценностью. Служение преодолевает христианскую телеологию спасения и переосмысливается в бюрократическом ключе современного типа государственности как аппарата, государственная служба интерпретируется как высший тип служения Отечеству⁵⁴. Служба царю как новый путь спасения христианской личности замещает строго религиозную сотериологию.

Идея «служения» как особого рода ответственности, как исполнение долга чести дворянства сохранилась в российском сознании вплоть до XIX в. Она же преобразовалась позднее, в советское время, в понятие об особой роли интеллигенции в нашем обществе. В постсоветский период, который в определенном смысле замыкает круг, идея «служения» выродилась в свою противоположность, потеряла высокую ценность, извратила суть своей «миссии», смысл «призванности», которые составляли ее ядро. Сегодняшнее элитарное сознание легко соединяет прилагательное «избранные» с сильными мира сего. (Парадоксально, но именно так переводилось современниками-иностранцами слово «опричники»⁵⁵.) Говорят о «золотом миллиарде», о гламурной элите как о достойнейших слоях общества, которые одни могут наследовать блага земные и небесные. Они же предлагаются массовому сознанию как «водители общества», как образцы для подражания, как «соль нации». Реалии же таковы, что элита эта не только не является выразителем национальной идеи, не только не несет никакой ответственности перед обществом и народом, но теряет всякую связь со страной и народом. Не так давно печально известный Збигнев Бжезинский высказался примерно так: «Россия может иметь сколько угодно ядерных чемоданчиков и ядерных кнопок, но поскольку 500 миллиардов долларов российской элиты лежат в наших банках, вы еще разберитесь: это ваша элита или уже наша?»⁵⁶

Помимо идеи служения опричина открывается для исследователя еще одной неожиданной стороной. В условиях, когда боярство представляло собой политическую угрозу или административную помеху, одной из частей складывавшейся формулы сильной власти было, в частности, стремление к прямому воззванию

самодержавия к народу. Известно, что «в опричнину отбирали худородных дворян, не знавшихся с боярами. Аристократия взирала на “новодельных” опричных господ с презрением. Их называли не иначе как “нищими и косолапыми мужиками” и “скверными чело­веками”»⁵⁷. В XIX в. в известной формуле Уварова была пред­принята попытка доктринального оформления спайки царь-народ. И именно эта часть формулы, по общему признанию, составляет наиболее туманную, неясную часть предложенной теории. Однако именно народ неоднократно «спасал» российскую моно-власть в роковые для государства минуты. Достаточно вспомнить подвиг Минина и Пожарского, партизанскую войну времен 1812 г., обра­щение к народу И. Сталина в начале Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ликвидацию дворянства и буржуазии как класса после 1917 г. и изгнание аристократической части русского общества из страны также можно рассматривать как ликвидацию «лишнего» члена в формуле «сильная власть-народ».

Форма прямого, непосредственного взаимодействия власти с народом имеет и обратную сторону. Она рождает российскую специфику развития в катастрофические эпохи, в те времена, когда страна переживает грандиозные жизненные сломы – в моменты смут и революций. Именно тогда появляются крутые методы воздействия на население ради достижения конечной великой цели: Царства Божия, Коммунизма, Капитализма. В эпоху Ивана то была последняя, решающая битва добра со злом, когда, как считал царь, необходимо было противостоять всеми силами умножению безза­кония антихриста, что, по его мнению, окупало *любые жертвы*. Последние считались оправданными и в 30-е, и в 90-е гг. XX в. на соответствующих великих переломах развития России.

Сотериологическая государственность

К характеристике русского государства как потестарного близ­ко примыкает его определение как сотериологического (от греч. «спасение»). Первое идеологическое обоснование русского строя основывалось на функции охранения православного мира в ожи­дании Страшного Суда. После гибели Византии Московия взяла на себя бремя спасения нации и всего человечества, став во главе

православного и богоизбранного народа. Так формируется идея об особом предназначении государства как о чем-то таком, что специально и исключительно создано для спасения. Если в нем и видят инструмент, то это инструмент коллективного выживания. К нему прибегают как к последнему средству на краю гибели. Сакральная сущность идеи спасения переносится на государство, которое, будучи последней надеждой, неизбежно сакрализуется общественным сознанием.

Побочным следствием такого восприятия стала сакрализация власти. Концептуальная особенность власти русского царя видится в осуществлении синергичности⁵⁸. Иначе говоря, взаимодействие человека и Бога реализуется через власть православного царя. Люди верили в особую пастьырскую функцию великокняжеской власти. Не отрицая «самовластия» человека, функция царской власти состоит в том, что она отвечает за всех, олицетворяет собой коллективную ответственность перед Богом. Царю подобает «грозну быти» из-за нарастания беззакония, которое неизбежно перед концом света. Идее «самовластия» человека противопоставлена идея власти государственной, призванной «воздерживать» буйства мирского человека ради его же спасения, стремящейся исправлять человеческую природу, нравственно поднять падшего человека. Так рождается еще одна особенность русской власти – патернализм.

Подобное отношение общества к государству и государства к обществу в корне расходится с общепринятым европейским. Функцией последнего является сохранение status quo в мире, где господствуют договорные отношения. Оно призвано быть третьей стороной, стоять над партиями – сторонами в споре, охранять социальные конвенции, выступать в качестве «ночного сторожа». Ответом на такого рода «вызовы» является именно западный тип государственности.

Западноевропейская политическая идея подчеркивает *относительный* характер государства. Сам латинский корень status, от которого произошли современные названия государства в европейских языках (etat, estado, Staat, state и т. д.), означает в переводе «состояние». «Называя так государство, – пишет Вл. Соловьев, – европейские народы видят в нем только относительное состояние, результат взаимодействия различных социальных сил и

элементов»⁵⁹. И если в средние века государство в Европе было равнодействующей различных претендентов на власть: короля, духовенства, феодалов и городских общин, то в Новое время оно стало равнодействующей борьбы классов и партийных интересов. Смысл европейского государства, который определяется необходимостью мирного уравнивания противоборствующих сил и недопущения насилия, выражается в идее общественного договора. Собирательная задача в европейской модели, таким образом, релятивизируется и становится задачей предупреждения конфликта или примирения сторон. Логическим продолжением этой идеи является модель правового государства, ибо право призвано найти равновесие частной свободы и общего блага. Государство в таком случае есть только выражение данного правового состояния.

В отличие от европейской византийская политическая идея, по мысли Вл. Соловьева, признает в государстве «сверхправовое, *сверхсоциальное* начало»⁶⁰, которое стремится соответствовать высшей правде. Главной задачей России, которая наследует эту идею, становится объединительная, *собирательная* идея, которая в контексте соловьевского универсализма из внутренней цели российского государства перерастает в цель собирательной всемирной духовности.

На всем протяжении российской истории к помощи государства прибегают в кризисные «последние» времена – в периоды смуты, краха, социальных катастроф, когда народу и обществу грозит уничтожение. С другой стороны, подъем народного духа, мобилизация нации совпадает с угрозой существованию государства. Так обстояло дело в периоды великих войн – Отечественных. То были отголоски архетипического восприятия государства как «дома домов», сложившегося в средневековой Руси. Именно таким виделось строение государства в Московии. Впоследствии в минуты военных опасностей спасение государства от иноземных нашествий было равноценно отстаиванию «родного дома».

В преддверии войн и в мирные периоды жизни идея спасения реализуется как идея «катехона», «удерживающего» мир от нашествия мирового зла, «антихриста». В этом отношении следует помнить, что «трансляция империи» включала в себя восприятие определенных образцов исторического поведения. Могущество и военная сила восточно-римской Византийской

империи были сконцентрированы на оборонительной стратегии. Византийское государство не было обуреваемо импульсом к географическому расширению территории, как это в то же самое историческое время происходило, например, с Римом, или, что было ранее характерно для греческих завоеваний Александра Македонского. Статус «цивилизаторской миссии» Константинополя заключался в отстаивании, удержании в стабильном виде собственной экзистенции, в «удержании» столпов веры и, как следствие, спасении не только себя, но Западной Европы от исламского вторжения. Как указывает по этому поводу исследователь геополитики К.Шмитт, в качестве «катехона» она много веков предотвращала «возможность завоевания Италии арабами. В противном случае с Италией случилось бы тоже самое, что произошло тогда с Северной Африкой, – антично-христианская культура оказалась бы уничтоженной, и Италия была бы поглощена миром ислама»⁶¹.

Это замечание говорит о том, что идею «стояния», «удерживания», «катехона», можно рассматривать в геополитической перспективе как сопряженную с континентальной стихией, которая имеет непосредственное соотношение с исторической экзистенцией России.

В геополитической традиции известна концепция противостояния Земли и Моря. Всемирная история рассматривается как история борьбы континентальных держав против морских, и наоборот. При этом акцентируется специфичность и разность соответствующих политических стратегий. В таком подходе есть несомненное зерно истины, ибо национальный характер, а значит, и формы социального поведения, формируются привязанностью к определенной территории, слиянием с морской или земной стихиями, энергетикой сухопутного и морского существования. Они, действительно, радикально расходятся.

Безоглядный порыв в безграничное для взора и одновременно однообразное морское пространство требует иной динамики, иных усилий, нежели преодоление прерывающих прямой путь гористых, болотистых, лесистых препятствий земной тверди. Отважный, ничем не преграждаемый полет морского брига и передвижение по пересеченной местности формируют разные типы борьбы за существование, отличные способы и образы жизни.

Внутриматериковое пространство в «морском» и «земном» языковом контексте осмысливается по-разному. Для «детей моря» оно есть «hinterland», «внутренняя земля», для «детей суши» оно же – «heartland», «сердце земли». Первые рассматривают сушу всего лишь как береговую линию, которая ограничивает родное для них морское пространство, *плюс* «хинтерланд» (как придаток к береговой линии и как еще *незахваченную* территорию). «Английский мир, – писал К.Шмитт, – мыслил морскими базами и линиями коммуникаций. То, что было для других народов почвой и родиной, казалось этому миру простым хинтерландом, незахваченной территорией. Слово континентальный приобрело дополнительное значение отсталости, а население континента стало “backward people”, отсталым народом»⁶². Земля, как указывает далее немецкий философ, есть с этой точки зрения всего лишь скопище предметов, выброшенных морским прибоем на берег (бесхозных предметов, которые ждут своего хозяина).

С точки зрения сухопутно мыслящего человека внутренняя часть материка, «хартленд», напротив, есть самое важное – «сердце» его существования. Она есть то главное, что находится за его спиной, что поддерживает его и что он обязан защитить, **отстоять, удержать** даже ценой жизни. Там его дом, родители, дети. Там его прошлое, настоящее и будущее. Там его родина, отечество, «сердцевина», цель и смысл его бытия. Два разных взгляда, две различных стихии, два темперамента, предопределяющие особенные варианты исторической жизни и исторических свершений.

Наследуя стратегию военного поведения как оборонительную, как защиту, как стремление отстоять «свое», русское воинство почитало главной доблестью выстоять перед лицом противника, сдерживать его натиск. Сильной стороной русских воинов во всех великих сражениях было умение «стоять насмерть».

Одним из известнейших эпизодов российской истории является «стояние на реке Угре», положившее конец татаро-монгольскому нашествию на Русь. В Куликовской битве Дмитрий Донской делал ставку на позднее сформулированной тезе: «Велика Россия, а отступать некуда». По свидетельству историков, военная позиция с точки зрения возможности отступления была им выбрана намеренно «неудачно». Позади войска протекала река. Военная такти-

ка русского полководца базировалась на показательной «стойкости русского духа» – народного ополчения и княжеской дружины. Схожая тактика ведения боя имела место и в величайшей битве начала XIX в. – **Бородинском сражении**. Темп наступления наполеоновской армии был сбит именно тогда, хотя известно, что оно не было выиграно. Напротив, Наполеон считал его своей победой. По сути, с точки зрения тактики русской армии, это было такое же показательное «стояние» русского воинства, явившее крепость духа и востребованное народным самосознанием как нравственный бой. Настроения бойцов точно переданы известными лермонтовскими строками: «...Вот смерклось. Были все готовы Заутра бой затеять новый / И до конца стоять...»⁶³. Широко известно высказывание прусского короля Фридриха II, который говорил: «Русского солдата мало убить, его надо повалить»⁶⁴. Наконец, и последнее великое сражение – Великая Отечественная война 1941–1945 гг. также выиграно в немалой степени русской способностью «стоять» за свою землю и свое государство.

Важность для структуры бессознательного русского народа идеи «спасения» (родины, государства, человечества), равно как и важность нравственной ее коннотации – идеи «катехона», подтверждается тем фактом, что русская нация запомнила и сделала символами победы на грани поражений, победы с громадными потерями: битвы на Куликовом поле, под Полтавой и при Бородине. «После Мамаева побоища еще не раз горела Москва, и Русь окончательно сбросила ордынское иго лишь сто лет спустя; от Полтавы до Ништадского мира был путь длиною в двенадцать лет; после Бородина, которое Наполеон считал своей победой, пришлось оставить первопрестольную столицу. Но это как бы окончательные победы. Россия, если можно реставрировать ее символическое мышление по литературе, ставит героизм выше одоления, а самопожертвование и самоотречение выше силы ... враг был сильнее, наших полегло больше, но мы не дрогнули»⁶⁵.

Народный нравственный кодекс остается неизменным во все времена: Куликовскую битву, Полтавскую баталию и Бородинское сражение связывает также то, что все это вынужденные сражения, сражения на родной земле или на ее рубеже. Россия не посягала на чужое, для нации эти битвы были нравственной заслугой. Так проявляется устойчивость национальной топики. «Трансляция

империи» была трансляцией образцов исторического поведения, легших в основу, в частности, политических военных стратегий и оформивших определенным образом характер россиян.

Специфика национального кода изменений

Проблема политических стратегий – это прежде всего проблема выбора механизма для развития. И здесь снова проявляется российская и западноевропейская специфика, различие их пути.

В основе диалектического принципа эволюции лежит взаимодействие двух сторон развития, которые порождают энергетику движения. Поворотным моментом мирового исторического процесса, несомненно, является разделение древнего Ромейского царства на западное и восточное. Европейские государства явились прямым, непосредственным продолжением западной части римской империи, потерявшей свой центр тяжести и распавшейся на отдельные политические единицы. Они, таким образом, унаследовали готовую институциональную структуру, право и гражданские учреждения. В дальнейшем, в результате длительной внутренней борьбы европейские народы консолидировались в нации, составившие ядро западноевропейской цивилизации. Следующей вехой западного развития стало образование США как самостоятельного государства. Оно знаменовало собой этап функционального разделения единого западного цивилизационного пространства на два: технологически ориентированный Новый Свет и культурно-охранительный Старый Свет. Современное взаимодействие этих двух частей мира представляет собой противоречивое, но достаточно динамичное явление. В то же время внутренний прогресс самих США идет за счет мощного внешнего фактора, в частности, за счет интеллектуальной иммиграции и экономико-сырьевой эксплуатации ресурсов стран так называемого «третьего мира».

Что касается России, то с того момента, когда она объявила себя наследницей и единственной хранительницей восточно-ромейской христианской идеи, идеологически оформленной в концепции «Третьего Рима», она оказалась вынужденной искать импульс для развития внутри себя. Разделение на Старый и Новый Свет происходит в рамках одной страны, единого народа, и этот процесс

стал особенно отчетливым, начиная с эпохи Московского царства. Показательно, в частности, историческое противопоставление двух великих русских царей – Грозного и Петра. Новаторский для своего времени, царь Иван Васильевич в годы петровских преобразований воспринимается культурным мифом XVIII в. **старосветским**, благочестивым «царем-багошкой» что отображается даже в портретном искусстве. Петр же, напротив, рисуется реформатором в европейском платье, демиургом **новой**, европеизированной России⁶⁶.

В последующие века, периодическое обращение России к Европе, и шире к американо-западноевропейской цивилизации, как внешнему энергетическому толчку для развития предстает на деле не столь продуктивным, как того ожидают. В конечном счете, Россия каждый раз оказывается в ситуации, когда ей приходится рассчитывать только на себя и искать возможности для прогрессивного движения вперед внутри страны. Культурный и технологический код европейской цивилизации – всего лишь зеркало, которое позволяет инициировать процесс самопознания и саморазвития российской нации.

Внимательное исследование политических стратегий времен Московской Руси открывает весьма специфические основополагающие принципы такого саморазвития. В этот период складываются основные контуры политических стратегий социальной трансформации страны, которые впоследствии повторяются с поразительной точностью в другие переломные эпохи. Главная особенность состоит в том, что динамика внутреннего импульса изменений рождается из радикального разрыва, «рассечения» дотоле единой культурной, социальной и территориальной ткани общества. Именно отречение от прежнего образа и способа жизнетворчества, противопоставление ему иного «мира», неведомого мировоззрения и жизненного уклада дает толчок к переменам. А.М.Панченко и Б.А.Успенский, сопоставляя две эпохи в жизни страны – петровскую и Ивана Грозного, справедливо отмечают, что «в обоих случаях имеет место разделение предшествующей культуры на две противоположные; каждая из них осмысляет противостоящую как свой антипод, как антикультуру»⁶⁷. Таким образом, **энергетика** импульса развития в России рождается из того, что **провоцируется раскол**, резкая смена системы ценностей и последующее «столкновение» разных культур **внутри** одного народа.

Иван IV разделяет Россию на две антагонистические части: на опричнину и земщину. Символично, что земским при этом было оставлено обычное платье, опричникам дана новая одежда. Опричнина и земщина предстают как разные миры. Одна часть воспринимает другую как иноверцев. Так же поступает и Петр. «Он передел высшие сословия в венгерское, потом в “саксонское” и немецкое платье. Он обрил бороды, оставив их лишь крестьянам и духовенству, причем запрет носить бороды на государственной службе сохранялся вплоть до времен Александра III. Разница во внешнем облике и здесь символизирует глубокое культурное расслоение. И при Иване, и при Петре новая одежда дается привилегированной части общества... Борода, как и русское платье, разделяют старую и новую веру»⁶⁸. Распространено мнение, что засилье иностранцев на Руси началось с правления Петра. Однако по свидетельству Н.М.Карамзина это явление, пусть и в более скромных масштабах, характерно для царствования Ивана Грозного. Н.К.Карамзин, указывает, что правитель Московии поощряет представителей лютеранства: «Царь дозволил Лютеранам иметь церковь в Москве и взыскал важную денежную пеню с Митрополита за какую-то обиду, сделанную им одному из сих иноверцев; хвалил их обычаи, славился своим Германским происхождением, хотел женить сына на Княжне Немецкой, а дочь выдать за Немецкого Князя ...»⁶⁹.

Таким образом, импульс для рывка вперед в развитии страны российские политические лидеры ищут в искусственном создании слоя новой элиты. Ставка на элиту общества в обоих случаях происходит как раз потому, что оба российских «модернизатора» видят в ней локомотив, главную движущую силу грядущего развития. Сама по себе ставка на элиту как на наиболее прогрессивную, образованную и склонную к инновациям часть общества не таит в себе опасности. Напротив, многие современные европейские теории анализируют динамику общества как результат процессов, происходящих внутри элит и как продукт ее мобильности. Но российская особенность и российская проблема состоит в том, что главным качеством элиты, которое важно также для самих «модернизаторов», является ее **чужеродность**. Она или напрямую набирается из иноземцев, или же подражание «заморским» ценностям воспитывается в ней и рассматривается как главное условие вхождения в этот слой.

Мотив искусственного раскола общества и возвращения национальных качеств новой элиты повторяется и в следующих двух русских «разломах». В Октябре 1917 г. такой элитой станут «профессиональные революционеры», опирающиеся на заемную марксистскую теорию. Они трансформируются в «комиссаров», которые все сплошь будут одеты в «кожанки». Позже, когда общество вновь консолидируется под руководством «локомотива истории» КПСС, останется разделение на «членов партии» как вождей массы и остальное население. В начале 90-х гг. XX в., акцент на иностранное «учительство» провозглашается совершенно открыто. Сюда следует отнести и новые финансово-экономические теории, преимущественно американские, и регулярные консультации новой российской элиты в Давосе и США, и прямое включение иностранцев в высшие административные структуры страны. Образ жизни и даже «форма одежды» как «новых русских», так и русского «гламурного» общества резко контрастируют с народом и прежними культурными установками.

«Рассечение» России надвое происходило не только в плоскости «властвующие – подвластные», но и между поколениями, порождая проблему «отцов и детей». А.М.Панченко и Б.А.Успенский обращают внимание на то, что в эпохи Грозного и Петра ставка делалась на молодежь. Таким образом рассекалось время – устанавливалась грань между старым и новым, между прошлым и будущим. В частности, отмечалось, что во времена последнего опричного правительства Ивана Грозного при особе царя остались одни «молодые ротозеи». (Правда, из того же окружения вышел Борис Федорович Годунов.) Тактика Петра в этом отношении не нуждается в примерах. Подобная установка провоцирует дискредитацию идеи «единства рода», родовой личности, которая воплощается в лестнице поколений⁷⁰.

Та же ситуация реализуется и в идеологии страны Советов, когда распространяются призывы сбросить «прошлое с корабля истории», а вся прежняя культура объявляется «пережитком» и «историческим хламом». Строители нового светлого будущего – комсомольцы и вообще молодежь, не обремененная «родовой» исторической памятью, национальным прошлым. Вожди 1990-х гг. также окружают себя «молодыми умами» и даже формируют правительство из среды «младших научных сотрудников», которые легко порывают

с советским прошлым, подлежащим всеобщему осмеянию и очернению. Они открыто декларируют и пропагандируют отношение к старшему поколению как к «балласту», который мешает строить новое общество.

Идея разрыва с прошлым оформляется территориально. Начинается с малого, Иван IV «покидает Кремль и селится на Петровке, играя в простого боярина. На трон он сажает ряженого царя Симеона Бекбулатовича... «Растекается» пространство Русского государства. Пока существует опричнина, к ней каждый год приписываются новые города, уезды, даже монастыри. Москве Грозный противопоставляет Александровскую слободу и Вологду. Первая – это личная резиденция царя (иностранным послам твердят, что царь уехал туда для “прохлады”, для отдыха), а вторая призвана быть столицей новой России. В Вологде царь строит Успенский собор (называемый также Софийским) по образцу московского, который в свою очередь через владимирский Успенский собор преемственно связан с киевской Софией»⁷¹.

Петр практически следует той же формуле властвования, однако масштабы раздвоения России явно возрастают и оформляются концептуально. Он буквально разрывает ее на две антагонистические части. «Петр, строя Петербург, запрещает по всей России строительство каменных зданий; так создается не только образ России будущего, но и образ России прошлого – России деревянной, которая должна контрастировать с Россией каменной и обречена на гибель... Новое создается за счет старого, как его антипод», замечают российские историки⁷².

Советская Россия также осуществила индустриальный прорыв в будущее за счет «отсталой» части народонаселения – крестьянства, хранителя культуры предыдущего культурного периода, территориально противопоставив культуру города и деревни как культуру светлого будущего культуре отсталого прошлого. При этом концентрированный носитель прежнего культурного кода был вообще выброшен из страны и составил контуры русской эмигрантской оппозиции вне основной территории страны. Современная ситуация, в основных чертах, повторила эту схему. Расхожей формулой стало высказывание: «Москва – это не вся Россия». Действительно, новая система ценностей и псевдо европеизированная культура столицы и крупных мегалополисов резко контрастируют с жизнью и мировоз-

зрением остальной страны. Что касается нового элитарного слоя, то он не только культурно, но финансово-экономически и территориально ориентирован на Запад.

В идее «разрыва» воплощается специфически российская стратегия перемен – начать все с начала, с чистого листа, с нуля – идея великого эксперимента. Все перемены происходят под знаком «первенства». Известно, что Петр сам себя нарек Первым. Но он же отметил этим многозначительным эпитетом и Ивана Грозного. В подтверждение историки приводят эпизод празднования дня рождения цесаревны Анны Петровны вскоре после принятия Петром титула императора. На триумфальной арке с правой стороны был изображен Иван Васильевич и обозначено – I (первый) с надписью *Incipit* (начал). С левой стороны был изображен Петр с надписью: *Perfecit* (усовершенствовал). Комментируя этот факт, А.М.Панченко и Б.А.Успенский пишут: «Важен мотив величия России, притом подчеркнуто, что оба государя – первые: Иван – первый царь, а Петр – первый император (Иван IV назван Иваном I явно по аналогии с Петром)»⁷³.

Оформление и расцвет Советской России происходили также при сохранении тех же исторически важных смыслов – «первенства» руководителя страны и установкой на величие России. Идея первенства была реализована в идее «генерального секретаря КПСС», т. е. опять же первого, единственного и самого главного. Великой державой СССР был на протяжении более полувека. Следует подчеркнуть, что именно **реализация идеи величия страны** стала залогом успешного долговременного исторического существования социалистической матрицы развития. Продолжая историческую аналогию, мы можем констатировать, что совсем недавно стали свидетелями «канонизации» Б.Н.Ельцина именно как Первого президента новой России. Мы снова сталкиваемся с тем, насколько важно подчеркнуть новый исторический этап российской жизни – того, что мы, сами еще не ведая куда, но вступаем в новую для себя эпоху. Но идеологически четкая и однозначная установка на создание «великой России» пока еще намечена только пунктирно. Она не стала еще национальной идеей.

Устремленность государства к внешней великой цели – стать великим – это такая же организующая сила, которой на индивидуальном уровне соответствует высокая цель жизни, идея, которой

человек подчиняет все свои силы и способности. Эту тему хорошо разъяснил П.Струве. Для него порыв государства к внешнему могуществу есть высшая духовность, основа его существования. Такая телеология глубоко субстанциональна. Именно она выводит конкретную человеческую экзистенцию, эгоистичную и недалекую в своих требованиях к жизни, на уровень мобилизационного подъема, напряженности существования, а значит, его подлинности, истинности. В этом отношении имперская устремленность государства – фактор **идеальный**.

Но одновременно имперская направленность государства есть фактор **собирательный**, фактор объединяющий, консолидирующий разрозненные человеческие личности в единое тело – нацию. Она создает совокупный мощный энергетический импульс, который собирает национальную волю и реализует ее в истории. Точно так же, как человек без великой цели, теряет смысл жизни, государство без высокого порыва распадается и гибнет. Государство ценно для личности, когда оно могущественно, подчеркивает П.Струве: «Переставая исполнять это самое важное, наиболее тесно связанное с мистической сущностью государства назначение, власть начинает колебаться и затем падает»⁷⁴. Логика государственной мощи означает, что не внешняя политика зависит от внутренней, а наоборот. Другими словами, общество успешно благоустраивается экономически, социально и культурно, когда у него есть такой внешний порыв.

Раскол единого народа и единой культуры как принцип исторического прогресса – это одна принципиальная черта и особенность русского развития. Другая, логически связанная с первой, особенность – это неизбежность компенсации культурного разрыва принципом единства государственного управления. В условиях внутреннего разлома, глубокой пропасти между двумя частями единой родовой личности, единственной «скрепой», предотвращающей или преодолевающей состояние неизбежной гражданской войны, становится крепкая «вертикаль» власти. Моновласть (будь то в форме монархии, социалистической однопартийности или же сильного президентского правления) как ведущее условие новой консолидации общества оказывается безальтернативным выходом для выживания физически рассеченного и ценностно-раздробленного национального тела.

Спор Ивана Грозного с князем Курбским – центральное событие истории Московского царства. Оно не потому главное, что до нас дошли великолепные письменные источники. Оно – центральное, потому что в этом споре решался принципиальный вопрос дальнейшего пути развития страны. Этот спор выявил и вывел на свет две ключевые политические стратегии, которые присутствуют в нашем обществе до сих пор и которые пока еще не окончили свою дискуссию, начатую тогда, в XVI в.

Дело в том, что и Курбский, и Иван IV искали исторический ответ на главный вопрос российской жизни: каким образом сохранить и, по возможности, упрочить величие «Святорусского царства», «Святорусской империи» (именованной так по аналогии со Святоримской империей Габсбургов – в то время образца государственного величия).

Андрей Курбский отстаивал точку зрения, которую мы сегодня назвали бы парламентским правлением, а ранее, возможно, ограниченной монархией. Он полагал, что величие Святорусского царства держалось на боярах. По его мнению, избытие благочестивых и храбрых бояр – «сильных во Израиле» (= верных христианскому идеалу) – грозило гибелью самому «новому Израилю» (России). Отвечая на упреки Курбского, Иван IV, настаивал на том, что государству грозит гибель из-за измены и «самовольства» этих самых бояр⁷⁵. Таким образом, Иван Грозный проявил себя как сторонник моно-власти. В ту пору речь шла о крепкой самодержавной власти, современным иновариантом которой является сильное президентское правление. Спор, очевидно, продолжается, однако он имеет свои ограничения, потому что исторически Россия сделал свой выбор в далеком XVI в., подтверждая его впоследствии на каждом новом витке своей истории.

Своеволие как разновидность политических стратегий

«Двойничество», которое по выражению Ф.М.Достоевского, завещано России русской историей, выражается, среди прочего, и в особенностях внутренней динамики власти и общества. В западноевропейской традиции мы видим, что социальная диалектика основывается на противостоянии гражданского общества и госу-

дарства, под которым понимается институт управления. На Руси, для которой главным членом политической формулы была моно-власть, одна только и способная сохранить единство огромной многонациональной страны, динамический водораздел проходил между самодержавием и самозванством в самом широком смысле слова. Последнее есть не что иное, как инвариант самовластия – понятия также восходящего к эпохе Московского царства.

Самовластие на Руси тесно сопряжено с понятием своеволия. Это уникальное русское явление, аналога которому нет в других культурах. Феномен русского своеволия возникает из особенностей диалектики «раб Божий – владыка себе». Логика последней соответствует «причинно-следственному минимуму средневекового человека: каждый православный человек – раб Божий и холоп государев; но в отношении к самому себе он – владыка, господин. Иначе говоря, человек – “владыка себе”, потому что он – раб Божий, Его творение»⁷⁶.

Матрицей, рождающей своеволие, является формула всеобщности подобного подчинения высшему божественному субстрату – ценностно-позитивному «холопству», согласно которому «раб Божий» (включая самого царя – он также раб Божий) есть одновременно «государь самому себе». Но это означает *высшую* властность и *высшую* свободу, а также одновременно покорность только *высшему*. Мы получаем особый своевольный человеческий психотип, когда, во-первых, все оказываются равны перед высшей инстанцией. Это рождает тот особый «бытовой» демократизм, когда «в душе», т. е. в окончательно человеческом измерении русский индивид пронизан императивом равенства. Он восстает, бунтует против любого начальствования изнутри себя, изначально. Он ощущает себя постоянно «внутренне свободным» и не признает никакой власти внешней, в том числе и власти закона. Отсюда родом анархизм, революционаризм, равно как и отшельничество, эскапизм.

Во-вторых, формула «раб Божий – владыка себе» подразумевает особого рода возвышение личности. Когда такая личность доходит до глубин осознания своей «воли», она ощущает себя не просто свободной, но «господарем». «Гордыня» богоподобия и «цареподобия» создает почву для объявления себя героем, несущим народу новую истину, новый свет, новую формулу жизни от

имени «истинного царя» – самоназванного царя. Таково русское явление самозванства как «народной оболочки бунта»⁷⁷. Таким образом, даже революция снизу надевает на себя оболочку «революции сверху», от имени государя, господаря, искания Бога.

Изначальная природа своеволия, которая предполагает корреляцию исключительно с высшей властью, с высшей свободой, покорность только высшему, создает предпосылки для формирования определенной социальной формулы власти. Такова не только монархическая устремленность правителей, но и соответствующие ожидания подданных. Если подчиняться, то только одному и только высшему – таковы лейтмотив и кредо организации власти в русском пространстве. Соответственно, в такой формулировке все промежуточные эшелоны власти невольно рассматривают сами себя как временщики, а народом видятся как «неподлинная власть», более того, как препятствие для доступа к настоящей власти.

Эволюция идеи своеволия в процессе исторического разрушения теологического покрова привела к тому, что «в остатке» оказался лишь смысл «отсутствия предела» (ведь божественное беспредельно, бесконечно, надзаконно по отношению к миру) – исчезло то, что некогда называлось «страхом Божиим». В материалистическом бытии остались две крайности – своеволие «верхов», принимавшее в конкретно-исторических координатах ультимативные формы самовластия и самодурства, и своеволие «низов», отливавшееся в различные виды «беспредела» на основе самовольства, своеволия. И то, и другое несет на себе печать произвола и с точки зрения современных европейских понятий незаконно.

В этом отношении любопытно, что аналога русскому слову своеволие в европейских языках нет. Оно переводится либо как «упрямство», либо как «ослушание», либо как «деспотизм»⁷⁸. Все эти качества не только негативно окрашены, они не выходят за рамки **социологии** власти, **администрирования**. Метафизические коннотации свободы, индивидуации и господства, которые имеют место в первозданном концепте «своеволия» не передаются этими терминами. Понятно, что все эти толкования весьма далеки от философского, психологического и национально-исторического смысла, позволяющего понять особенности русского национального кода развития.

В этом отношении интересна трактовка понятия своеволия в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И.Даля. Исследуя лингвистическую единицу «своевольный», автор отсылает читателя к слову «свой». При изложении этимологии корня «свой» он приводит новгородские источники, по которым существительное «свое» означает «внезапную болезнь» или припадок, обморок, истерику, падучую и пр. В.И.Даль дает контекстные пояснительные примеры: «Бабу своим хватило», «Его свое берет, бьет», «Свое расхотилось»⁷⁹. К такого же рода смыслам принадлежит и выражение «свой час пришел». В.И.Даль поясняет, что слово «свое» означает все природное в человеке и отождествляется с нравственной порчей, страстями и пороками, т. е. со всем тем, «что должно быть побеждено духом для возрождения»⁸⁰.

Этот экскурс в этимологию позволяет лишний раз подчеркнуть нравственную, духовную коннотацию категории своеволия, весьма далекую от европейского значения «авторитарной власти». В русском сознании своеволие уходит корнями в столь далекие пласты коллективного бессознательного, что только этот факт позволяет понять и объяснить трудность нашего вживания в европейский строго социально-правовой концепт «законности». Современная действительность доказывает, что 70-летие атеизма мало повлияло на изменение коллективного бессознательного. А это означает, что следует искать другие, более глубинные, духовно-нравственные обоснования законности, теснее, глубже и более непосредственно связанные с идеями справедливости и высшей правды, нежели это принято в общеевропейском контексте. Русскому человеку недостаточно материальной «буквы закона», он жаждет подкрепления ее реально видимой «правдой-справедливостью», которая по его понятиям должна быть и на земле, и выше. Только тогда он будет добровольно повиноваться такому Закону.

Знаменательно также и то, что прочтение В.И.Далем морфем «свой», «свое» имеет истоком именно Новгородские земли, которые известны как исторически первое русское испытание демократического государственного и административного устройства. Очевидно, проявление русской специфики своеволия давало себя знать в демократических условиях настолько мощно и в таких крайних формах, что принимало характер, с одной стороны, патологии, а с другой стороны, указывало на возможность преодоления

этого болезненного состояния только через прибежище к духовности, через духовное восхождение и возрождение, через преодоление грубо материального вращающегося в действительность.

В политической картине времен Ивана Грозного наметилась важная для развития российского государства черта – губительное перерождение самодержавия как политической формы в самовластие. Это расхождение сущностно для понимания всей динамики политической жизни России. Проблему здесь составляют позднемарксистские интерпретации, которые смешали эти два понятия-антагониста. На самом деле, самовластие есть вымороченное самодержавие, когда забыт верховный Закон, подчиненность земного несовершенного человека, пусть даже царя и верховного правителя, Высшему Закону. Его место занимает стремление утвердить власть собственного «я», «самовластие человеческого я, возведённого в политическое и общественное право», как это много позже точно определил Ф.И.Тютчев⁸¹. Закон самодержавия как понятия состоит в том, что «царь, монарх первый должен склониться перед вечным Законом, иметь смирение перед Промыслом Божиим. Если же он становится самовластным тираном, то нарушает законность самодержавия своего, благословленного при коронации Богом. Это несёт беду тем, над которыми он поставлен, и ему самому. Он делается жертвой восстания, заговора»⁸².

Перерождение самодержавия, т. е. предстояние перед Законом, признание верховенства Закона (для России Закон всегда с большой буквы, потому что в православном коллективном подсознательном сохраняется коннотация закона как Закона Божия), происходит сначала на личностном уровне. Как заметил позднее А.К.Толстой, характеризуя правление Ивана Грозного, «он хотел стоять над порабощенной землей один, аки дуб во чистом поле»⁸³. Закат идеи Московского царства начался в том момент, когда царь встал на путь непризнания и непринятия другого закона, кроме собственного волеизъявления, когда его человеческое я стало замещать собой Бога. Это было уже не самодержавие, а своеволие, самозванство в личностной форме.

Другим проявлением самозванства на власть была во времена Грозного боярская оппозиция. Выступления боярства воспринимались не только царем, но и всем обществом как желание «любона-

чалия», т. е. желания властвовать, править миром по земным законам, а не по предначертанию божескому. В разных политических произведениях той эпохи, в том числе и у И.Пересветова, осуждалось такое самовластие и самоволие боярства, которое приводило к жестокому оскудению страны из-за их несправедливого обогащения. Порицая боярское самовластие, он обвинял их в том, что они богатели «незаконно», «изломили правый суд», «невинных осуждали по мздам».

Насущность матрицы внутреннего противоборства высшего духовного призвания власти и ее человеческого несовершенного самовластного измерения сохранялось на всем протяжении российской истории. Отголоском подобного «самозванства-самовластия» было, в частности, выступление декабристов, которое предполагало заменить существовавший тогда образец самодержавия еще более жестким его вариантом, предложенным в проекте П.Пестеля. Неслучайно на этот исторический эпизод Ф.И.Тютчев отозвался глубокомысленными словами: «Вас развратило Самовластье, И меч его вас поразил...». Развращённые «самовластием человеческого я»,.. декабристы носили кару сами в себе...⁸⁴

Самозванство как народный феномен исходило из стремления противопоставить волю народа (но, правда, опять же в знакомой монархической форме) воле утерявшего свой праведный смысл самодержавия, ставшего человеческим земным самовластием. Недаром это явление получило распространение и окончательное оформление в период первой русской Смуты. В то же время, в условиях господства моно-власти самозванство – это другой полюс власти, который так или иначе дает знак о произошедшем «перерождении власти» или создает реальный импульс к пересмотру неудовлетворительного социального положения внутри страны.

Очевидно, что и последние исторические перемены в стране связаны, в конечном счете, с перерождением власти, утратой ею ответственности перед идеалом, отказом от великого служения и посвящения себя такому идеалу. Советская власть создала большой Коммунистический проект, который занял место высшей духовной инстанции, перед которой «предстояли» правители и народ. В течение первых десятилетий главенство духовной цели подтверждалось всем строем жизни: энтузиазмом мобилизован-

ного народа, ротацией кадров в верхних эшелонах власти (не об-суждаем здесь несправедливые методы такой ротации), даже искрен-ностью веры в этот идеал невинно репрессированных. Однако во второй половине XX столетия место «самодержавия» власти (т. е. фактически ее идейного характера, ее приверженности высшему идеалу, ее «идеократичности») все более стало занимать отступление власть предержащих от бескомпромиссного служения идеалу и Идее. Самовластие, любоначалие подменяло верность заветам. С этого момента и начинается крах советской власти, который исторически закономерно был реализован через предательское самозванство на власть нового олигархического слоя. (Б.Ельцин, хотя и был первым лицом, раздел «пирога» происходил преимуще-ственно между членами ближнего, а по закону подражания, и дальнего окружения.)

Двоичный код развития

Ситуация «культурного двуязычия», которая впервые была на-мечена во времена Грозного и окончательно оформилась и утвер-дилась в петровскую эпоху, инициирует в пространстве России двойственность историсофского спора об историческом идеале. С этого момента страна и нация оказываются в эпицентре острей-шего внутреннего столкновения между ориентацией на пришед-шую с Запада просветительскую идею «внешней мудрости» и страстью к нравственному совершенству, унаследованной от рус-ского православного средневековья.

Основополагающий мировоззренческий принцип средневеко-вья – принцип эха⁸⁵. Он рассматривает развитие не как не преодо-ление традиции, не как разрыв с нею. Движение и обновление в древнерусском понимании глубоко отлично от просветительского «новаторства». Это движение не только вперед, но вспять, постоянная оглядка на идеал, который находится в вечности и в про-шлом, это попытка приблизиться к идеалу⁸⁶.

В рамках просветительского проекта новизна, напротив, есть преодоление прошлого, утверждение неповторимости каждой эпо-хи, рождающее установку на динамическую и светскую культуру, на будущее. В русских условиях приятие такого кредо претворяет-

ся в отказ от традиции, полный и решительный разрыв с прошлым, что мы наблюдаем в каждый новый период развития страны, неизменно происходящий под знаменем революции. Отрицается и радикально пересматривается все: история, основы экономики, культура. Все они становятся разрушителями единой ткани общества, враждебными его консолидации. Дело в том, что для традиционалиста история необходима потому, что она есть часть общей судьбы, она формирует и врачует душу нации, она «душеполезна». Для представителя западного Просвещения история не мыслится в рамках идеала. Она всего лишь иллюстрация, в лучшем случае прагматичный «урок», который дает пищу для размышлений, а то и для развлечений: сюжеты для исторических книг или игровых реконструкций. Те же функции выполняет и культура, главным признаком которой в новой реальности становится функция деконструкции. Смена экономической парадигмы развития, задуманная как взрыв старой системы хозяйствования, рушит материальный фундамент развития.

Россия, таким образом, оказывается в состоянии постоянного мучительного исторического распутья – она беспрестанно вынуждена выбирать между ставкой на «современность», олицетворением которой стал европейский культурный код бытия и развития, и органическим идеократическим стремлением к идеалу. Такая двойственность нередко исторически разрешается тем, что в качестве идеала избирается некая западная модель, которая некритически идеализируется. Попытки ее реализовать без учета национальных особенностей, как правило, приводят к полнейшему истощению хозяйственного, культурного и человеческого потенциала страны. Катастрофа отрезвляет, от «новых учителей» отрекаются и, потеряв историческое время и силы, правители начинают искать «собственный путь» к избранному идеалу.

В этом отношении весьма примечательна сюжетная ткань великого произведения Н.С.Лескова «Левша». Следует отметить, что такого рода литература приближается к разряду сказаний, мифов, которые, будучи созданы народными гениями, отражают национальное кредо. Символический характер этой поэмы делает ее актуальной во все времена, ибо содержит идеи-коды, которые в иррационально-метафорической форме выражают национальный характер и алгоритм исторической эволюции народа.

В этом произведении-прозрении ярко отражена указанная идея раздвоения как ведущий элемент русской истории. Время действия поэмы охватывает два царствования – Александра I и Николая I. Психоисторические характеристики обоих правителей весьма симптоматичны. Как пишет Н.С.Лесков, Александр Павлович очень интересовался европейскими достижениями и любил чужеземные продукты смотреть. Он объездил все страны, особенно заинтересовался английскими товарами, где все его чем-нибудь удивляли и на свою сторону преклонять хотели. И в итоге государь сказал англичанам: «Вы есть первые мастера на всем свете, и мои люди супротив вас сделать ничего не могут»⁸⁷.

Его сменил государь Николай Павлович, который «в своих русских людях был очень уверенный и никакому иностранцу уступать не любил...»⁸⁸. Лейтмотив его поведения – в неискоренимой вере в собственный народ. «Я на своих надеюсь, что они никого не хуже. Они моего слова не проронят и что-нибудь сделают»⁸⁹, – говорит Николай. Дальнейшие перипетии сказания показывают, насколько тернист путь к признанию, но во все сложные моменты истории царь остался тверд в своем уповании на народный гений и «...веры своей в русских людей не убавил». «...Видите, я лучше всех знал, что мои русские меня не обманут»⁹⁰, говорит он, когда Левша-таки превозмог англичан на уровне «нанотехнологий». Крепкая спайка самодержавие-народность оправдывает себя: обе стороны, и народ, и государство оказываются победителями в историческом споре с Европой.

Поэма Н.С.Лескова символична, ибо она недвусмысленно рисует исторический маятник, который подтверждает двоичный код развития в координате времени: в истории России правитель прозападный сменяется пророссийским. Мифологемы, подобные лесковской, отражают на генетическом уровне национальный характер и высвечивают судьбу народа. Раздвоение, завещанное стране, имеет место не только на изломе эпох, но и в исторической протяженности.

Заключение

История – это не то, что сдано в архив и даже не то, что может служить примером или нравоучением последующим поколениям. Философское осмысление истории необходимо прежде всего для того, чтобы отыскать те ключевые константы развития, которые продолжают действовать в современности. Современность, несмотря на ее темпорально объединяющее значение для всего человечества, разная для каждого народа, ибо все народы отличны в своей истории, в своем становлении и формировании. Мы все живем «сейчас», но у всех свое «здесь». Несомненно, глобализация, и особенно информационно-коммуникационная революция последних лет, имеет в качестве главного результата объединение пространства. Но и в новом мультикультурном пространстве, даже на ограниченном и тесном локусе Европы, мы наблюдаем устойчивость культур к ассимиляции. Такое положение есть нечто большее, нежели ригидность отсталых наций или же последствия религиозных предрассудков. Устойчив архетип, который, несмотря на всю притягательность европейского образа жизни, не позволяет нациям «переродиться» и цивилизационно стать одинаковыми «европейцами». Более того, все «европейцы», так же, как и другие народы, производны от своей истории и своего «места». В неизменяемом «остатке» остается то, что мы сегодня называем идентичностью, которую нельзя полностью изменить никакими заимствованиями.

Анализ идеологических оснований российского государства, вырастающих из эпохи Московского царства, очень важен для современности, несмотря на кажущуюся отдаленность указанного времени. Именно в ту пору создается Русское государство и формируются идеи, которые кардинальным образом повлияли на становление ценностных ориентаций людей. Фундаментальные идеологии того периода обрели силу мифа, значимость которого для коллективного сознания не может быть оспорена. Они продолжают свое бытие сквозь века и являются нередко более современными, чем инновации более поздних лет.

Сегодня перед страной стоит проблема обретения идей и символов, которые способны стать объединяющими для социума в целом и породить ощущение комфорта существования

в обществе у всех его членов. Эта задача не может быть решена без исследования базовых исторических оснований самоощущения народа. Только опираясь на истоки, углубляясь в генеалогию идеократической государственности России, возможно созидание нового проекта грядущего существования нации. Последние десятилетия истории страны наглядно показали, что простое копирование американско-европейских достижений не только непродуктивно, но и невозможно. Проект модерн есть прежде всего культурный проект, и европейские достижения – естественный продукт родной культуры. Транспортирование конечных продуктов без соответствующих культурных корней создает не действительность, а иллюзию, которая быстро рассеивается.

Но беда не только в том, что всякая копия неизмеримо хуже оригинала, и что, учреждая чужое, мы теряем свое, не обретая этого чужого. Несчастье в том, что вставая на путь грубого имитаторства, мы закрываем путь к экспериментированию не только себе, но и человечеству в целом. Ведь положение вещей сегодня таково, что все до сих пор предложенные и реализованные образцы социального устройства – капитализм, социализм, демократия – далеки от совершенства. Поддаваясь на филистерскую наживку, гласящую, что «демократия – плохое изобретение, но лучшего пока никто не создал», мы обманываем надежду человека на творчество.

Это, однако, не означает, что следует претендовать на некую национальную исключительность, отрицать позитивные эффекты европейского цивилизационного проекта. Европа нам необходима не только как образец апробированных форм социального устройства, но намного более она нужна нам как составная часть нашего внутреннего диалога с самими собой. Если так можно выразиться, нам нужна «внутренняя Европа», которая помогла бы нам создать «полюсы напряжения», из которых должен возникнуть новый энергетический ток для предстоящего модернизационного рывка. Но проект, который мы создадим в процессе грядущего экспериментирования, будет исключительно нашим российским культурным проектом, который уходит корнями в российскую национальную почву.

Примечания

- ¹ *Юнг К.Г.* Психология архетипа младенца // *Юнг. К.Г.* Душа и миф. Шесть архетипов. Киев–М., 1997. С. 221; 113.
- ² Там же. С. 90.
- ³ *Мани Т.* Фрейд и будущее // *Иностр. лит.* 1996. № 6. С. 204.
- ⁴ *Юнг К.Г.* Психология архетипа младенца. С. 100.
- ⁵ *Лихачев Д.С.* Человек в культуре Древней Руси // *Лихачев Д.С.* Избр. работы. М., 1987. С. 160.
- ⁶ *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры (XVII – начало XVIII века). Т. III. М., 1996. С. 246.
- ⁷ *Успенский Б.А.* История и семиотика // *Успенский Б.А.* Избр. тр. Т. 1. М., 1996. С. 26.
- ⁸ *Бади Б., Бирнбаум П.* Переосмысление социологии государства // *Междунар. журн. соц. наук.* 1994. № 4. С. 17.
- ⁹ *Хайек Ф.* Общество свободных. Сдерживание власти и развенчание политики // *Открытая политика.* 1995. № 8. С. 41.
- ¹⁰ *Wolf R.P.* About Philosophy. Mass., 1989. P. 422; *Вольф Р.П.* О философии. М., 1996. С. 403.
- ¹¹ Именно в России в начале XX века родилась идея и оформилась концепция «права на достойное человеческое существование» (*Новгородцев П.И.* Право на достойное человеческое существование // *Общественные науки и современность.* 1993. № 5; *Кистяковский Б.А.* Государство правовое и социалистическое // *Вопр. философии.* 1990. № 6. С. 199). Российские неолiberaлы-социалисты тем самым вышли за рамки классического европейского либерализма (с его идеалом свободы), выступая за либерализм нравственный, либерализм социально ответственный, т. е. не формально, а реально озабоченный общим благом всего народа. Такой **этический** ракурс российского либерализма, аутентичный для нашего коллективного бессознательного, впоследствии оказал влияние на европейскую политическую мысль. Эта тема предвосхитила и предопределила дальнейшее развитие теории демократического государства в направлении созидания «социального государства» в европейских странах. В России она привела к разработке формулы «правового социалистического государства» (*Кистяковский Б.А.* Государство правовое и социалистическое; *Гессен С.И.* Правовое государство и социализм. М., 1999 // *Гессен С.И.* Избр. соч. М., 1999).
- ¹² *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 223.
- ¹³ *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. М., 2004. С. 35–37.
- ¹⁴ *Трофимов А.М., Солодухо Н.М.* Вопросы методологии современной географии. Казань, 1986. С. 45.
- ¹⁵ *Аристотель.* Соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1981. С. 123–124.
- ¹⁶ *Трубецкой Н.С.* Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // *Наследие Чингисхана.* М., 1999. С. 224.
- ¹⁷ *Скрынников Р.* Третий Рим (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Skrunnik/_index.php).

- 18 *Erikson E. Identity, Youth and Crisis. N.Y., 1968. P. 31–33.*
- 19 *Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 228.*
- 20 *Мор Т. Утопия. М., 1978. С. 125.*
- 21 Там же. С. 139.
- 22 См.: *Мережковский Д. Жизнь и творчество* (<http://www.litru.ru/bg/?b=102224&p=2>).
- 23 *Мор Т. Утопия. С. 191–192.*
- 24 *Фукуяма Ф. Сильное государство. М., 2006. С. 169.*
- 25 Там же. С. 189.
- 26 *Пересветов И.С. Сказание о магмете-салтане // Пересветов И.С. Соч. М.–Л., 1956. С. 188.*
- 27 Там же. С. 153.
- 28 Там же. С. 155.
- 29 Там же. С. 158.
- 30 *Лихачев Д.С. О национальном характере русских // Вопр. философии. 1990. № 4. С. 5.*
- 31 Там же.
- 32 *Гурин С.П. Маргинальная антропология. Саратов, 2000. С. 1–2.*
- 33 *Ильин В.В., Панарин А.С., Бадковский Д.В. Политическая антропология. М., 1995. С. 93.*
- 34 *Успенский Б.А. «Заветные сказки» А.Н.Афанасьева // Успенский Б.А. Избр. тр.: В 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 165.*
- 35 *Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 439.*
- 36 *Успенский Б.А. Восприятие истории в Древней Руси // Успенский Б.А. Избр. тр. Т. 1. С. 103–104.*
- 37 *Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М., 1997. С. 112–113.*
- 38 *Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Прага, 1927. С. 106.*
- 39 *Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая индустриальная волна на Западе. М., 1999.*
- 40 *Федотов Г.П. Судьба империй // Судьба и грехи России. Т. 2. СПб., 1992. С. 318, 321.*
- 41 Там же С. 314.
- 42 *Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 440.*
- 43 *Андреева Л.А. Христианство и власть в России и на Западе: компаративный анализ // Обществ. науки и современность. 2001. № 4. С. 95.*
- 44 *Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. С. 112.*
- 45 Там же. С. 233.
- 46 Там же. С. 225.
- 47 *Кавелин К.Д. Наш умственный строй // Кавелин К.Д. Соч. М., 1989. С. 221.*
- 48 Там же. С. 163.
- 49 *Пивоваров Ю.С. Два века русской мысли. М., 2006. С. 199.*
- 50 *Письмо А.С.Пушкина П.Я.Чаадаеву от 19 октября 1836 г. (черновик) // Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1991. С. 465.*
- 51 Там же.

- 52 Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. М., 2002. С. 165.
- 53 Скрынников Р. Третий Рим (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Skrunnik/_index.php).
- 54 Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого (к проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Успенский Б.А. Избр. тр. Т. 1: Семиотика культуры. М., 1996. С. 132.
- 55 Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. С. 393.
- 56 Малинецкий Г. Доклад о перспективах РФ (<http://www.nanonewsnet.ru/articles/2009/georgii-malinetskii-doklad-o-perspektivakh-rf>).
- 57 Скрынников Р. Третий Рим (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Skrunnik/_index.php).
- 58 Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. С. 275.
- 59 Там же С. 556.
- 60 Там же. С. 557.
- 61 Шмитт К. Земля и море. Рассказ для моей дочери // Шмитт К. Номос земли. М., 2008. С. 581.
- 62 Там же. С. 630.
- 63 Лермонтов М.Ю. Бородино // Лермонтов М.Ю. Стихотворения и поэмы. М., 1956. С. 18, 20.
- 64 См., например: <http://www.litru.ru/br/?b=7301&p=1>.
- 65 Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры. (XVII – начало XVIII века). Т. III. М., 1996. С. 244.
- 66 Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Петр Великий: Концепции первого монарха // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1: Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 457.
- 67 Там же. С. 458.
- 68 Там же. С. 459.
- 69 Карамзин Н.М. История Государства Российского: Полн. изд. в одном т. М., 2009. С. 842.
- 70 Панченко А.М., Успенский Б.А. Указ. соч. С. 462–463.
- 71 Там же. С. 177.
- 72 Там же. С. 460.
- 73 Там же. С. 457.
- 74 Струве П.Б. Отрывки о государстве // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 269.
- 75 Скрынников Р. Третий Рим. (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Skrunnik/_index.php).
- 76 Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. С. 277.
- 77 Панченко А.М. «Народная модель» истории в набросках Толстого о Петровской эпохе // Л.Н.Толстой и русская общественно-политическая мысль. Л., 1979. С. 80.
- 78 См. словари русско-немецкий, русско-испанский, русско-английский и др. (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1018742>).
- 79 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2009. С. 581.
- 80 Там же.

- 81 *Тютчев Ф.И.* Россия и Революция // <http://www.pravaya.ru/govern/392/2108>
- 82 *Воропаев В.* Вас развратило самовластье... // Лит. газ. 2004. № 38 (17.09).
- 83 *Толстой А.К.* Собр. соч.: В 4 т.Т. 3. М., 1964. С. 488.
- 84 *Воропаев В.* Вас развратило самовластье...
- 85 *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ. С. 76.
- 86 Там же. С. 63.
- 87 *Лесков Н.С.* Левша. М., 1994. С. 46.
- 88 Там же. С. 66.
- 89 Там же. С. 68.
- 90 Там же. С. 134, 138, 156.

Явное и неявное в политической стратегии

Один из самых известных политиков XX в. У.Черчилль говорил, что какой бы хорошей ни была стратегия, время от времени нужно смотреть и на результаты. Россия сегодня подошла к такому моменту, когда с одной стороны, уже имеются определенные результаты, а с другой – делаются попытки наметить вектор ее дальнейшего существования. Результаты же свидетельствуют о том, что социально-экономический эффект от «рыночной реформы» для жителей России был, есть и на обозримое будущее в целом остается негативным, о чем свидетельствуют данные социологических опросов. Новая экономическо-политическая и духовно-нравственная ситуация становится серьезным испытанием для нынешней власти и общества, провоцирует, как фиксируют социологи, появление в обществе острого запроса на «порядок» – на обыденном уровне, политическую стратегию (модель социального порядка) – на научном. Таким образом, тема политической стратегии является сегодня более чем актуальной.

Заявленная как философская, данная тема менее всего допускает абстрактный, спекулятивный подход, оторванный от действительного развития российского государства, к чему порой расположены философы отчасти в силу специфики своего предмета, отчасти из-за склонности к эскапизму. Прежде всего, необходимо отметить, что к настоящему времени выявилось фундаментальное несоответствие между сложной реальностью российского государства и той философской основой, на которой была построена стратегия его реформирования.

Огромное государство, каковым и является Российская Федерация, не может не иметь без ущерба для себя большую, базовую стратегию, соответствующую его размеру и геополитической значимости. Фундаментом такой стратегии должна быть более глубокая оценка цивилизационной сущности России и вытекающая отсюда переоценка многих современных преобразований. Жесткая историческая необходимость требует в качестве предварительного этапа предельно четко выявить стратегическую несостоятельность действий власти в 1990–2000 гг. (что, в общем, уже сделано в целом ряде работ), а затем сформулировать опорные мировоззренческие установки для выхода из стратегически-бессознательного состояния. Это совсем не технологический вопрос, как иногда пытаются его представить, а прежде всего метафизический – раскрывающий смыслы, цели и ценности российского государства.

Теме политической стратегии философия вынуждена приписывать более широкий контекст, чем тот, в котором она обычно рассматривается как политическая или историческая проблема. Это связано с тем, что философия явно или неявно исходит из представления о совокупном познавательном процессе. Иными словами, для философии любая проблема не может быть понята вне допущения, что она есть часть масштабного целого, требующего соответственно масштабного видения и учета всех известных и неизвестных, реальных и возможных ситуаций, относительно которых и должна быть понята проблема. Негативный социально-политический опыт современной России указывает на некоторые важные аспекты проблемы политической стратегии, до этого пребывающие в тени и требующие применения новых исследовательских подходов. К таковым, в частности, относится конспирологический подход, способный зафиксировать некоторые ключевые моменты существования российского государства, которые, как правило, не попадают в поле зрения представителей общественных наук. Этот подход является достаточно эвристичным, так как обнаруживает схожие алгоритмы исторических событий, относящиеся к разным историческим эпохам, а, значит, обладает потенциалом прогнозирования нежелательных явлений, оказывающих влияние на ход исторических событий. Кроме того, высокий уровень внутренних и внешних угроз России придает конспирологии необходимый и значимый статус в процессе формирования политической стратегии.

1. Конспирология как неучтенный элемент политической стратегии

Конспирологический подход выражает, прежде всего, право реализовать универсальность сомнения как философского метода, сомнения в том, что нам преподносится на официальном уровне как общезначимая истина. Тем самым он помогает вскрывать определенные закономерности конспиративной деятельности, оказывающие влияние на ход исторических событий. Между тем наблюдается странная ситуация: если данные таких наук, как социология, политология, история обычно включаются в ткань философско-политических исследований, то выводы современной дисциплины – конспирологии¹ явно недооцениваются в научных кругах. Ее часто обходят молчанием и в силу инертности научного сообщества, и из опасения, что может пострадать научная репутация вследствие сложившегося негативного отношения к ней как к чему-то несерьезному, легковесному, маргинальному, а то и просто к одиозному. Некоторым основанием для такого отношения является смешивание конспирологии с ее гротескной, бытовой, примитивной формой, наполненной всевозможными мифологическими, недобросовестными и параноидальными измышлениями и ставшей составной частью массовой культуры, своего рода модой (что связано с распадом рационального образа мира, сложившегося в эпоху Модерна). Настоящая же конспирология формируется как специфическое рациональное и реалистическое знание о происходящих событиях, имеющих неявный, скрытый характер, масштаб которых постоянно растет. В этом плане у конспирологии, как подчеркивает историк А.Фурсов, большое будущее; это наука будущего и о будущем, так как именно она сможет многое раскрыть и объяснить.

В настоящее время складывается устойчивая социологическая тенденция рассматривать конспирологию как науку и как серьезный, рациональный исследовательский метод. Это относится прежде всего и главным образом к политической конспирологии, применительно к которой С.Кургинян даже предлагает такое название как «параполитика». В самом деле, конспирология более всего применима к политическим процессам, поскольку имен-

но эта сфера чаще всего является средоточием тайн и секретов, имеющих важное значение для общества. Большинство политических решений принимается за закрытыми дверями: даже в самых демократических обществах СМИ никогда не могут по – настоящему проникнуть за этот занавес. Не случайно французский мыслитель Ж.Бодрийяр писал: «...начиная с Макиавелли, где-то в глубине души политики всегда знали, что именно владение симуляционными процессами стоит у истоков власти, что политика – это не реальная деятельность и пространство, но некая симуляционная модель, манифестация которой – лишь ее реализованный эффект, не более»².

Сегодня конспирология начинает приобретать статус научной дисциплины, хотя и не оформленный институционально. Например, в «Новейшем словаре иностранных слов и выражений» (2001 г.) конспирология уже представлена в качестве науки. Ее изучением занимаются такие исследователи, как А.Дугин, А.Фурсов, С.Кургинян, В.Багдасарян, В.Старцев, О.Платонов, И.Исаев и другие. Они исходят из признания огромного различия в плане возможностей влияния на мировую политику ее отдельных субъектов. Те, которые реально принимают решения, потом через специально созданную систему информационных каналов, закрытых для подавляющего большинства населения планеты, запускают эти решения в информационное поле. Ученые стремятся понять, что представляет фиксируемая ими реальность, в которой действуют субъекты в условиях непрозрачности, что, в конце концов, является движущей силой в современном, весьма усложненном и непрозрачном мире (деньги, власть, личные связи суперэлит, пиар?), и куда эти силы ведут человечество? Вопросы, как видим, очень серьезные.

Для ответа на эти вопросы конспирологи формируют свои критерии детерминации реальности, отличные от традиционных, которые большинство исследователей оставляет за скобками как неудобные и не сулящие им никаких дивидендов. Что же тогда движет ими? Наверное, любовь к истине, любовь к Родине, или стремление к справедливости. Именно эти мотивационные компоненты являются составными элементами подлинного познавательного процесса.

Но отчего же конспирология с трудом находит понимание в научных кругах? Убедительное объяснение этому явлению дает, в частности, А.Фурсов. «Современная наука об обществе, – пишет он, – сконструирована так, что опознает и изучает только видимую сторону общественной жизни – для этого у нее есть триада “экономика-социология-политическая наука”. А о теневой зоне, то есть о пространстве, где принимаются главные решения, где происходит реальное управление обществом, науки нет (институционально признанной. – *Р.С.*). Возникает странный парадокс: не искажая или почти не искажая реальность сами по себе, дисциплины триады фактом своей монополизации изучения общества автоматически искажают его, исключая из него как минимум половину, уравнивающую своим скрытым удельным весом историческое значение массовых процессов и нередко направляющую их»³.

Поэтому подлинная конспирология, по мнению Фурсова, – не просто одна из социальных дисциплин среди социологии и прочего, она рядо- и равноположенное им эпистемологическое поле со своим внутренним членением, с особыми методами обработки информации и исследования. Она – поле и средство борьбы в научной сфере, а конспиративные структуры – лишь один из ее объектов. Конспирология – это и отдельная дисциплина, и в то же время дедуктивно-аналитический метод для обнаружения неочевидного в очевидном, тайного – в явном, для выявления скрытых причин, которые эмпирически, индуктивно непосредственно не просматриваются. В таком случае конспирология должна быть неотъемлемым элементом истории, социологии, политологии, политэкономии и т. д. Настоящий профессионал в данных областях не может не быть еще и профессиональным конспирологом. Это обусловлено не только несовпадением явления и сущности, но и самой спецификой социального знания, в основе которого лежит принципиальное несовпадение истины и интереса, на порядок усиливающее в этой области знания несовпадение явления и сущности. Не секрет, что в капиталистической системе социальные науки и их кадры выполняют определенную функцию – анализ социальных процессов в интересах господствующих групп и с точки зрения их интересов, в конечном счете – ради сохранения существующей системы с ее иерархией. Отсюда – табу на целый ряд проблем, их практическая необсуждаемость⁴.

Данное объяснение представляется нам достаточно обоснованным. Можно лишь добавить, что конспирология – это всегда раскрытие секретов власть имущих: того, как реально функционирует власть, распределяются ресурсы, циркулирует информация. А поскольку истинная власть – как правило, тайная власть или явная власть в ее тайных действиях, тайном измерении, то ее анализ, по определению, имеет конспирологический характер. А.Артемов пишет в этой связи: «Пока кухонные философские изыскания тешат интеллектуального обывателя помыслами о самоидентификации и особой исторической миссии национальной интеллигенции, другие интеллектуалы лицом к лицу (а порой и плечом к плечу) с многочисленными карьеристами, прохвостами и проходимцами борются за власть, знание, управление, а значит – за реальное общественное развитие»⁵. По существу, здесь речь идет о неклассических практиках, где индивид или группа (волевой субъект) действует определяющим, может быть, даже репрессивным образом на окружающую социальную среду.

Роль конспиративности, постоянно присутствующей в различных обществах и в различные эпохи, на протяжении истории неуклонно возрастала по мере развития капитализма. Особенно в Европе интенсивное развитие капитализма требовало искусственного создания тени, завесы – того, в чем не было такой потребности до его возникновения. Это связано с тем, что формирование гражданского общества, провозглашение открытости власти, государства и политики с середины XIX в. создавало вместе с тем очень серьезные проблемы, которые по мере усиления социальных конфликтов, становились все более острыми. Их открытое, публичное решение было весьма затруднительным. Отсюда – значительное увеличение количества тайных организаций, закулисных структур, которые с самого начала сопровождали Модерн.

Таким образом, масштаб, сложность и закрытость теневых структур росли и усиливались пропорционально мировой экспансии капитала и самого Запада, усложнению современного мира, а также развитию публичной политики и формальной демократии. Теневая сторона если и не превращает демократию, разделение властей, гражданское общество и т. п. на Западе полностью в фикцию, то, по крайней мере, серьезно подрывает, ослабляет и выхлещивает их содержание. Между развитием и приобретением го-

сударством все более публичных характеристик, с одной стороны, и усилением значения конспиративного, тайного аспекта функционирования властной системы, смещения реальной власти в теневую зону – с другой, имеется прямо пропорциональная связь. Чем более публичнее становилась политика, чем (внешне) демократичнее общество, тем более значимая часть реальной власти эпохи Модерна уходила в тень, действовала конспиративно. «Эпоху Модерна, – пишет Фурсов, – можно рассматривать по-разному, в том числе и как процесс роста этой тени, которая сначала знала свое место, а затем в “длинные двадцатые” (1914–1933 гг.) – поменялась местами с хозяином, стала главной, и, что поразительно, это не нашло практически никакого отражения в науке об обществе (курсив мой. – Р.С.). А ведь ясно, что тень нужно изучать принципиально иначе, чем то, что ее отбрасывает, – иными методами и средствами. А уж тень, поменявшуюся местами с хозяином, – тем более»⁶. И только конспирология, сосредотачивающая свое основное внимание не на фиксации внешней канвы событий, а на артикуляции глубинных целей, замыслов, закономерностей (на которые затем наслаивается официальное мифотворчество), в какой-то мере решает эту задачу. Не случайно во всем мире конспирологии посвящена огромная литература, издаются постоянные конспирологические журналы и бюллетени, где собрана актуальная и свежая информация по данной проблематике.

Ситуация еще более усложняется в эпоху глобализации, когда рядом с открытым миром государств и партий существует другой мир – закрытый, теневой. По мнению французского социолога Пьера Бурдьё, реальным субъектом в нации-государстве являются не нация и не государство, а группы индивидов, реализующие свои групповые и корпоративные интересы под видом государственных или под покровом государственной тайны. Глобализация, по сути, есть выталкивание в неоварваризацию, в неoarхаизацию 80 % мирового населения. Именно конспиративные структуры в их функции мирового управления наилучшим образом приспособлены для реализации подобного цивилизационного остракизма.

Если не закрывать глаза на возникшую переориентацию Запада на завуалированные, визуально неявные, непрямые способы воздействия на Россию, то конспирология в нашей стране должна была бы стать одним из главных направлений исследова-

ний и важным фактором объяснения общественных явлений, как бы это ни казалось для кого-то непривычным или даже шокирующим. Для этого достаточно объективно, непредвзято и под соответствующим углом зрения (а именно: настойчиво проводимой Западом на протяжении всей истории политики неприкрытого антирусского расизма) взглянуть на исторические события, особенно начиная с эпохи Петра I.

Суть конспиративных замыслов в отношении России вытекает из непрекращающегося стремления западного суперэтноса к объединению земного шара под своим началом. Такое стремление отмечали еще русские мыслители: Д.Л.Андреев, В.В.Розанов, Н.С.Трубецкой, Л.Н.Гумилев, «причем последний показал, что оно является не следствием какой-то особой злонамеренности европейской цивилизации, а органически присущим ей культурно-политическим стереотипом поведения, который не может быть нарушен логическими доводами. Эти экспансивные устремления могли принимать самые разные формы (крестовые походы, военные агрессии, кредиты МВФ)»⁷. Общие закономерности исторического взаимодействия Запада и окружающего пространства (в частности, России) хорошо прослеживаются также в рамках модели «ядро-периферия» (И.Валлерстайн). Суть данной модели раскрывается в дихотомии «цивилизация–варвары». В соответствии с ней Запад («ядро») – цивилизация, а окружающие народности («периферия») – варвары, смысл существования которых – быть источником дальнейшего развития и процветания Запада. Российские любители употреблять выражение: «в цивилизованных странах» – по умолчанию соглашались с неназываемой ими второй частью указанной дихотомии, согласно которой европейские критики от маркиза де Кюстина вплоть до Адольфа Гитлера называли Россию не иначе как «варварской страной». И в то же время призывали ограничить российскую мощь.

На протяжении истории специфика конспиративной деятельности в отношении России состоит в беспрецедентно мощном **двойственном** давлении на нее. С одной стороны, никогда не прекращавшийся и все усиливающийся *западный экспансионизм*; с другой – постоянно нарастающий *прозападный активизм* некоторой части господствующих кругов России (дворянство, советская

номенклатура, олигархически-либеральный слой – этот уже откровенно выполняет задачи, поставленные перед ним «глобальным истеблишментом»).

Первый выражает стремление Запада транслировать на окружающий мир некоторую совокупность политических, экономических и культурных норм и образцов с категорическим требованием признать их и принять к исполнению, сопровождаемым установлением всеобъемлющей гегемонии в своих корыстных целях. Второй – есть добровольная готовность более слабых политических акторов (объектов западного влияния) подчиниться нормам, объявленным Западом универсальными. Когда объект воздействия как целое подчиниться Западу (Империи) не желает, «отдельные индивиды внутри “варварской” страны, в силу тех или иных причин сориентированные на внешние для нее нормы и ценности, начинают объективно, вне зависимости от своего желания противостоять материнскому социуму, становясь внутри него центрами политического напряжения»⁸. Анализ интенций таких индивидов, позволяющий понять истоки зарождения, становления и распространения присущих им образцов поведения, мышления, пока не стал предметом особого внимания исследователей.

К началу 70-х гг. XX в. западные «мальтузианские» элиты вознамерились остановить общемировое развитие, что требовало в свою очередь ускоренного демонтажа Советского Союза и встраивания его в глобальную схему извлечения прибыли. Разразившаяся перестройка в СССР привела к реализации поставленной цели. То, что произошло чуть позже, фактически явилось парадоксальным «исполнением воли» одного из основателей Коминтерна Л.Троцкого, который в 1933 г., будучи уже в эмиграции, настаивал на «сращивании» экономики СССР с мировым капиталистическим хозяйством, что в те годы было яростно отвергнуто Сталиным.

Однако, несмотря на то, что перестройка привела к кардинальному изменению всего общества, государства и целей их существования, до сих пор нет точно установленных исторических фактов произошедшего. Многие по-прежнему остаются сокрытым тайной. Тем не менее, некоторые эпизоды, проливающие свет на происшедшее, раскрываются в литературе. «Одна из *версий*, – пишет М.Прохоров, – может быть выстроенной с учетом воспоминаний о них “застрельщиков” перестройки типа А.Н.Яковлева. В от-

личие от целей перестройки, “официально” заявленных в 1985 г. М.С.Горбачевым (*сохранение* основ социалистического строя и государства и их *совершенствование*), Яковлев, один из ближайших сподвижников генсека ЦК КПСС, “отвечавший за идеологию”, указывает, что он *изначально* ориентировался совсем на другие конечные цели. Для их реализации он предложил “метод” *доведения до абсурда* теории и практики, выстроенной на марксистской основе, ибо, как он пишет, “любое деяние, доведенное до абсурда, неизменно становится фарсом”, то есть переходом мышления и действия в свою противоположность, их *симулированием*»⁹.

Суть конспиративного плана Яковлева выражена в ряде основополагающих тезисов в его вступительной статье к книге французских авторов «Черная книга коммунизма», переведенной на русский язык. «Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: а) авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем в случае успеха Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и “нравственным социализмом” – по революционерам вообще... с четким подтекстом: преступник не только Сталин, но и сама система преступна. б) Новый политический курс означал исторический поворот от *революции к эволюции*, то есть переход к социал-реформизму... На официальном партийном уровне в начале перестройки это упорно отрицалось, в том числе, и мною (иначе и быть не могло), но в жизни восторжествовала именно политика реформизма. в) Могу с гордостью сказать, что хитроумная, но весьма простая тактика... сработала...»¹⁰.

Таким образом, истинные цели, содержание и методы преобразования государственно-политического устройства страны в годы перестройки были определены до ее начала – они были тайными, закрытыми для общества и целиком укладывались в логику конспиративного действия. Поэтому говорить о том, что «перестройка не удалась», лишено смысла. Как отмечает А.Дугин, «стратегия творцов современной политической стратегии России была понятна и проста: разрушаем социализм и имитируем буржуазную демократию Запада, капитализм, рынок, гражданское общество... Однако на практике, как стало всем понятно, реформы свелись к переделу собственности, мошеннической приватизации и захвату власти прозападными циничными олигархическими кла-

нами, установившими под либеральными лозунгами политико-экономическую, информационную и идеологическую диктатуру “новых господ”, “новых русских”»¹¹.

Подобная конспиративная деятельность в России протекает в русле и в соответствии с целями мировой конспиративной политики. Не замечать теневую, конспиративную сторону современной политики не могут и известные российские политические деятели. Так, председатель Совета Федерации Федерального собрания РФ С.М.Миронов в одном из своих интервью отмечал, что крупные философы, мировые политики, политологи иногда полумечками, а иногда практически прямым текстом говорят о том, что земные ресурсы подходят к концу. <...> Недаром так многочисленны конспирологические теории о том, что где-то в закрытых лабораториях золотого миллиарда готовятся средства для истребления человечества, биологические, климатические, химические, этнографические и другие виды оружия, способные уничтожить или резко сократить население азиатского и африканского континентов¹². Поэтому игнорирование конспирологического подхода в анализе современной международной политики и мирового кризиса может нанести большой ущерб российскому государству. Как за внешним рисунком событий просматривается целенаправленная тайная воля, видно на примере списания «реформаторами» долгов развивающихся стран Советскому Союзу в размере 60 млрд долл. При этом не было предпринято усилий по списанию или реструктуризации долга СССР перед развитыми странами, входящими в Парижский клуб. В результате из кредитора Россия в одночасье превратилась в крупнейшего должника. Подобные примеры слишком многочисленны, чтобы их перечислять.

Полезность таких конспиративных операций для Запада в отношении России огромна, поскольку позволяет тормозить ее экономическое развитие. Эффективно организованные механизмы внешнего воздействия на политические группы российской элиты со стороны части транснационального капитала порождают то, что узкоэгоистические транснациональные интересы повсеместно замещают национальные. В связи с этим чрезвычайно актуальными становятся вопросы: кто стоит во главе процесса, какие цели преследует данная группа (группы), что следует ожидать в ближайшей (среднесрочной, долгосрочной)

перспективе и какие ответные шаги необходимо предпринять, например, политическому руководству России, если оно ставит задачу эффективного противодействия внешним и внутренним конспиративным планам.

2. Деяния Петра I в свете конспирологии

Незаметные для неконспиролога моменты вмешательства анонимных, тайных сил в историю, культуру, сознание народа в отдаленном от нас времени вырастают, в конечном счете, до угрозы существования государству. Тайное есть просто еще не увиденное, временной же масштаб дает возможность увидеть и раскрыть его содержание. И это увиденное становится более ясным и понятным, когда оно сопоставляется с аналогичным явлением, но в другом временном периоде, а особенно в наше время.

Эпоха Петра I, по признанию известного британского ученого, философа, публициста и политолога А.Тойнби, была кульминацией начавшегося с XIII в. и продолжающегося по сей день в разных формах – военных и мирных – наступления Европы на Россию. Именно тогда были заложены основы и определены главные очертания конспиративной социально-политической модели, которая воспроизводилась в тех или иных вариациях в последующей истории. Эта эпоха, более чем какая-либо иная, требует вопрошающего, проблематизирующего мышления. Такое мышление уже на уровне атомарных фактов, в отношении которых не может быть никаких разногласий, дает картину, не соответствующую восторженно-мифическому восприятию преобразований «великого» Петра и сложившимся о нем легендам.

Однако оценки деятельности Петра на всем протяжении истории вплоть до сегодняшнего дня прямо противоположные, что обусловлено актуальной для каждого исторического периода политической ситуацией. Суть разногласий – в неоднозначном отношении к разным сторонам дихотомии «издержки – выгоды» реформ Петра, которая накладывается на последующие политические стратегии в истории России. Подтекст этих разногласий хорошо выразил С.Кургинян в телевизионной передаче «Суд времени»: «Самое страшное, когда издержки есть и нарастают, а великих дея-

ний нет»¹³. То есть дискуссия о Петре – не самоцель, а лишь повод осмыслить современную политическую ситуацию. В данной работе не ставится задача дать исчерпывающую оценку преобразовательной деятельности Петра. Речь идет о том, чтобы сосредоточиться на «издержках», но понимаемых не только как результат неизбежных во время радикальных преобразований ошибок, просчетов, непредвиденных обстоятельств и т. д. В рамках избранного конспирологического подхода принципиально важно обратить внимание на деятельность конспиративных сил, значительно усугубляющих такие «издержки». Именно этот момент и акцентируется в данной работе.

Но как бы то ни было, бесспорно одно: в результате деяний Петра политическое разъединение русского образованного слоя и народа стало трагической катастрофой российской истории. Нация прекратила самоидентифицироваться как единомышленное сообщество, как психологическое и политическое единство. Как могла произойти такая метаморфоза нации и как она могла продержаться до наших дней? Это вопрос, которым в нашей стране предпочитают не задаваться. Конспирологический же подход, изменяя угол зрения, позволяет переводить скрытое в явное, открывать в прошлом смыслы и алгоритмы, не ведомые самим участникам и свидетелям тех исторических событий.

Характер и основные черты производимых революционных преобразований Петра самым непосредственным образом связаны с его *личностью*, особенностями воспитания и жизни. И здесь необходимо отметить главную черту, присущую его ближайшему окружению и воспитателям – презрение к традициям родной страны. Это было свойственно женатому на англичанке и имевшему друзей в Немецкой слободе Артамону Матвееву – воспитателю матери Петра. Глубокое пристрастие к иностранщине внушил Петру авантюрист шотландец Менезиус, сменивший недалекого Н.Зотова в качестве его воспитателя. Факты свидетельствуют, что первоначальной общественной школой Петра стала Немецкая слобода – Кокуй с его разноплеменными отбросами Европы, где вокруг юного царя увивались всякие сомнительные личности – поставщики удовольствий. По воспоминаниям сподвижника и свояка Петра I князя Б.И.Куракина, в Кокуе было «дебашество, пьянство так велико, что невозможно описать»¹⁴. Кто позволил пятнадцати-

летнему Петру посещать кабаки и публичные дома Кокуя – до сих пор остается исторической тайной. Но несложно догадаться, какие цели при этом преследовались.

Огромное влияние на формирование личности царя оказали лютеране, составлявшие большинство населения Немецкой слободы, в которой Петр провел значительную часть своих юношеских лет. Среди них особо стоит отметить ненавидевших Россию Франца Лефорта и Патрика Гордона, влияние которых было столь велико, что юный царь попал в настоящую духовную кабалу к ним. Они стали для Петра непререкаемыми авторитетами и сделали все, чтобы внушить презрение и ненависть не только к национальной религии, историческим традициям, но и ненависть к самому русскому народу, в чем достигли больших успехов. Идею первой заграничной поездки Петру внушил Лефорт, он же разработал маршрут и круг его общения во время этой поездки. Закономерным итогом данного, соответствующе организованного вояжа Петра в чужие края, стало окончательно сформировавшееся *отрицательное отношение Петра к православной религии, русской культуре и русскому народу*.

В такой обстановке зародился и вырос «Сумасброднейший, всешутейший и всепьянейший собор»¹⁵, сыгравший большую роль в судьбе Петра и России и имевший ясное происхождение, связанное с Немецкой слободой. О «соборе» как устроителе «дурацких» праздников, пародировавших церковные ритуалы, написано много, и слишком много историков желали бы представить его как простую скверную шутку. О самом активнейшем участии в нем Петра большинство из нас знает из курса истории как о чем-то вроде безобидного баловства взрослого «гения». На самом деле все было гораздо серьезнее: «Всешутейший собор», который просуществовал не менее тридцати лет, имел весьма сложную организацию и, конечно, был создан не русской головой. Только в настоящее время из архивов извлекаются личная переписка и бумаги – свидетельства этого безобразного и ужасающего действия.

Как отмечают исследователи, требуется приложить много сил к тому, чтобы полностью изучить и понять всю символику «собора». Но вполне очевидно, что действие «собора», уставом которого было предписано «быть пьяным во все дни и не ложиться трезвым спать никогда», а языком общения – воровской жаргон и

русский мат, не относилось к простому пьяному и безобразному угару и не являлось простой свальной оргией. Все действия «собора», носившие кощунственный и глумливый характер, выплескивались на улицы, шокировали и ошеломляли москвичей, но внутренняя его жизнь и истинные цели были тщательно скрыты от посторонних глаз. Петр использовал «Всешутейший собор» не только для утверждения нового взгляда на веселье и развлечения (это было на поверхности), но и для дискредитации традиционных представлений и государственно-политических идей. Этот «собор» во многом определил дальнейший ход русской духовной и общественной истории.

На данном примере отчетливо видно, как явное кодируется скрытыми смыслами, необходимыми для достижения определенного политического результата. И здесь невольно возникают ассоциации с нашим временем: достаточно вспомнить современную духовно-нравственную атмосферу, формируемую электронными и печатными СМИ, которые играют роль современного «всешутейшего собора». «Если посмотреть на контент, излучаемый электронными СМИ, – пишет А.И.Агеев, – то окажется, что 70 процентов – это развлекательная функция, а если посмотреть на структуру ценностей, которыми массированно бомбится аудитория, то окажется, что ценности агрессии, стяжательства, поведенческих отклонений, и т. п. доминируют над ценностями, которые благоприятствуют инновационному прорыву и которые, в конечном счете, сводятся к примату идеалов творчества и солидарности»¹⁶.

Принципиальное направление петровских «реформ» объясняется тем отвращением и ненавистью ко всему русскому, которые были сформированы окружением Петра в юные годы его жизни. Кокуйская слобода не только многое объясняет в психологии Петра, но и дает ответ о дальнейших его путях, которые вели в Европу. Кокуй же был Европой в миниатюре, ее форпостом в «варварской» Москве. История становления личности и формирования политической воли Петра – красноречивое свидетельство и классический образец конспиративного плана. Попытки воздействовать на личность и волю правителя, изолировать его – многократно апробированный в истории конспиративный способ, доказавший свою эффективность¹⁷. И этот способ оказался более чем успешен.

Выделение фактора воли Петра, в которую искусно вплетены воли других (чуждых России) людей, весьма значимо в конспирологическом отношении. Это позволяет рассматривать историю шире, чем просто обычную историю, которая сводится к описанию событий, происходивших только в прошлом.

Какие реформы мог проводить правитель «без правил, одухотворяющих и оправдывающих власть, без элементарных политических понятий и общественных сдержек» (Ключевский)¹⁸ и какие реальные последствия для России они могли иметь, убедительно показал в своей книге «Народная монархия» И. Солоневич, а также ряд других исследователей. Солоневич выступает здесь, по существу, в роли конспиролога, переводя скрытое в явное, открывая за явлением сущность. Представленная им картина резко контрастирует с главным посылом устоявшихся представлений о Петре и его реформах как о великом благе для России, суть которых сводится к следующему. Москва чудовищно отстала от Европы: варварство, грязь, отсталость – это Москва; чистота, гуманность и благоустройство – это Европа. Петр лишь пытался поставить Россию на один уровень с благоустроенной Европой, хотя и жестокими методами.

Однако как отмечал Солоневич, даже самого элементарнейшего знания европейских дел вполне достаточно для того, чтобы сделать следующий вывод: благоустроенной Европы Петр видеть не мог – и по той чрезвычайно простой причине, что такой Европы вообще и в природе не существовало. Какой же на самом деле была европейская обстановка петровских времен? В эпоху Петра Европа вела тридцатилетнюю войну за испанское наследство, которая была прекращена из-за истощения всех участвующих сторон – ибо и Германия и Франция снова стали вымирать от голода. В Германии от военных действий, болезней и голода погибло три четверти населения страны. Вся Европа билась в конвульсиях войн, голода, инквизиции и эпидемий – в том числе и психических: обезумевшие женщины сами являлись на инквизиционные судилища. Что касается московской грязи и европейской чистоты, то факты свидетельствуют об обратном: в Московском государстве были бани и все население – городское и деревенское, мылось в банях, по крайней мере, еженедельно. В Европе же бань не было¹⁹.

Сказка о сусальной Европе и варварской Москве, утверждает Солоневич, есть сознательная ложь. **Бессознательной она не может быть**: факты слишком элементарны, слишком общеизвестны и слишком уж бьют в глаза. Сказка о сусальной Европе и о варварской Москве является исходной точкой, идеологическим опорным пунктом для формирования дальнейшей исторической концепции о «деле Петра». Эта ложь была необходима в качестве фундамента, без которого все дальнейшее строительство превращается в бессмыслицу. Тогда пришлось бы сказать, что из всей просвещенной Европы, Петру стоило взять технику чугунолитейного дела, которую предшественники великого преобразователя импортировали и без него, – может быть, и еще кое-что из технических мелочей²⁰. До Петра (в эпоху Алексея Михайловича) Россия развивалась самостоятельно и брала в Европе только то, что было нужно ей, и только тогда, когда это было необходимо для русского народа. Так что все остальные петровские реформы – дело искусственное, надуманное и ослабляющее Россию. Вся хитрость состояла в том, что если откинуть сусальную Европу, а с нею, следовательно, и благодетельность петровских реформ, тогда рушится весь быт и весь смысл того слоя людей, которые выросли на почве петровской реформы – быт и смысл крепостнического русского дворянства²¹.

Между тем *истинное положение России до Петра представляло более благополучную картину*. Если кратко ее представить, то прежде всего необходимо отметить, что государственное устройство огромного Русского государства было неизмеримо выше государственного устройства Европы эпохи Петра. В отличие от Европы московский царь имел власть над людьми, но не имел власти над традицией, то есть над неписанной конституцией Москвы. Крестьяне обладали реальными экономическими свободами, которые успело закрепить за ним «варварское» московское правительство. На всем протяжении своего исторического развития Русское государство сохраняло самоуправление крестьян и последовательно вводило сословное и сословное (земское и городское) самоуправление. Русская государственность никогда не знала неподвижной и косной замкнутости сословий. Служилое сословие пополнялось из самых разнообразных общественных слоев. Алексей Михайлович закрепил крестьянское самоуправление,

над которым столько поработал еще и Грозный, создал почти постоянную работу Земских Соборов – изумительную по своей гармоничности и работоспособности русскую «конституцию». При Алексее Михайловиче были построены первые русские корабли и заведены первые русские театры, рукописные газеты и прочее.

Что касается военных подвигов, то в эпоху Смутного времени – безо всякого правительства вообще – Россия справилась с поляками, шведами и с собственными ворами в среднем за 6 лет. Петру же для войны (начатой им в 18-летнем возрасте), в которой Россия превосходила Швецию военным потенциалом приблизительно в десять раз – понадобился 21 год.

Каков был нравственно-психологический облик сподвижников Петра? Окружение Петра (ближайшие сотрудники, соратники, собутыльники) Петра крали в невиданных прежде размерах и масштабах. Преобразованный правительственный аппарат разворовывал около двух третей поступавших средств. Но самое главное в том – и здесь просматриваются прямые аналогии с современностью, – что, воруя, «птенцы, товарищи и сыны» прятали ворованное в безопасное место – в *заграничные банки* (!). А.Меньшиков перевел в английские банки около пяти миллионов рублей, хотя весь государственный бюджет России в начале царствования Петра равнялся полутора миллионам. В середине – несколько больше, чем трем миллионам. Примеру Меньшикова следовали и другие. Если только один Меньшиков украл сумму, равную государственному бюджету, то, как полагает, Солоневич, остальные вольные и невольные воры и укрыватели только в меньшиковское время перевели за границу сумму, равную, по меньшей мере, еще двум государственным бюджетам. А это по довоенным – до 1914 г. – масштабам должно было равняться миллиардам десяти довоенных золотых рублей²².

В этой связи Солоневич ссылается на М.Алданова, который в своих романах «Заговор» и «Чортов мост» рисует, «как нечто само собой разумеющееся, переправу чиновных капиталов в амстердамские банки. <...> Сколько капиталов было использовано иностранцами для обогащения всяких голландских, английских и прочих кампаний? Историки этим не поинтересовались»²³. Таким образом, заграничные банки за счет эксплуатации русского крестьянина строили мировой капитализм. И русский народ был, по существу, ограблен во имя европейских капиталистов.

После смерти Петра его «птенцы», как отмечал Ключевский, «начали дурачиться над Россией... возненавидели друг друга и принялись торговать Россией, как своей добычей»²⁴.

Что касается самих реформ, то Петр отнюдь не «начал реформу» и не «следовал указаниям своих предшественников» – он застал реформу уже на ходу, почти на полном ходу. К тому времени, когда Петр пришел к власти, Россия уже имела культуру реформ и нововведений. Технику же и все прочее привозили и без него. Но Петр не только изменил направление реформ – он превратил реформу в революцию, а преобразование в ломку. План преобразования, если вообще можно говорить о плане, был целиком взят с Запада и так, как если бы до Петра в России не существовало вообще никакого общественного порядка, административного устройства и управительного аппарата»²⁵.

Административная система была вся списана со Швеции, откуда за большие деньги приглашались инструктора, ни слова не говорившие по-русски и о русских отношениях не имевшие абсолютно никакого представления. Л.Тихомиров отмечал: «Петр стремился организовать самоуправление на шведский лад и с полнейшим презрением к своему родному не воспользовался общинным бытом, представлявшим все данные к самоуправлению.... Исключительный бюрократизм разных видов и полное отстранение нации от всякого присутствия в государственных делах делают из якобы “совершенных” петровских учреждений нечто в высшей степени регрессивное, стоящее по идее и вредным последствиям бесконечно ниже московских управительных учреждений»²⁶.

Финансовая реформа Петра разорила страну. Иностранное заимствование, ранее нечто неслыханное, превратилось в официальную политику. Монархия в России фактически перестала существовать. То, что утвердилось в послепетровскую эпоху, не было монархией. Центр власти был недосыгаем и недостижим, но нити управления у этого центра остались. В его руках находился аппарат, в который были насильственно внедрены обязательные иностранцы. Земский собор был окончательно разрушен.

По допетровскому законодательству поместье было владением государственным, и дворянство владело поместьями постольку, поскольку оно за счет поместных доходов несло определенную государственную службу. Это была не собственность,

а заработная плата. Петровский указ о единонаследии (1714 г.) превратил государственные имения в частные и государственно-обязанных крестьян – в частную собственность. Огромный фонд поместных земель окончательно сделался собственностью дворянства. В отличие от этого в допетровское время крестьянин в интересах борьбы за национальную независимость был прикреплен только к земле, он не был **ничьей личной собственностью**. Это был порядок военно-государственной субординации, а не порядок **рабства**. Петр прикрепил крестьян к помещикам, то есть создал крепостное право и фактически положил начало рабству русского крестьянина на европейский манер. Он собственноручно участвовал в стрелецких казнях. Ввел палочную дисциплину в армии по примеру фридриховской, которую ликвидировал только Потемкин, Румянцев и Суворов (позже она была восстановлена поклонником Фридриха – Павлом I).

Русский народный стиль архитектуры был уничтожен. Русская живопись застыла на два столетия, чтобы позднее снова возникнуть в полотнах и фресках Васнецова, Нестерова и Врубеля. Русские портные ссылались на каторгу за шитье русского платья. Русская национальная культура была отброшена на века назад, ее потери были чудовищны. В становлении национальной культуры наступил долгий застой как следствие борьбы против всех внутренних и внешних национальных особенностей России. Россия была объявлена «вторым сортом», а русское национальное сознание принижено. Все это оставило глубокий след в истории России, протянувшийся до наших дней и еще более углубившийся в результате современных «реформ».

Петровская страсть к иностранщине нашла свое выражение, в частности, в плане строительства Петербурга, согласно которому Петербург должен походить на Амстердам. Улицы следовало заменить каналами, а для этого было необходимо перенести город на самое низкое место – на Васильевский остров. Московские «торговые дома», органически выросшие из всего прошлого России, из ее крепкой семейной традиции были разгромлены во имя «кумпанств». Из «кумпанств» не вышло ничего. Как подсчитал историк и политический деятель П.Н.Милюков, из сотни петровских фабрик до Екатерины дожило только два десятка. М.Н.Покровский приводит еще более мрачный подсчет: не более десяти процентов. После

этого русский торговый капитал почти на целое столетие исчезает с поверхности русской экономической жизни. Купечество, духовенство, крестьянство и посад были, подавлены и разгромлены.

Население России в эпоху Петра значительно уменьшилось: по данным М.Клочкова, приведенным в его книге «Население Руси при Петре Великом», убыль населения к 1715–1716 гг. приближалась к одной трети²⁷, по другим данным – составляла половину. В результате петровских «преобразований» подавляющее большинство населения страны было лишено всяких человеческих прав.

Краткий обзор петровских «реформ» позволяет, во-первых, утверждать, что, то принципиально новое, что привнес с собою Петр, сводилось к попытке подчинения всего русского иностранному, во-вторых, отчетливо высветил те алгоритмы истории, которые обрели свою новую плоть и новую жизнь в современной России. Но было бы, конечно, преувеличением взваливать всю вину исключительно на Петра. Большую роль сыграло дворянство, которое с воодушевлением восприняло не только новые социальные отношения, но и тот духовный перелом, который очень ярко характеризует петровскую эпоху.

Историки и исторические романисты описывают «вихрь наслаждений» – пиров, балов, зрелищ и пьянства, в который бросилось освобожденное от чувства долга и от необходимости работать дворянство. Оно тратило огромные деньги на роскошь и престижные проекты, в то время как масса населения страдала от бедности и угнетения. Петр, отмечает Солоневич, не только «прорубил окно в Европу», он также продырявил дыру в русском общенациональном сознании. Дворянство устремилось в эту дыру, захватив власть над страной, и, конечно, для него было важно отделить себя от страны не только политическими и экономическими привилегиями, но и всем культурным обликом. Насаждение иностранной культуры было необходимо не для того, чтобы поднять или спасти Россию – она в этом не нуждалась, – а для того, чтобы дворянство могло отгородиться от всех носителей русской культуры: от купечества, духовенства и крестьянства. Созданное им шляхетство разучилось даже говорить по-русски и говорило на каком-то странном жаргоне. Русский язык был весь переломан, исковеркан и наспигован иностранными выражениями (И.С.Аксаков).

Дворянство явилось тем слоем, который, во-первых, прятался за тенью Петра и который, во-вторых, ставил этой тени литературные и другие памятники в разных городах России и в Европе. Солоневич описывает примечательный памятник в Европе: «На гигантской скале, возвышающейся над немецким курортом, воздвигнут огромный бюст Петра и на этом бюсте – стихи в русском оригинале и в немецком переводе <...>. Именно по священным следам Петра потекли русские денежки во всякие Карлсбады и Мариенбады, построенные в основном за наш счет. И – еще за счет наших собственных курортов. Немцы смотрят и искренне умиляются: вот это был клиент! Вот он-то “прорубил окно в Европу”. И в это окно русское барство понесло русские рубли, выколоченные из русского мужика. Экономическая база исторической оценки построена прочно»²⁸. Как тут не вспомнить знаменитый Куршавель!

В результате петровской революции высшие европеизированные круги русского общества стали каким-то особым наростом внутри русского общества. Петр во многом лишил Россию основ самобытной культуры, превратил ее высшие слои в вечных подражателей европейской культуры. Политические деятели Запада, поддерживая намерения Петра насаждать европейские порядки, прекрасно понимали, что его попытки насильственно превратить Россию в Европу обречены заранее на неудачу, и что кроме ослабления России они ничего не дадут. Поэтому и старались утвердить Петра в намерении проводить реформы как можно быстрее и самым решительным образом.

Реформы Петра стали отправной точкой многих пагубных процессов, завершившихся двумя столетиями позже крахом тысячелетнего государства. Они были осуществлены и задуманы как сознательный разрыв многовекового исторического преемства духовных основ русской жизни и ключевых архетипов русского национального сознания. В этом состоит одна из существенных причин происходящих неурядиц в российском государстве на всем протяжении истории вплоть до сегодняшнего дня.

Многие исследователи дали объективные и справедливые оценки деятельности Петра. В.О.Ключевский писал: «Преобразовательные неудачи станут после Петра хроническим недугом нашей жизни. Правительственные ошибки, повторяясь,

превратятся в технические навыки, дурные привычки последующих правителей, – те и другие будут потом призваны священными заветами преобразователя»²⁹.

А.Ланшиков отмечал такую черту преобразований Петра, которого он называл императором-большевиком, как небывалое до него навязывание тяжелого бремени налогов, регуляций и ограничений. Этим Петр не ускорял, но скорее тормозил развитие страны, усиливая черты, отделявшие ее от Европы³⁰.

В постсоветское время Я.Володарский подчеркивал, что действия Петра затормозили прогресс России на полтора столетия. Таким образом, с конца XVII столетия в России складывается парадоксальная ситуация: модернизация усиливала архаичность³¹.

В заключение можно отметить, что конспирологический подход к эпохе Петра привносит недостающую полноту понимания того, что составляет глубочайшую внутреннюю ось нашей истории. В таком контексте история не есть нечто принципиально отличное по отношению к современности, несовместимая с ней временная стихия. Можно сказать, что конспирологический подход дает знание о прошлом как знание о будущем, ибо он выделяет невидимые, но значимые детерминанты истории, которые благодаря своей невидимости, скрытости приобретают качество «железной» необходимости и неизбежности, вновь и вновь реализуемой в каждый последующий момент истории. Поэтому как некое откровение звучат слова известного английского историка Л.Хьюз: «Тот день, когда Петр Великий и его реформы перестанут довлеть над Россией, станет днем, когда страна окончательно решит “проклятый вопрос” своей подлинной идентичности и своих отношений с миром»³².

3. Россия и неразгаданная тайна времени

Если в «реформах» Петра еще можно увидеть скрытую логику конспиративного плана, то в манипуляциях со временем это почти невозможно, так как время – явление, относительно которого нет однозначного мнения. Если начать размышлять о времени, то окажется, что нет ничего более загадочного, сокровенного и удивительного, чем время. Оно занимает особое место в модели

мира, которая характеризует ту или иную культуру, цивилизацию наряду с такими компонентами как пространство, причина, изменение и т. д. Поэтому было бы некорректным одностороннее обособление времени, рассмотрение его в качестве исходной категории в познании всех вещей. Только в совокупности эти категории представляют «сетку координат», посредством которой люди воспринимают и осознают мир и строят его образ. Однако время обладает особым статусом в жизни человека: от ответа на вопрос «что такое время?», зависит понимание человека, народа, будущего страны. Поэтому восприятие времени, его образ составляют важную мировоззренческую характеристику всякого человека и любого общества. Осмысление времени означает не только осмысление бытия как такового, но и бытия всего общества и государства. Именно здесь открывается поле деятельности для конспирологии, чем и объясняется особое внимание к феномену времени в данном контексте.

Идея времени складывалась постепенно, медленно. Над вопросом «что есть время?» размышляли на протяжении веков, пытались понять его, выделить и осмыслить свойства. Понятие времени обсуждалось необозримым числом авторов³³, охватить всю литературу, посвященную этой проблеме, не представляется возможным, да и не требуется в данной работе. В философском, преимущественно в умозрительном аспекте существует множество представлений о сущности времени в зависимости от исходных постулатов, опорных фактов, а также особенностей конкретной личности и социума. Так, Б.Паскаль утверждал, что время нельзя определить и бессмысленно этим заниматься. По мнению И.Канта, время не есть что-то объективное и реальное. У Гуссерля «внутреннее время» представляется не как психологически переживаемое, а как необходимая структура субъекта. По Хайдеггеру, время – особое понятие, связанное с основным вопросом философии, это «вопрос о бытии сущего». Хайдеггер говорит не о трех временах, а о «тройственном единстве времени». Для Э.Дюркгейма все представления о времени определены формами социальной жизни: идея циклического времени соответствует традиционному обществу, а линейное время – современному. Фундаментальный анализ феномена времени дал русский мыслитель В.Н.Муравьев (1885–1932). Время в понимании

Муравьева – это единый закон и логика бытия универсума. В его работах имеются принципиальные предвосхищения, созвучные более поздним научным представлениям.

Одним словом, время очень емкое и нередуцируемое понятие. Оно допускает множество разных толкований в зависимости от индивидуального и профессионального опыта людей, элементов вненаучных, часто подсознательных представлений о мире. Время подвержено периодическим пересмотрам; затрагивает область разных наук, пронизывает всю историю знаний, захватывая религию, искусство, обыденные представления. Не только разные философы, но и ученые разных специальностей представляют его по-разному. Для геолога время – не то, что для психолога, для биолога – не то, что для историка или физика. Наиболее четко и однозначно оно выражается в естествознании, технике, механике, где выполняет сугубо инструментальную функцию.

Сегодня в обыденном сознании господствует техногенное линейное время, единое для всей планеты, которое не согласуется с астрономическими событиями, биологическими, геологическими или социальными явлениями. Однако, несмотря на это, время воспринимается как вектор, направление и считается мерным и необратимым. Впервые время окончательно «вытянулось» в прямую линию, идущую из прошлого в будущее через точку, называемую настоящим, когда механические часы, установленные на башнях соборов, прекратили церковную «монополию» на время, отмерявшую его звоном колоколов. Если ранее различие между прошлым, настоящим и будущим было относительным, а разделявшая их грань подвижной (в религиозном ритуале, например), то торжество линейного времени сделало такое различие совершенно четкими.

Согласно линейной концепции времени, человечество направляется из абсолютного начала в абсолютный конец. Всем народам по этой логике суждено пройти одну и ту же дорогу и преодолеть одни и те же этапы. В такой оптике прошлое непременно утрачивает ценность: архаика больше не подразумевает смысла архэ (начало, первооснова – древнегреч.) Каждое последующее мгновение представляет собой прогресс по отношению к предыдущему, а новое ценится больше лишь потому, что оно новее.

Утверждению линейного, техногенного времени способствовало развитие динамичной и агрессивной системы капиталистических отношений, стремительный научно-технический прогресс и обновление быта. Они укоренили в сознании людей образ текущего изменчивого потока бытия. Одним из материальных воплощений времени стали даже считать скорость оборота капитала в накоплении прибыли. Наиболее ярко отношение ко времени как к исключительной ценности и особо значимому ресурсу проявляется в американской культуре. Достаточно вспомнить крылатую фразу известного политика США Б. Франклина: «Время – деньги». Иллюзия материализации времени стала знаменем XX в. с его мощными машинами, техногенной средой обитания. Поскольку техника действует в строго заданном режиме, для нее целесообразна предельная синхронность ритма, в соответствии с которой по мере возможности осуществляется и искусственная синхронизация жизнедеятельности растений, животных, людей.

Идея равномерного времени появилась сначала как гипотеза, а затем, принимаемая на веру, превратилась в догму, аксиому. Для европейца время практически тождественно научному инструментальному понятию. Соответствующим образом развивается научное и обыденное мировоззрение. В результате в современности восторжествовал образ времени-потока, времени-расписания, учитывающего скорость движения (которое можно убыстрить по своей воле) и прибытие в конечный пункт. Образ получается законченный, динамичный, приведенный к простым зримым аналогиям. Экономические графики лишь усиливают иллюзию непрерывного движения. В философском плане к тому же результату приводят вульгарные представления о пути к счастливому будущему в царство разума и прогресса, словно общество движется по железной или шоссейной дороге.

Отвлечься от общепринятого образа времени чрезвычайно трудно. Средства массовой рекламы, агитации, пропаганды укореняют и популяризируют современные осредненные представления о времени. Это затрудняет вызревание новых идей, выработку новых понятий, преодоление научных и философских догм. Но, как отмечает Р.Баландин, «здоровый смысл подсказывает одну простую и убедительную аналогию. Вспомним о микрокосме-хронометре. Представьте самого себя: куда вы, живя, двигаетесь? Как перехо-

дите в новое состояние? Все изменения, перестройки – изнутри, а не по велениям извне. Да и сам прогресс относителен, а ближе к смерти – кое в чем и сомнителен»³⁴.

Более углубленные исследования феномена времени показали, что во времени существуют и его законам подчиняются все без исключения живые системы и материальные тела. Кроме того, на нашу внутреннюю ритмику, на внутренний темпоральный фон накладывается ритмика внешняя; в нас живут процессы окружающей нас природы и пространства – разнообразные электромагнитные, тепловые, сезонные и иные факторы – раздражители. Чувство времени свойственно любому живому существу, но осознание времени – только человеку. Формирование у народов своего представления о времени обеспечивает им максимальную жизнеспособность и, как следствие, способность к развитию. Современная биология прямо ставит вопрос о локализации механизма биологических часов в той или иной структуре клетки. Времяобразующая деятельность отдельных клеток в соответствии с заложенной генетической программой слагается в синхронизированное время отдельных человеческих органов, а те в свою очередь уже объединяются на уровне биоритмов организма в целом. В связи с этим биологическое время имеет многоуровневую основу и иерархичность³⁵.

Временная организация любого биологического вида сводится к генетической программе на максимальное увеличение его биомассы. Поэтому любой сбой «биологических часов» неизбежно влечет за собой сокращение жизнеспособности вида. Именно это простое правило и положено в основу всех оккультных войн, которые человечество ведет на протяжении мировой истории. Навязать противнику свою систему летоисчисления, свою архетипическую символику, свой метод овладения социальным временем – все это ведет к сбою биологических часов конкурента, ибо время как живая категория тесно связана с человеком и социумом. Отсюда следует, что нельзя жить по чужому времени, – именно это ключевое правило знают идеологи всех мировых религий, оккультисты и расовые лидеры³⁶.

Известный американский ученый Джереми Рифкин дал своей книге примечательное название: «Войны времени. Главный конфликт истории человечества» (N.Y., 1986). В ней автор совершенно

ясно утверждает, что нет двух культур, мыслящих одинаково, потому что нет двух одинаковых концепций времени. Всякая культура в плане организации времени уникальна. Как отмечает Рифкин, «каждая мысль, событие, эпоха в самостоятельной культуре определяются в терминах оригинальной дефиниции, последовательности, структуры, плана, продолжительности, своей нормы синхронизации, обращения, временной перспективы. Каждая культура обладает своим стандартом оценки явлений, всюду время обладает разной ценностью»³⁷.

Время может быть многообразным и многослойным. Один слой – *внутренний*, вплетенный в культуру и повседневную жизнь людей и социума. Он ярко описан в романе И.Шмелева «Лето Господне». Жизнь здесь сведена к ритмичному и цикличному повторению все тех же изначальных архетипических действий, все тех же изначальных мифов, выраженных в череде сменяющих друг друга религиозных праздников и ритуалов, предписывающих человеку определенный круг действий. Именно они приобретают особую значимость в жизни человека, а события индивидуальной жизни – вроде женитьбы или даже смерти – всего лишь фон, на котором разворачиваются эти значимые действия. Такая жизнь, дающая ощущение постоянно длящегося настоящего, хотя и длится во времени, но не несет на себе его груза, не замечает его необратимости. Отсюда и отсутствие в русской культуре экзистенциального страха перед смертью в отличие от привычного «западного» страха смерти, выраженного в формуле: *memento mori*.

Внешний же слой времени – прошлое, настоящее, будущее – осознавался, но не имел определяющего значения для жизни человека и социума. Прошлое, настоящее и будущее являлись измерениями вечного настоящего и рассматривались как чередующиеся времена только в рамках мгновения. Они не были радикально отличными друг от друга моментами одного и того же континуума. В результате возникал феномен одновременности, когда динамика структурных уровней социальной системы совпадали с динамикой и принципами функционирования системы в целом.

Идея времени, органически сформировавшаяся у того или иного народа, гармонизирует жизнь человека и социума, воплощаясь во всех аспектах его деятельности. Как отмечают исследователи, «символика, архитектура, религия, убранство жилища, музыкаль-

ная стилистика, национальный костюм и танцы – словом, все, чем так умиляются культурологи, не более чем внешняя упаковка идеи времени данной расы, субъективно ею переживаемой. Сила, длительность и интенсивность тех или иных психических переживаний, общих для всей расы, кодируется во всех ее культурных проявлениях в виде стиля и служит защитной оболочкой от чуждых инорасовых влияний»³⁸. Поскольку культура – это производное идеи времени, то, навязывая вместе со своими символами и свое время, каждая культура совершает и биологическую экспансию в отношении конкурентов.

В этом смысле большой конспирологический интерес представляет следующий факт. В 1966 г. США по инициативе известного ученого, ведущего специалиста в области междисциплинарного изучения времени Джулиуса Томаса Фрейзера была проведена международная конференция «Междисциплинарные перспективы времени». Затем на ее основе возникло «Международное общество по изучению времени». Указанная официальная инициатива по междисциплинарному изучению проблемы времени представляет собой лишь видимую часть айсберга, где невидимая и большая часть – это исследования в интересах военных и политических ведомств.

Совсем неслучайно, что время у каждого народа свое. И многие народы, особенно в Юго-Восточной Азии, дорожат своим образом времени, хотя и используют для внешнего употребления общепринятое европейское время. Возможно, их экономические успехи объясняются и этой причиной, ибо, сохраняя свое понимание времени, они сохраняют свои ментальные структуры, а значит, основы своей нормальной, здоровой жизнедеятельности.

В Японии, например, несмотря на введение после Второй мировой войны общепринятого времени, по-прежнему на финансовых банковских документах и официальных бумагах требуется указание дат по японскому летоисчислению. В Китае³⁹ после падения монархии в 1911 г. было введено европейское летоисчисление, однако вплоть до сегодняшнего дня лунный календарь продолжает играть важную роль в жизни китайцев.

В России ситуация со временем совершенно иная. На момент введения Петром I нового летоисчисления с точкой отсчета от Р.Х. на Руси велось летоисчисление от сотворения мира, по ко-

тому шел 7208 г. Петр решил сравнить российское летоисчисление с европейским. Его Указом от 19 декабря старое летоисчисление упразднилось и предписывалось вместо 1 января 7208 г. считать 1 января 1700 г. Начало года переносилось с 1 сентября на 1 января. В 1699 г. новый год на Руси встречался дважды – 31 августа и 31 декабря. Этот год оказался самым коротким и длился всего четыре месяца. В 1702 г. в Амстердаме был напечатан первый русский печатный календарь с началом года с 1 января и счетом лет от «Рождества Христова». Своим указом Петр не просто поменял один календарь на другой, он зачеркнул 5,5 тыс. лет древней истории⁴⁰.

Ситуация со временем полностью укладывается в конспиративную историю деяний Петра, рассмотренную выше, и продолжилась в истории России вплоть до наших дней. Всякий раз для изменения календаря как образа времени требовалась либо революция, либо серьезные сдвиги в сознании людей, происходившие под влиянием политики. Очередным значимым этапом такого рода был переход на григорианский календарь⁴¹ после Октябрьской революции. Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 26 января 1918 г. был введен новый стиль⁴². 8 февраля 1918 г. установлено *поясное* время (как отмечалось, в целях соответствия цивилизованному миру)⁴³; 16 июня 1930 г. введено *декретное* время – стрелки всех часов на территории СССР были переведены на час вперед. Кстати, бывшие советские республики отменили его, как только вышли из состава Союза, все до единой, кроме России. 1 апреля 1981 г. стрелки часов перевели еще на час вперед, а летнее время оказалось уже на два часа впереди поясного. 1991 г. ознаменовался новыми, явными манипуляциями со временем. Осенью 1991 г., на волне отрицания всего советского, систему перевода на летнее время отменили, но уже через год 19 января 1992 г. к ней вернулись снова.

Все манипуляции со временем проводились под предлогом экономии электроэнергии. Но, как впоследствии выяснилось, это оказалось бесполезным экономически и весьма неприятным с физиологической точки зрения. В целом, по признанию специалистов, перевод стрелок приводит не только к вредным для здоровья последствиям и сокращению продолжительности жизни людей. Ущерб терпит экономика. Петербургские ученые подсчитали, что

за семь месяцев, пока в стране действует декретно-летнее время, потери работоспособности населения составляют 10 %. Как можно видеть, изменение времени, которое для обыденного сознания является как будто нейтральным, всегда связано с крупными политическими событиями, имеющими переломный характер в жизни государства и общества. Все это не может не наводить на размышления конспирологического плана.

Следует обратить внимание еще на один аспект самого существования времени. В контексте обыденной жизни время воспринимается обычно как объективное, абсолютное и универсальное бытие. В идеологическом (шире – метафизическом) плане феномен времени возникает в результате взаимозависимости внутренних свойств вещей и явлений, и поэтому оно не наличествует само по себе. В соответствии же с представлениями нового либерализма не существует ни прошлого, ни истории, ни будущего. Это вытекает из его концепции индивидуума как некой нулевой величины, лишенной какой-либо метафизической и исторической окраски. Индивидуум рассматривается как нечто совершенно самостоятельное, первичное, основополагающее, не связанное ни с историческими, ни с социальными характеристиками. «Человек» в таком понимании есть категория сугубо абстрактная, заведомо очищенная от историко-социальных наслоений, которые рассматриваются как нечто второстепенное, и, в конечном счете, излишнее.

Выход человека за пределы истории оборачивается его выпадением из Времени в некую «зону», где привычные представления о прошлом, настоящем и будущем в их социальном измерении в принципе не работают. Это ведет к деградации культуры в широком смысле (все аспекты жизнедеятельности человека), общества и государства. В массе своей современный человек, прошедший через реформы 1990-х, – это деградировавший человек, отключенный от прошлого и не подключенный к будущему. Человек же отличается от животного тем, что он имеет прошлое, память, способность к постижению истории, обязательства и так далее. Это и есть собственно структура человека социального.

Либерализм, как отмечает французский философ Ален де Бенуа, является антропологической системой даже в большей степени, чем социально-экономической, поскольку предлагает опре-

деленное видение человека. Либеральное понимание человека, либеральная концепция человека – это представление человека как несоциального существа⁴⁴. Выдвижение либерализмом на первый план идеи свободы выбора индивида и изменения его жизненных ориентаций приводит к неодновременности в индивидуальном измерении, т. е. когда живущие в современности индивиды либо ментально задерживаются в прежней парадигме, либо наоборот мировоззренчески и практически опережают сегодняшний день. В таком случае люди не могут действовать согласованно, а если этого согласования нет, то нет и единого ощущения социального времени. Это есть ни что иное, как форма культивирования и нормативного оформления *неодновременности* социального бытия индивидов, что оборачивается не только кризисом субъекта, но и кризисом всего социального бытия.

Логическим следствием такого подхода является исчезновение из употребления и понятия «народ». Согласно установившемуся в науке представлению, народ – это и прошлые поколения, и нынешние, и будущие, т. е. сама сущность народа развертывается во времени. Что такое народ, который перестал жить во времени, быть предметом осмысления, внимания со стороны государства и власти, и которые, по существу стали антагонистами? Если мыслить в рамках либеральной доктрины и линейного времени, то никакого народа нет, а есть электорат, население, состоящее из индивидов-атомов. Еще недавно считали, что народ – это высшая ценность, первооснова государственной жизни, что народ с его волей, самосознанием, способностью к историческому творчеству – это субъект истории. Сегодня все иначе: народ не то что «безмолвствует», не то что лишен права голоса – он лишен самой своей субъектности: экономической, политической, даже исторической. «Гайдар, – пишет М. Прохоров, – указывает людей трех категорий: бизнесменов, власть предержащих, ее узурпирующих и “трудящихся”, которые играют роль рабочей силы. Они всего лишь средства – *средства производства*. Никогда они не были и не будут субъектом *истории*»⁴⁵. Другими словами, наш народ перестал быть субъектом истории, единой нацией. Несвязанный общим делом, погруженный в хаотическую индивидуальную *многовременность* и будучи деморализованным ударами судьбы, он может исчезнуть с исторической арены, потерять свою государственность.

Отключенность от временного измерения, его игнорирование не позволяют политикам и некоторым аналитикам понять то общество, в котором мы жили раньше, живем сейчас и – самое главное – будем жить в будущем. Раскол по мировоззренческим линиям социума, существующего в рамках различных общественно-экономических укладов и потому живущего в разном социальном времени, лишает его способности действовать согласованно. В результате временная реальность российского социума приобретает чрезвычайно сложную структуру. Общество, пребывающее в таком состоянии, теряет временную определенность и представляет собой конгломерат исторически и культурно *разновременных* форм бытия. Именно в условиях *неодновременности* возникают разрывы социальных связей между субъектами, когда структурные уровни социальной системы функционируют относительно автономно, не совпадая с динамикой и принципами функционирования системы в целом. Подобное положение дел давало основания Муравьеву говорить о патологической природе неодновременности и определять ее как «негативное время». Явление неодновременности возникает также как следствие некритичного заимствования социальных форм чужой культуры.

А начало этому, как уже отмечалось, положил Петр I. Россия со времен Петра устремилась в погоню за чужим временем со всеми вытекающими отсюда последствиями. Догонять – стало ее роковой судьбой. Путь догоняющего развития вообще ущербен по определению – догоняющая модель обеспечивает вечную невозможность догнать. В самом деле, чем больше Россия стремилась догонять чужое время и связанные с ним чужие достижения, что приносило порой впечатляющий, но временный успех, тем больше подрывала глубинные основы своего бытия. В результате возникала еще большая отсталость, т. е. получался замкнутый круг.

Однако бежать за чужим временем и чужими идеологиями, как сегодня выяснилось, не было никакой необходимости. Об этом прямо говорят современные западные историки⁴⁶, впавшие в эйфорию в связи с распадом Советского Союза и потому более благосклонно оценивающие те или иные периоды в истории России. В частности, ученые высказывают мысль о том, что пора отказаться от широко распространенного представления об «от-

сталости» России в допетровскую эпоху. В гораздо более светлых тонах рассматривается ими и проблема тех преобразований в России в XVI–XVII вв., которые они условно обозначили привычным термином «модернизация», понимая ее лишь просто как ярлык, обозначающий процесс определенного обновления. Влияние «модернизации» на российское общество, по их мнению, было более глубоким, чем считалось ранее. В связи с этим в зарубежной литературе возникла полемика о том, верен ли в принципе прежде не вызывающий сомнения 200-летней давности тезис о расколе России на просвещенную и непросвещенную, отсталую и передовую. В ходе полемики был сделан вывод о необходимости существенной переоценки истории России периода «модернизации» в XVII столетии.

Таким образом, переломный характер эпохи, а наша эпоха, несомненно, является таковой, побуждает к тому, чтобы проблеме времени уделять больше внимания. Это вытекает из необходимости социальной синхронизации, которая ставит вопрос о путях достижения временной упорядоченности и тем самым требует осмысления социальных проблем во временном аспекте, в их отношении к прошлому и будущему. Современные научные достижения в физике позволяют по-новому увидеть глубинные свойства времени. Выяснилось, что время не движется по кругу, как думали в древности, не является оно и однонаправленным. Оказывается, что настоящее и будущее могут замыкаться на прошлом, входить с ним в резонанс, что можно заметить при исследовании исторического времени. Известно, например, что эпоха царя Ивана Грозного созвучна эпохе И. Сталина. Раньше в этом созвучии находили всего лишь простую аналогию, за которой не усматривали непосредственной, когерентной связи двух соответствующих эпох. Проследивая подобные связи, становится понятным, как и почему возможны пророческие предсказания. И не просто предсказания, а основанное на анализе исторической ситуации точное знание времени и сущности предстоящих социальных событий⁴⁷. Иными словами, исторический ход времени не имеет направления: история открыта и, как говорил Ницше, сфера бытия может в любой момент совершить вращение в любом направлении. При таком взгляде прошлое невозможно определить как то, что имело место только один раз в истории (разумеется, в

функциональном смысле), и что все ушедшее в прошлое мертво для настоящего, соответственно будущее – как то, что ожидает нас только один раз.

В этом контексте по-иному выглядит и проблема традиции, о которой пойдет речь ниже.

4. Традиция – исторический ресурс конспирологии

С проблемой времени самым непосредственным образом связана проблема традиции, которая может рассматриваться как воплощение понимания и ощущения времени тем или иным народом под влиянием окружающей среды, особых обстоятельств и формирующихся на их основе темпераментов, склонностей, нравственных и общественных привычек людей. Традиция формируется постепенно, обнаруживая себя лишь через длительные промежутки времени, и проявляется как неписанная конституция, особая разновидность ценностей, добытых и завещанных коллективным опытом людей.

Формированию традиции предшествует образование в сознании человека некой модели мироздания, включающей представление о мире в целом. Установление ценностно – космологических иерархий порядка бытия оказывает в свою очередь влияние на культурное устройство жизни человека, институциональные и поведенческие модели, принятые в данном социуме. Вначале, когда традиция только рождается, люди просто интуитивно нащупывают ее контуры в виде некой неопределенной интенции, почти иррационального стремления или настроения, которое овладевает многими индивидами и кажется им чем-то важным и значительным. Чаще всего традиция формируется людьми внерационально, потому что самоорганизация отдельных волей требует не столько теоретической рефлексии, сколько общего порыва, общего настроения людей, охватывающего собой все аспекты их бытия.

Как целостная система, соединяющая материальный и духовный миры, традиция дает внутреннюю опору человеку, является основой его жизнеспособности. В этом качестве она оказывает благотворное влияние на здоровье и все сферы жизнедеятельности людей. Как считает замдиректора по науке НИИ и Музея

антропологии МГУ В.Бацевич, жить очень долго можно только на родине и соблюдая традиции предков. Иными словами, жизнеспособность человека увеличивается, если он живет в своем времени, в своей культуре и в своей привычной среде, т. е. его образ жизни соответствует его биологическим характеристикам. В противном случае человек стареет быстрее, как это происходит, например, в Израиле, где темп старения израильтян выше, чем у окружающего его арабского населения, несмотря на наличие там одной из самых лучших в мире медицины. Это происходит потому, что Израиль – новая страна, состоящая большей частью из мигрантов, которые родились и выросли в другом времени и в другой окружающей среде. Аналогичным образом очень быстрый темп старения обнаружился у русских из села Ивановка в Азербайджане, которые переселились туда более 200 лет назад и жили вполне зажиточно⁴⁸.

Традиция – одно из наиболее распространенных понятий в общественной науке, хотя точного его определения в литературе до сих пор нет. По мнению некоторых исследователей, «традицию, возможно, удобнее всего было определить как обыденную символизацию моделей социального порядка и совокупность кодов, контуров, которые определяют пределы устройства культурного порядка, принадлежность к нему и его границы, которыми очерчиваются связанные с этим порядком цели и поведенческие модели»⁴⁹. Традицию рассматривают также как основной символический мобилизационный ресурс социальной системы, как определенную социальную программу, как регулятивный институт, как способ легитимности культурного и социального порядка, как совокупность передающихся из поколения в поколение духовно-нравственных образцов, а также институтов и норм. Кроме того, отмечается наличие наглядно-эмоциональных средств ее сопровождения, которые придают традиции большую выразительность, а следовательно, и эффективность ее действия в качестве регулятора, содействующего стабилизации общественных отношений, повышению уровня упорядочения общества.

В любом случае традиция понимается, в сущности, как форма организации огромного числа индивидуальных волей в единый творческий проект, как фактор объединения множества индивидов в сообщество, как условие стабильности общества, сохране-

ния элементов консенсуса. История свидетельствует, что традиция скрепляет людей, сближает их, способствует единству духа, дает силу для преодоления любых невзгод. Традиция позволяет связать в одно целое усилия не только современников, но и людей, принадлежащих к разным поколениям, помочь наладить спонтанное сотрудничество и взаимопонимание людей, которые никогда не встречались и не встретятся друг с другом. Но далеко не всякое объединение волею многих людей заслуживает права называться традицией в подлинном смысле этого слова.

Наиболее прочны традиции, органично сформировавшиеся в недрах общества, т. е. те традиции, которые рождает сама жизнь. Такие традиции близки и понятны каждому, оставаясь частью личного из лучшего опыта всех прежних поколений и ныне живущих людей. Поэтому ни один проект, пусть даже по видимости самый разумный, не может быть лучше того, что сложилось само собою на протяжении столетий. Традиция – зрелый выбор столетий и поколений; это установление, созданное каким-то в тысячу раз лучшим способом, чем изобретение людьми искусственных схем и конструкций. Следует подчеркнуть, что укрепившееся в общественном сознании стереотипное суждение о традиции как сумме старых обрядов и догм, как о чем-то архаичном и отсталом, как о якобы изначально имманентной консервативности традиции, порождено прежде всего политическими и идеологическими мотивами, оно не имеет научно обоснованного оправдания. Традиция – это то, что современно всегда.

Настоящая большая традиция дает место полноценной, духовно свободной человеческой личности. Поскольку не индивидуализм, ни коллективизм в своей грубой форме не подходят для полноценного человека, органичная живая традиция – наиболее приемлемая форма обеспечить полноценное существование личности. Обычно полагают, что традиция – только путь от индивидуализма к коллективизму. На самом деле, это путь от стадности, массовости (неважно, сплоченной или атомарной) к самобытной человеческой судьбе, обладающей смыслом и целью. Органичная живая традиция позволяет проявиться истинному коллективизму, т. е. солидарной воле внутренне свободных индивидов. И она же вовлекает индивида в великий проект, пробуждает в нем колоссальные творческие силы и наделяет индивидуальностью. Она

есть то, что снимает противоположность индивидуализма и коллективизма. «Традиция – это единственный способ совместить индивидуальную судьбу активной и самостоятельной личности с коллективной самоорганизацией отдельных волей в рамках общего проекта. Через традицию, т. е. через сохранение социумом своей качественной определенности как некоей константы обеспечивается «врастание социума в будущее»⁵⁰.

В традиции, как считает С.Айзенштадт, присутствуют в двуединстве креативная (инновации) и консервативная (традиция в узком смысле) составляющие. Первая связана с потенцией традиции к экспансии, к развитию, происходящей как на структурном, так и на символическом уровнях социальной жизни. На структурном уровне «она (экспансия) выражается в попытке изменить границы групп, организаций и социальных систем, во взаимодействии между этими границами и в возможности развития новых ресурсов и новых уровней структурной дифференциации. На символическом уровне она дана в комбинированной возможности расширения, рационализации и развития новых измерений человеческого существования и новых аспектов существующих измерений»⁵¹. Вторая – обеспечивает сохранение цивилизационной идентичности, устойчивости и безопасности общества и государства, является важнейшим регулятором социальной жизни во всех ее областях. Консервативная составляющая связана с институционализацией традиции. Таким образом, традиция обеспечивает устойчивость социума, а инновация – его развитие.

Отнюдь не любая инновация способна вызвать спонтанную координацию воли, которая длилась бы долгое время и любое покушение на которую заставляло бы людей жертвовать собственным благополучием и даже жизнью. Если инновация будет восприниматься людьми как нечто чуждое, внешнее, навязанное извне, как конспиративный проект неведомых групп и индивидов, это неизбежно вызовет сопротивление и фрустрацию. Никакой согласованности усилий не получится, и дело пойдет в тупик. В истории России так сложилось (со времен Петра), что не везло именно традиции (в узком смысле), в результате чего инновация, совершенно оторванная от традиции, принимала часто уродливый вид. В нее, незащищенную традицией, легко имплантировались чужеродные элементы (как вирусы), нанося непоправимый

вред российскому государству и его народу. Доминирование традиции в обществе приводит к застою, доминирование инноваций – к его разрушению.

Следовательно, консервативная составляющая традиции (традиция в узком смысле) и инновации должны находиться в диалектическом единстве. Инновация, чтобы выжить, всякий раз должна доказывать свою органичность, укорененность в культуре. Традиция – хорошее мерило для того, чтобы проверить, насколько инновация разумна и полноценна. Разрыв между ними, или отрицание одной из сторон этого двуединства, или одностороннее акцентирование той или иной составляющей ведут к вполне предсказуемым негативным последствиям. В традиции тесно переплетены между собой стабилизирующие и креативные элементы. Однако во внешнем своем проявлении они могут даже как бы противостоять друг другу, особенно в тех случаях, когда речь идет о модернизации.

Модернизацию все еще нередко понимают в рамках того подхода, который был сформулирован М.Вебером и сводился к жесткому противопоставлению категорий традиционного и рационального. Все традиционное определялось в негативных терминах, поэтому модернизация рассматривалась как разрыв всех связей с прошлым. Такое понимание ее сущности приводит к расщеплению двуединой традиции, являющейся целостным феноменом, на отдельные, не связанные между собой составляющие. Затем провозглашается, что одна из них (консервативная) характерна для «традиционных обществ», а другая (креативная) – для модернизированных. Из этого утверждения выводится фундаментальное противоречие между креативной и консервативной составляющими традиции, что в свою очередь ведет к некорректному и однозначному противопоставлению традиционных и модернизированных (современных) обществ. Противопоставление «традиционных» и «современных» обществ не слишком плодотворно и в познавательном отношении, так как при этом утрачивается глубинное понимание подлинных основ того или иного общества, ибо конкретный социальный опыт никогда не бывает только современным. Начиная с 70-х гг. прошлого века, даже в западной общественной науке начался отход от жесткого противопоставления категории традиционного и рационального, и все

чаще высказывается мысль, что традиция и инновация, традиция и современность, взаимосвязаны и взаимообусловлены. В действительности все общества в той или иной степени являются «традиционными», хотя для разных типов общества характерно свое соотношение традиций и инноваций. В этой связи можно утверждать, что традиция одинаково необходима во всех устойчивых обществах – будь то традиционные или современные; различными бывают лишь ее механизмы, а также оценки самого факта зависимости от прошлого.

Поскольку в самой традиции заложены определенные внутренние противоречия, это приводит, в конце концов, к ее постоянной изменчивости. Однако характер изменений в традиционном обществе не произволен. Он задан традицией изнутри. Любое традиционное общество «имеет реальные и символические события прошлого, порядок и образы которого являются ядром коллективной идентичности (традиционного общества), определением меры и природы его социальных и культурных изменений. Традиция в этом обществе служит не только символом непрерывности, но и определителем пределов инноваций и главным критерием их законности, а также критерием (допустимых вариантов) социальной активности»⁵².

Обратившись же непосредственно к российской реальности, можно констатировать *разрушение традиции* как следствие нарушения диалектического единства ее консервативной и креативной составляющих. *Это самая большая и, пожалуй, не вполне осознаваемая проблема России.* По уровню разрушения традиции и основанной на ней природной солидарности, различных форм коллективизма и социального сотрудничества Россия превзошла все другие страны.

По данным Европейского социального исследования, которое проводилось в России на рубеже 2006–2007 гг., россияне в целом гораздо в большей степени, чем граждане большинства других европейских государств, тяготеют к полюсу самоутверждения и не разделяют коллективистских ценностей⁵³. К аналогичным выводам приходит и председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации А.И.Некlessа: «Население РФ весьма индивидуализировано и совсем не склонно к коллективистским формам взаимодействия, по крайней мере, в гораздо меньшей степени, чем

американцы. По этому показателю, американцы и китайцы оказываются несколько ближе»⁵⁴. В отличие от России национальная государственность в современном мире пронизана токами субсидиарности, глокализации, коммунитаризма.

Когда происходит разрушение традиции, возникает проблема личности, которая без традиции не может быть полноценной, ибо только традиция спасает для нее давно забытые или полузабытые смыслы. Такую личность неминуемо ждет либо стадная, либо атомарная форма конформизма. Иными словами, при отсутствии традиции возможна либо стадная форма коллективизма – коллективизм без личности, либо полный распад общества на отдельные атомы, который, в силу слабости отдельной личности, неизбежно приводит опять же к стадному конформизму⁵⁵. Последнее как раз и наблюдается в России. Из-за разрушения традиции российское общество утрачивает стабильность и самобытность, лишается исторической перспективы и тем самым становится все менее исторически конкурентоспособным. Описание того, как и кем разрушалась традиция, было бы наглядной иллюстрацией, подтверждающей правильность избранного конспирологического метода исследования. Однако такое описание могло бы существенно увеличить объем данной работы, рамки которой не позволяют это сделать.

В ряду различных способов разрушения традиции в России большое место занимает *перенос чужих традиций* и символов чужой культуры на российскую почву. К чему это приводит? Как отмечают исследователи, внутри культуры, подвергающейся широкому внедрению чуждых элементов (например, западная массовая культура), теряются интегрирующие свойства, что делает ее весьма уязвимой и ведет к разрушению национальной идентичности. Цель такой операции – нанести народу тяжелую культурную травму, которая представляет собой насильственное, репрессивное внедрение ценностей, остро противоречащих традиционным обычаям и ценностным шкалам. Каждый народ всегда стремится выразить себя в узнаваемых, адекватных формах в процессе борьбы за существование, узаконивая, в том числе, свои ценности, нормы и принципы мировосприятия. Культурная же травма неминуемо приводит к искажению генетической программы народа-реципиента, подрывая таким обра-

зом основы его жизнестойчивости. Иными словами, символы своей культуры синхронизируют и гармонизируют процессы жизнедеятельности народа, в то время как иноземные – ведут к их разбалансировке.

Большую роль в разрушения традиции играет также при-внесение чуждой идеологии, сформированной в рамках другой культуры, другой традиции и других «отношений» со временем, другой временной перспективы. Такая идеология, опираясь перво-начально на ценностный базис цивилизационной традиции, очень быстро либо подменяет его на противоположный, либо разлагает и уничтожает. Это происходит потому, что она не способна освоить механизмы традиции, устойчиво передающей ценностные ориен-тиры цивилизации из поколения в поколение, да и не имеет такой цели. Характерным примером подобной идеологии является идео-логия глобализма, которая представляет собой методологию раз-рушения национальных, культурно-исторических традиций или их подмену. Ее последовательное внедрение неизбежно приводит к разрушению архетипа того народа, против которого применяется данная идеологическая конструкция.

В отличие от этого идеология, опирающаяся на архетипиче-ские символы и активизирующая генотип народа, может способ-ствовать возрождению традиции и принести успех в укреплении государственности. Такую идеологию можно рассматривать как специфический эликсир, повышающий жизнестойкость го-сударства, поскольку она (идеология) в конечном счете служит сохранению системы ценностей, максимально полно соответ-ствующей интересам выживания народа, а также комплекса пред-ставлений о мире, который имеет не только русское, но и обще-человеческое значение.

В условиях разрушенной традиции потомки используют на-следие предков просто как строительный материал в своих мелких частных интересах, а хозяйство целой страны превращается в до-бычу обезумевших от жадности индивидов. При этом государство, созданное тысячелетними усилиями многих поколений, распада-ется фактически на отдельные феодальные княжества. Культура и искусство сводятся к примитивному «самовыражению», к излия-нию минутных эмоций и животных инстинктов. К такому состоя-

нию страну привел всеохватный комплекс «реформ», проведенный по чужим лекалам и подорвавший основы жизнедеятельности народа и государства.

Несмотря на удручающее состояние традиции, ее разрушенность, *проблема сегодня состоит* не в том, что отсутствует интерес к ней, напротив, в 1990-е гг. сказано и написано о традиции больше, чем за весь XX в. Проблема заключается в том, что интерес к традиции принимает извращенную и губительную для нее форму, поскольку отсутствуют условия для возрождения полноценной традиции, но в избытке имеются все возможности для рождения нежизнеспособных химер. Нынешнее отношение к традиции следует назвать «формалистическим», потому что на первом месте здесь стоит интерес к внешней форме традиции, к стилистике и эстетике. Наиболее цинично выражает эту тенденцию массовая культура, где интерес к традиции целиком переходит на уровень дизайна и реквизита. При этом внимание переносится с внутренней сущности традиции на ее внешнее проявление, с бытия на репрезентацию. Это отношение называют также «музейным», при котором современного человека чаще всего к традиции влечет то, что является лишь элементом внешней декорации, то, что умерло, разложилось и потеряло смысл даже для ее носителей. Когда традиция была по-настоящему живой, она была вплетена в жизнь, в каждодневный жизненный опыт, являлась органичной частью окружающего мира. Музейно-формалистический подход извращает само понятие традиции: под традицией понимается нечто статичное и безжизненное, а любое развитие, любое изменение традиционного наследия, адаптирующего его к современности, воспринимается как отступление от традиции, как ее искажение и разрушение.

Традиция жива лишь постольку, поскольку она развивается, поскольку способна участвовать в современности. Иными словами, в традиции имеет смысл лишь то, над чем не властно время. Главное в традиции не внешние формы, а тот духовный импульс, который их когда-то породил, т. е. значение имеет не конкретное содержание норм и ценностей, а та духовная сила, временным отпечатком которой они являются. Если формы, в которые облечена традиция, начинают восприниматься как искусственные и отчужденные, тогда духовный импульс, который когда-то их создал,

сбрасывает их с себя и порождает новые. Это и есть «вечное возвращение одного и того же», о котором говорил Ницше. Настоящее понимание традиции дает только соучастие в процессе ее вечного возвращения.

Когда идет поиск нравственных образцов или образцов государственного устройства, т. е. формируется политическая стратегия, ничего не следует ожидать от будущего и настоящего, рассматриваемого изолированно от прошлого с его традициями. Поэтому для формирования фундамента политической ориентации нужна только своя традиция, которая когда-то в истории уже оставила отпечаток в душе всех обитателей России. Сложившаяся в прошлом высокая традиция – пусть сегодня обветшавшая, пусть в развалинах – все равно сохраняет что-то от первоначального импульса. Это дает робкую надежду на возрождение и защиту собственного духовного наследия, политического и экономического опыта своего государства. Как верно заметил британский антрополог польского происхождения Б.Малиновский, «общество, которое свои традиции считает священными, добивается не поддающихся оценке выгод, становится сильным и прочным»⁵⁶. Успехи стран Юго-Восточной Азии, сохранившие и плодотворно использовавшие традиции в целях социального прогресса – яркое тому подтверждение.

Традицию, как правило, связывают с прошлым, в меньшей степени – с настоящим и совсем редко с будущим. Но только в совокупности этих трех временных измерений можно адекватно понять общество и наметить ориентиры его стратегического развития. Об этом пойдет речь в следующем параграфе.

5. Проблема справедливости как традиционная

В настоящее время в России, с одной стороны, все острее встает проблема сохранения традиций, с другой – актуализируется проблема инноваций, модернизации. Отсюда беспрецедентные масштабы пристального внимания сразу и к прошлому, и к тому, каким должно быть будущее. А значит, ощутимее становится нужда в формировании политической стратегии, адекватной российской цивилизационной сущности, ее глубинным смыслом.

История России уже не раз доказывала, что радикальный разрыв диалектического единства традиции и инновации ведет к неизбежному и предсказуемому краху. Либеральный проект, осуществляющийся в стране на протяжении последних двадцати лет, довел до логического конца процесс детрадиционализации в России, идущий со времен Петра. Либерализм как крайнее выражение этой тенденции привел к чудовищному, по европейским меркам, социальному и имущественному расслоению, которое носит настолько глубокий характер, что существующие индексы неравенства на самом деле не отражают, а скрывают его истинные масштабы. Дисбаланс в области распределения ключевых социально-экономических ресурсов остается источником постоянной социальной напряженности и нестабильности в обществе.

Наступающая новая эпоха, отмеченная крушением неолиберализма, нуждается в обновлении общественно-научного знания и выхода за рамки привычных либеральных идеологических стереотипов. Нынешнее российское общество, похоже, только начинает осознавать масштабность новых идеологических горизонтов и необходимость поиска жизнеспособного проекта, органически вытекающего из всей русской истории с ее традициями и ценностями. Что может стать исходной точкой такого поиска в условиях основательно разрушенной традиции и связанных с ней базовых традиционных ценностей? Устройство жизни по справедливости – вот основной запрос российского общества к власти. Наступил момент, когда большинству народа становится предельно ясным и очевидным, что ценность справедливости для него бесспорна, и он от нее не откажется никогда. Никаким либеральным реформам не удалось вытравить из сознания народа главное его достояние и наследство – понятие правды и справедливости, которые имеют колоссальное значение для русского менталитета. Это не борьба за повышение заработной платы, а борьба за справедливый миропорядок как таковой.

Попранная ныне справедливость относится к разряду фундаментальных, традиционных ценностей российской цивилизации. Россия веками искала более справедливое мироустройство. На протяжении длительного исторического периода понятие справедливости в России занимало центральное место в обще-

ственным сознании, сопрягалось с духовно-нравственным идеалом и несло в себе как этический императив освобождения от социального неравенства, так и духовно-нравственное измерение. Справедливость имела универсальное значение и понималась как фиксация «божьего» порядка, на котором основано все мироздание, а не только то качество, которое определяет отношение человека к человеку или общественных групп друг к другу. На Руси с древнейших времен шел спор: в чем правда и что такое справедливость? Правда и справедливость были тесно связаны между собой в российской культурной традиции. Правда понималась как справедливость в своем высшем проявлении, до которого она еще должна подняться. По мнению русских мыслителей⁵⁷, конкретное социально-политическое состояние общества могло оцениваться только в зависимости от того, насколько в социально-политической сфере России воплощены христианские идеалы правды и справедливости.

Что касается современного понимания этой ключевой ценности, то представляется наиболее приемлемым определять «справедливость как неписанный свод правил, установленный традицией и играющий роль одного из, а, может быть, и главного интегрирующего элемента в конструкции общества»⁵⁸. Справедливость – подлинно российское понятие, глубоко укорененное в культуре. Поэтому она должна занимать главное место в иерархии ценностей. Нарушение этой иерархии путем уравнивания справедливости с такой ценностью как свобода и объединение их в рамках дуальной противоположности, неизбежно вызывает ложную постановку вопроса: либо свобода – либо справедливость, что ведет к негативным социальным последствиям. Свобода, будучи важной ценностью, должна быть правильно понята и занять соответствующее место в иерархии ценностей и в контексте российской реальности.

Объективный анализ общественных настроений в России показывает, что люди по-прежнему мыслят свою историю и свое национальное существование в рамках социально справедливого общества. И это не случайно. Те общества, в которых справедливости уделяется должное внимание (например, страны Скандинавии), дают гражданам большее чувство уверенности, защищенности, а также стимул к позитивной деятельности, способность к социаль-

ной мобильности, обеспечению нравственного и физического здоровья будущих поколений, т. е. обеспечивают жизнеспособность общества и государства в целом.

Отсутствие в российском государстве действенной борьбы против социальной несправедливости фактически является зримым доказательством отсутствия вообще зрелой, стратегически мыслящей элиты. Ни у государства, ни у правящей элиты нет какого-либо практического проекта формирования по-настоящему справедливого общества в стране. В самом общем виде установление социальной справедливости в России может означать замену олигархической социально-экономической системы на социально-справедливую. Однако сформировать современное социально-справедливое государство, способное вывести страну из тупика, очень сложно без выработки понятной для каждого человека модели справедливого российского общества. Возможный выход заключается в необходимости энергичного и эффективного обращения к тем традициям и тому историческому наследию, которые содержали опыт борьбы с несправедливостью. Это, прежде всего, различные формы социализма (включая советский), которые имели место в истории России.

Справедливость – высшая ценность и основная идея социализма. Но сам социализм есть естественное следствие природной социальной целесообразности. Ее можно обнаружить даже в самой бессознательной дочеловеческой природе: в организации жизни муравьев и пчел. Зачатки социализма встречаются в семье, племени или государстве – они проявлялись как справедливость распределения, общность целей, распределение социальных функций и т. д. На этом основании один из глубоких современных исследователей социализма А. Молотков выдвинул важнейший тезис: *«принципы социалистического общественного бытия есть фундаментальное свойство живой природы, заключающееся в органической самоорганизации целого»*⁵⁹. В свете данного тезиса, социально-экономическая история человечества последних веков обнаруживает особую социально-этическую логику. Наличие элементов социалистической организации общества можно встретить в совершенно разных, не связанных между собой государствах древности и средних веков (государство инков в Южной Америке, государства Месопотамии III–II тыс. до н. э.,

древний Египет, Китай и т. д.). А. Молотков убедительно показывает, что идеи социализма, охватившее человеческое сообщество уже позднее, на рубеже XVIII–XIX вв. н. э., **не были произвольным утопическим фантомом**, противоестественным ходом человеческой истории. Напротив, они явились возвращением в генеральное русло этой истории, новой актуализацией фундаментальных социальных принципов, с которых и началась собственно человеческая цивилизация.

В противоположность этому усиление разрушительных тенденций в истории XVIII–XIX вв., которые возникли на базе капиталистических методов хозяйствования, основанных на эгоизме, индивидуализме и нравственно-этическом беззаконии, позволивших эксплуатировать человека, вошли в глубочайшее социально-этическое противоречие с естественно-природной формой самоорганизации социального бытия. Это и вызвало к жизни *социалистическую реакцию*, «то есть стремление социума восстановить природно-естественное равновесие и органическую целостность общественного бытия уже на новом идеологическом уровне. Таким образом, идеи социализма находят себе вполне фундаментальное природно-естественное обоснование, вписываясь в общий контекст цивилизационного самопознания человечества»⁶⁰.

Социализм в России в своих исторических проявлениях выступал за справедливость по отношению ко всему обществу, а не к отдельным его частям. Именно таким был опыт народного русского социализма, который содержал в себе огромный комплекс плодотворных идей и практик. В силу исторических и национальных особенностей в России присутствовал уникальный опыт коллективистских отношений. Он в большей степени соответствовал тем чаяниям, которые всегда вызревали в душах народов нашей страны, но был насильственно отсечен от официального мировоззрения в советское время.

Русский социализм, как отмечают, например, авторы монографии «Экономический вектор развития России: кооперация и социализм», вовсе не является чем-то таким, что изобреталось на протяжении последних ста пятидесяти лет. Предпосылки русского социализма создавались и успешно развивались до трагических событий религиозного раскола XVII в. Социалистами, по сути дела, были тогда так называемые мизинные люди. Русский социализм,

как заметил А.И.Герцен, обязан своим происхождением общинному укладу жизни российского крестьянства. В противоборство с капитализмом он вступил на мощной волне всенародного кооперативного движения, инициированного столыпинскими реформами. Если бы это движение было успешно продолжено, тогда, возможно, сбился бы прогноз прошлого века о том, что именно Россия может стать государством № 1, а не США.

Кооперативное движение, успехи которого были громадны в до-революционной России, было, по сути, путем к социалистическому строю русской цивилизации. Однако кооперативное движение встретило враждебную реакцию со стороны тех сил в стране, которые отстаивали *интересы иностранного капитала и, особенно, капитала ростовщического*. Внешние враги и внутренние конспираторы выступили единым фронтом в борьбе с кооперативным социализмом. Так была спровоцирована Февральская революция, повлекшая за собой падение монархической власти. На смену добровольной кооперации трудового народа, сложившейся на духовно-нравственной основе, пришла «кооперация» насильственная⁶¹.

В тех событиях большую роль играла Англия. Гражданская война велась под постоянным присмотром Антанты, возможно, она ее и развязала. Антанта только по видимости помогала белым. В действительности же признала все осколки империи, но не признала ни одно белое правительство. Это была одна из ярких попыток «эффективного управления эволюцией» с помощью конспиративных, неформальных методов. Судьба социализма в России в начале XX в. связана с некоторыми не проясненными моментами, которые имеют прямое отношение к конспирологии. Именно это обстоятельство порождает различные интерпретации тех событий, споров и разногласий: выдвигаются разные версии, додумывается, дорисовывается картина происшедшего. Сам этот факт уже означает наличие чего-то тайного, не проясненного, из-за чего ускользает действительная логика тех событий. Как свидетельствует история России, в основании радикальных ее словов всегда присутствует тайна, всегда имеет место действие неких конспиративных сил.

Тем не менее, в периодическом возвращении человечества к идеям социализма через долгий путь духовно-идеологических исканий и социальных потрясений нет ничего странного и про-

твоестественного, так как социалистические принципы организации общества являются идеологической колыбелью цивилизации. Человек на протяжении всей мировой истории, исходя из противоречий социальной реальности, искал более справедливые формы общественной жизни. При этом религиозно-этическая интуиция о справедливости первична по отношению к рациональным попыткам ее интерпретации – в этом и состоит таинственная живучесть идей о справедливом обществе (социализме) в человеческом сознании⁶². Социальная идея развивалась как попытка преодолеть экономическую, социальную несправедливость, неравенство и эксплуатацию, и эта идея имеет собственный христианский генезис.

Однако общая оценка социализма исходит чаще всего из исторически субъективного, узкого отношения, навеянного той или иной стороной реального советского социализма, которому большинство из нас были недавними свидетелями. Социализм в первую очередь воспринимают как некую рационализированную социально-экономическую доктрину, сформировавшуюся в Европе в XVII–XIX вв. и реализовавшуюся затем в XX в. в некоторых странах, и прежде всего в России, в качестве реального государственного строя. В процессе его построения на основе сугубо рационалистического подхода произошел сдвиг от органического понимания социализма к механистическому, редуцировавшему представление о социально-совершенном обществе до образа идеально организованной машины (или механизма).

Осуществив практическую реализацию новых социально-экономических хозяйственных отношений, т. е. инновацию или модернизацию, советский социализм, отбросив традицию с ее духовностью, оказался неспособным осуществить духовное преобразование человека и человеческих отношений. Это было следствием того, что в России был радикально и грубо надломлен ее христианский мировоззренческий стержень, на основе которого шло тысячелетнее становление России как государства, и который изнутри определял смысл русской истории. Социалистическая форма государственной самоорганизации общества есть всего лишь фундамент первичной социальной справедливости, сама же социальная гармония, степень ее совершенства, определяется духовно-этическим содержанием государственного бытия.

Отсутствие духовного измерения человеческой личности делало коммунистическое воспитание поверхностным и непрочным. В результате образовался серьезный антропологический дисбаланс между интенсивными процессами общественно-государственного строительства и уровнем индивидуального самосознания. То есть социалистическое бытие ценой титанических усилий партии и народного подвига было реализовано, однако социалистическое сознание не состоялось⁶³.

Причина такого – одного из крупнейших идеологических провалов заключалась в отсечении множества плодотворных идей и традиций, содержащихся в нашем историческом наследии, но объявленных «классово чуждыми» и «антисоциалистическими». Фундаментальная ошибка советского социализма состояла в том, что вообще снималась проблема *несовершенства человеческой природы*, словно трагические противоречия человеческой природы можно победить теми или иными внешними юридическими, социальными или экономическими установлениями. Это гуманистическая ошибка социалистической теории оказала впоследствии очень плохую услугу социалистической практике, сделавшей именно на нее свою основную ставку⁶⁴.

И все же советский социализм, при всей своей однобокой ущербности, составляет важнейшую эпоху в истории нашего государства. Он может и должен быть реабилитирован как объективная данность истории, как ее новое цивилизационное качество, подлежащее дальнейшему историческому развитию. Но уже не только в русле «теории коммунизма», но и на базе огромного комплекса плодотворных идей, содержащихся в нашем историческом наследии. В таком контексте социализм вновь обретает свой истинный цивилизационный смысл и фундаментальный исторический статус. Слишком глубоко лежащие в его основе онтологические предпосылки. Чистую в своих духовных истоках человеческую надежду на лучшее справедливое устройство не может окончательно заглушить никакая историческая неудача реального социализма. Годы разгула разнузданного капитализма побуждают людей вновь обращать свои взоры к поиску спасительной модели справедливого устройства, гармонизирующего отношения людей друг с другом, а также с природой. Социализм выстрадан народом. Это картина желаемого будущего для многих людей. Ее наличие – важ-

ный момент для кристаллизации новых форм социалистического общества. В этом смысле социализм как форма социальной самоорганизации общества еще далеко не закончил свое историческое становление.

Среди традиционных духовно-нравственных ценностей большую роль играет почти полностью забытая «солидарность», скрепляющая общество в единое целое, что было многократно доказано российской историей в моменты великих испытаний. Русская цивилизация вопреки крайней аномии и проповедям либеральной пропаганды обладает, во всяком случае, в глубинной России, стойкой духовной солидаристской традицией. Этика самоограничения, зачастую жертвенный аскетизм, уважение к труду и знанию все еще составляют живую часть русской традиции, ослабленную, но до конца не уничтоженную. Солидаризм коренится в первую очередь в русском Православии и, во-вторых, – в советском социализме, также оставившем мощный исторический след не только национального, но и мирового значения.

Сегодня выбор солидарного типа дальнейшего развития – не некий привходящий эпифеномен, но, пожалуй, единственный путь уцелеть и укрепиться перед лицом надвигающейся мировой бури. Одновременно такой выбор означает исполнение своего исторического призвания. Современная российская реальность показывает, что возврат к принципам взаимопомощи, народному коллективизму, является актуальнейшей задачей, без чего сегодня даже сохранение российского государства уже невозможно, не говоря о дальнейшем его развитии. Восстановление ценности «солидарность» есть в свою очередь предпосылка восстановления в правах и попоранной ныне идеи социальной справедливости.

Современная деградация всех сфер российского государства – социальной, экономической, демографической, культурной и т. д. дает повод и основание к переосмыслению формы политического устройства государства. В этом контексте антропологическое измерение государства, всецело обращенное к человеку, но не в его утилитарно-потребительском смысле (капитализм) и не в его функционально-общественном значении (коммунизм), а в глубоко духовном смысле – как задача воспитания и раскрытия нового человека в его высшем, нравственном качестве – может сыграть незаменимую роль. Речь идет о такой форме политиче-

ского устройства, где в основе общественных отношений будут лежать не законы экономических интересов, классовой борьбы или группового эгоизма, а приоритеты социокультурных ценностей, образования и воспитания, одухотворения всего государственного строя. Поэтому необходима более сложная исходная конфигурация для осмысления опыта прошлого с целью выработки новой формы политического устройства, включающего в себя всю полноту и противоречивость национальной истории, и в первую очередь ближайшего прошлого, воплотившегося в форме социализма. К такому выводу сегодня склоняются многие объективно мыслящие исследователи и здравомыслящие политические деятели. В самом российском обществе усиливается ностальгия по социализму, все чаще выдвигается требование социальной справедливости.

Однако этой мощной тенденции на оздоровление российского государства препятствуют могущественные силы, парализующие возможности его самостоятельного развития и угрожающие его существованию. Известный ученый-американист А.И. Уткин в своей книге «Мировой порядок» убедительно доказывает, что войны, развязанные США в последнее время, а также «бархатные», «оранжевые» революции на постсоветском пространстве – это часть стратегии США по установлению «нового мирового порядка» в глобализирующемся мире. Национальные правительства слабых государств, попадая под пресс глобализации, начинают делить власть – политическую, социальную, военную с кругами бизнеса, международными организациями, множеством неформальных групп граждан, теряя тем самым возможность проводить политику в интересах своих государств. Триумф глобализма означает не только поражение левой части политического спектра практически в каждой стране, он (по признанию Клинтона) означает также то, что отдельные группы и отдельные государства «могут отныне вторгаться в жизнь соседей и могут парализовать их жизненно важные системы, разрушить торговлю, поставить под вопрос благополучие и благосостояние народов, ослабить их возможности функционировать»⁶⁵. Жертвами подобной глобализации уже стали осколки Советского Союза и Россия, а их граждане оказались незащищенными перед набором новых идей, противоположных по значимости собственным главным ценностям. Степень неприятия

Западом того пути развития, по которому могла бы пойти Россия, и который привел бы ее к возрождению и процветанию, демонстрирует так называемый «Вашингтонский консенсус», который «нетерпимо относится даже к умеренной степени государственного планирования, дирижизма, защиты собственной промышленности, не говоря уже о социализме даже в самом бледно розовом варианте»⁶⁶.

Стимулированные процессами глобализации критическая степень социального неравенства, безжалостная эксплуатация и безразличие к основной массе населения могут привести к радикализации настроений в российском обществе. В современном обострившемся запросе на справедливость в России и состоит самый серьезный вызов для нынешней власти. История показывает, что угроза России и извне, и изнутри, прежде всего, проявляет себя как нарушение справедливости, которое приводит к революциям, гражданским войнам, развалу и гибели государства. Российское общество не может нормально существовать, когда в нем разрушено ощущение справедливости. Это универсальный принцип, который должен пронизывать все сферы государства, если оно не хочет быть ввергнутым в опасные катаклизмы и катастрофы. Однако появление социальных катаклизмов в России как раз и входит в планы западных стратегов, которые ведут соответствующие концептуальные разработки, явно недооцениваемые в России.

Речь идет прежде всего о таком примечательном документе, как Полевой устав сухопутных войск США FM 3–07 («Операции по стабилизации»), где формулируется понятие «хрупкого государства», под которым подразумевается «государство, страдающее от институциональной слабости, достаточной для того, чтобы угрожать стабильности центрального правительства»⁶⁷. По американской классификации, «хрупкие» государства делятся на «уязвимые» и «находящиеся в кризисе». В указанном документе дается следующее разъяснение по этому поводу: «Уязвимое государство является государством, не способным или не желающим обеспечивать необходимую безопасность и решать основополагающие задачи жизнеобеспечения значительной части населения. В уязвимых государствах легитимность центрального правительства является сомнительной. Это – государства, идущие к краху или выкарабки-

вающиеся из кризиса. Государство, находящееся в кризисе, является страной, где центральное правительство не осуществляет эффективного контроля над своей собственной территорией. Оно не способно или не желает обеспечивать необходимую безопасность и решать основополагающие задачи жизнеобеспечения значительной части населения. В странах, находящихся в кризисе, центральное правительство может быть слабым, отсутствовать вообще или быть не способным или не желающим обеспечивать необходимую безопасность и решать основополагающие задачи жизнеобеспечения. Это – государства, идущие к краху или уже оказавшиеся в крахе, где ожесточенный конфликт является реальностью или готов вспыхнуть в любую минуту»⁶⁸.

Такие теоретические выкладки очень хорошо согласуются с представлениями США о происходящих процессах в российском государстве, которое вполне подходит под определение «хрупкого государства». Кроме того, следует отметить и еще один важный документ, который был официально представлен в феврале 2010 г. в Вашингтоне как документ, определяющий направления развития вооруженных сил США на ближайшие годы – «Четырехлетний обзор состояния обороны». Практически все сценарии, очерченные в официальном документе Пентагона, не исключают гипотетической возможности ведения военных действий против Российской Федерации, прежде всего, в форме операций по стабилизации.

В данном документе зафиксирована также любопытная инициатива министра обороны США по формированию так называемого Экспедиционного корпуса гражданских специалистов вооруженных сил. Идея состоит в том, чтобы иметь в ВС США резерв заранее подготовленных специалистов в разных сферах гражданской государственной и общественной деятельности. Эти специалисты будут востребованы в большом количестве в условиях проведения операций по стабилизации, о чем свидетельствует опыт операций в Афганистане и Ираке. Не исключено, что одним из таких кризисных регионов мира, как полагает И.М.Попов, может оказаться постсоветское или даже построссийское пространство⁶⁹.

Именно о таком развитии событий как возможном сценарии будущего написал в «Независимой газете» (22.03.2011) известный российский политолог, профессор Йельского университета

Б.Г.Капустин. Статья политолога наводит на мысль о какой-то странной ее взаимодополнительности (возможно, случайной, из-за нынешних потрясений в арабском мире) по отношению к вышеназванным документам. В любом случае статья является знаковой и поэтому заслуживает того, чтобы ее главные тезисы были обозначены в данном контексте. Автор пишет: «Неужели наш алчный и политически неумелый правящий класс обладает иммунитетом от революции? Неужели для его предотвращения достаточно заклинаний типа “новой революции Россия не выдержит?” А нынешний политико-экономический строй она долго выдержит? И почему революция, если она произойдет, должна быть столь же разрушительна, как Октябрьская 1917 года? Общие выводы таковы: каждая революция уникальна, даже если ее действующие лица стараются имитировать своих предшественников; революции не “делают” – они “случаются”, хотя для этого нужно, чтобы кто-то шел в атаку и бросался в брешь в институциональном здании существующего режима, возникающие вследствие его «естественного старения» или глупостей его элит; революции не предопределены законами истории, они – не скачки на новые ступени прогресса. Но они бывают великими событиями, которые способны устранять наиболее нестерпимые здесь и сейчас формы угнетения»⁷⁰.

В самом деле, развитие негативных процессов в России, системный внутригосударственный кризис может привести к ослаблению центральной федеральной власти, превращению ее в «хрупкое государство», находящееся в состоянии хронического кризиса, или даже идущее к окончательному краху государственности и распаду Российской Федерации – т. е. к достижению геополитических целей Запада в отношении России. Это неизбежно будет сопровождаться социально-экономическим хаосом, массовыми выступлениями недовольных и обездоленных людей, созданием альтернативных органов власти, вооруженными конфликтами в разных регионах России.

Мощным ускорителем социальных потрясений государственного масштаба могут стать природно-климатические условия России, техногенные катастрофы, аварии на теплосетях и в системе энергоснабжения страны. В условиях сильных морозов это может вызвать физическое вымерзание населения, голод, панику, хаос как

в отдельных регионах, так и в масштабах всей страны. Подобная ситуация создаст множество предлогов и поводов для международного гуманитарного, социально-политического и экономического вмешательства в происходящие на территории России события. Очевидно, что накал недовольства населения и политических страстей в России может достичь такого уровня, когда и власти, и население страны сами осознают, что единственный выход из создавшегося положения явится только внешняя «помощь» со стороны мирового сообщества. Это положение является принципиально важным. «Американские и натовские силы по стабилизации обстановки на территории Российской Федерации, – подчеркивает Попов, – готовы взять под свой контроль военно-политическую и социально-экономическую ситуацию, как в центре, так и на местах. Очевидно, что уже на этом этапе территориальная целостность единого государства под предлогом трудности осуществления контроля может быть ликвидирована»⁷¹.

Такие намерения в отношении России носят уже не конспирологический, а вполне явный, открытый характер; они находят понимание у определенных влиятельных сил в стране, которые существенно зависят от поддержки, исходящей от Запада. Политико-экономическая ситуация в стране настолько созрела, что все больше приближается тот момент, когда конспиративные действия могут отойти на второй план, уступив место неприкрытому силовому давлению. А конспирология в России, не будучи широко признанной, так и не успеет к тому времени обнажить главные факторы, выявить основных субъектов негативных перемен в России и обозначить контуры будущего.

Примечания

- ¹ Конспирология – знание о двойном, скрытом смысле реальности (прежде всего политической). Буквально – заговорovedение, учение о заговоре, русская калька с англ. слова «conspirology» («conspiracy» – заговор и греческое «logos»).
- ² *Бодрийяр Ж.* О совращении. Цит. по: *Ашкерова А.* Тайноведение vs. Конспирология (<http://old.russ.ru/politics/20020222-ash.html>)
- ³ *Фурсов А.* Конспирология – веселая и строгая наука // Политика. Аналитика мировых событий. 26 ноября 2009. (<http://www.oko-planet.su/politik/politikmir/24693-andrej-fursov-konspirologiya-vesel...17.10.2010>).
- ⁴ Там же.

- ⁵ *Артемов А.* Конспирология как точная наука (http-www.c-conspiracy.com/publ/analitika/politika/a_artemov_konspirologija_kak_to...21.10.2010).
- ⁶ *Фурсов А.* Указ. соч.
- ⁷ *Чернышков Д.* Глобализация как неолиберальный миф // Свободная мысль. 2010. № 6. С. 34.
- ⁸ Там же. С. 35.
- ⁹ *Прохоров М.* О модернизации государства в постсоветской России // Свободная мысль 2010. № 6. С. 7–8.
- ¹⁰ См.: *Яковлев А.Н.* Большевизм – социальная болезнь XX века // *Куртуа С., Верт Н., Ранне Ж.-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж.-Л.* Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии / Пер. с фр. М., 2001. С. 5–32.
- ¹¹ *Дугин А.* Государство – симулякр/ Политическая система современной России: симулякры и альтернативы (<http://konservanism.org/konservanism/theory/210210062607.xhtml>).
- ¹² *Миронов С.* Воля к развитию // *Завтра*. 2010. № 40.
- ¹³ Стенограммы суда времени. 14. Реформы Петра I (<http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=add&cat=3&id=109>).
- ¹⁴ *Куракин Б.И.* История о царе Петре Алексеевиче // Архив князя Ф.А.Куракина. Кн. 1. СПб., 1890. С. 71.
- ¹⁵ Истина безначальна-Безумный «Собор» -I (<http://grenzlos.livejournal.com/201913.html>).
- ¹⁶ *Агеев А.И.* Преображающий прорыв: в тисках между мечтой и реалиями // Фурурологический конгресс: будущее России и мира. (Материалы Всероссийской научной конференции). М., 2010. С. 65.
- ¹⁷ Так, например, поляки в Смутное время, видя плотность боярской и духовной среды, замыкавшей около государя, посчитали необходимым для проведения своих планов вырвать царя из этой среды и перенести царскую резиденцию из Москвы куда-нибудь в другое место.
- ¹⁸ Цит. по: *Солоневич И.* Народная монархия. М., 1991. С. 466.
- ¹⁹ Там же. С. 434.
- ²⁰ Там же. С. 435, 438.
- ²¹ Там же. С. 439.
- ²² Там же. С. 459.
- ²³ Там же. С. 457.
- ²⁴ Цит. по: *Солоневич И.* Народная монархия. С. 456.
- ²⁵ Там же. С. 468.
- ²⁶ Там же. С. 471.
- ²⁷ См.: *Клочков М.* Население Руси при Петре Великом по переписям того времени. СПб., 1911. С. 78–79.
- ²⁸ *Солоневич И.* Народная монархия. С. 429.
- ²⁹ Цит. по: *Солоневич И.* Народная монархия. С. 468–469.
- ³⁰ См.: *Ланищikov А.* Император-большевик // *Родина*. 1992. № 3.
- ³¹ См.: *Володарский Я.Е.* Петр I // *Вопр. истории*. 1993. № 6.
- ³² Цит. по: *История России в современной зарубежной науке*. Ч. 1. М., 2010. С. 157.

- ³³ См.: *Гайденок П.П.* Проблема времени в европейской философии. М., 2006; *Хокинг С.* Краткая история времени. М., 2001; *Аксенов Г.П.* Причина времени. М., 2000 и др.
- ³⁴ См.: *Баландин Р.* Подлинная история времени. М., 2009. С. 282.
- ³⁵ Современный отечественный исследователь В.А.Канке считает, что сейчас на первый план выдвинулась проблема выявления качественной разнородности времени и что необходимо отказаться от представления: время есть однообразная, ко всему безразличная сущность. Если развивается материя, то с той же необходимостью должны развиваться и ее атрибуты, в частности время (см.: *Канке В.А.* Формы времени. М., 2002).
- ³⁶ Так, например, один из виднейших теоретиков сионизма Гарольд Фиш в своей книге «Еврейская революция» писал, что при создании государства Израиль возникли проблемы с календарем, и вопрос был решен в сторону не европейской, а иудейской традиции. По образному выражению автора, из нееврейского календаря было вырвано его ядовитое жало. Под «ядовитым жалом» теоретик сионизма как раз и понимал «стрелу времени» или «векторное уравнение экспансии», которое имеет ярко выраженную расовую ориентацию (см.: *Авдеев В.* Расология. М., 2005. С. 486).
- ³⁷ Цит. по: *Авдеев В.* Расология. С. 487.
- ³⁸ Там же. С. 487.
- ³⁹ В Древнем Китае легендарная дата начала царствования правителя Хуан Ди дает начало циклическому лунно-солнечному календарю с циклом 60 лет. Он действует в Юго-Восточной Азии (Лаос, Камбоджа, Китай, Вьетнам, Корея, Кампучия, Монголия, Япония и некоторых других странах Азии).
- ⁴⁰ См.: Примеры некоторых летоисчислений ([http:// astro. Websib. ru/ Met/ tem -1/ Urok% 206/ Letois. Htm](http://astro.Websib.ru/Met/tem-1/Urok%206/Letois.Htm)).
- ⁴¹ Григорианский календарь, введенный в католических странах Европы вместо юлианского, своим происхождением связан с языческими римскими празднествами – календами (от которых и происходит слово календарь). Однако по данным астрономии, старый стиль (юлианский календарь) точнее нового и среди ученых уже более полутора столетия ведутся обсуждения об исправлении современного календаря.
- ⁴² Последним днем старого стиля стал 31 января 1918 г., а следующий день был не 1, а 14 февраля. Таким образом, в нашей стране 1918 г. насчитывал 352 дня.
- ⁴³ Если взять общемировой контекст, то на сегодняшний день примерно в трети стран мира часы переводят дважды в год. При этом стрелки сдвигаются всего на один час и часто такие решения принимались под влиянием политических событий (например, Германия, США). В Японии перевод стрелок производился с 1946 г. по инициативе оккупационной американской администрации и был прекращен в 1952 г. Кроме того, в различных странах идет оживленная политическая борьба за сохранение или отмену летнего времени. А в Китае, Сингапуре, Южной Корее, Японии и еще в 130 странах мира переводить стрелки туда-сюда остерегаются.
- ⁴⁴ См.: *Бенуа де А.* Против либерализма. М., 2009.

- 45 *Прохоров М.* О модернизации государства в постсоветской России // Свободная мысль. 2010. № 6. С. 9.
- 46 См.: История России. Ч. 1. М., 2010. С. 15.
- 47 *Антипенко Л.Г.* О русском проекте овладения временем. М., 2004. С. 16.
- 48 *Бацевич В.* Жить очень долго можно только на родине и соблюдая традиции предков // Аргументы и факты. 2011. №1–2. С. 6.
- 49 См.: *Айзенштадт С.* Традиция как застывшая харизма (<http://etnopsychologie.parod.ru/study/tradition/eisenstadt.htm>).
- 50 *Корнев С.* Традиция, постмодерн и вечное возвращение (<http://kitezh.onego.ru/traditio.html>).
- 51 *Айзенштадт С.* Указ. соч.
- 52 Там же.
- 53 См.: *Магун В.С., Руднев М.Г.* Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами/ Вестник общественного мнения. 2008. № 1. С.43.
- 54 *Неклесса А.И.* Критерии успешности страны, цивилизации, человечества // Материалы постоянно действующего научного семинара «Россия в историческом и мировом пространстве». Вып. 8. М., 2010. С. 71.
- 55 *Корнев С.* Традиция, постмодерн и вечное возвращение (<http://kitezh.onego.ru/traditio.html>).
- 56 Цит. по: *Шацкий Е.* Традиция и утопия. М., 1990. С. 286.
- 57 Проблему справедливости исследовали такие мыслители как И.В.Киреевский, В.С.Соловьев, Н.А.Бердяев, Е.Н.Трубецкой, С.Л.Франк, И.А.Ильин.
- 58 *Пирогов Г., Ефремов Б.* Социальная справедливость и национальная безопасность (http://www.zlev.ru/169/169_18.htm).
- 59 *Молотков А.Е.* Миссия России. СПб., 2008. С. 128.
- 60 Там же.
- 61 См.: Экономический вектор развития России: кооперация и социализм. М., 2007. С. 23–29.
- 62 *Молотков А.Е.* Указ. соч. С. 92–93.
- 63 См.: *Молотков А.Е.* Миссия России. С. 222–225.
- 64 Там же. С. 95–106.
- 65 Цит. по: *Уткин А.И.* Новый мировой порядок. М., 2006. С. 66.
- 66 Там же. С. 67.
- 67 *Попов И.М.* Операции по стабилизации вооруженных сил США в условиях краха российской государственности // Футурологический конгресс: будущее России и мира (материалы Всерос. научн. конф. Москва, 4 июня 2010 г. М., 2010. С. 516.
- 68 Там же.
- 69 Там же. С. 518.
- 70 *Капустин Б.Г.* Реабилитация истории. Зона политического риска гораздо шире, чем арабский мир // Независимая газ. 22.02.2011.
- 71 *Попов И.М.* Указ. соч. С. 522.

Политические стратегии китайского государства (в сопоставлении с российским опытом)

В связи с провозглашенным российским руководством курса на модернизацию страны в кругах политической и интеллектуальной элиты активно обсуждается вопрос о возможных сценариях развития России в обозримом будущем. На характер высказываемых суждений и оценок влияет идейная ориентация того или иного научного сообщества. И это неудивительно, поскольку речь идет о принципиальных вещах. Если коммунисты и близкие к ним политические деятели и ученые настаивают на возобновлении движения России по социалистическому пути, причем в качестве основы, как правило, берется исторический опыт Советского Союза, то представители либералов во власти и обслуживающие их интеллектуалы призывают следовать западным образцам общественного развития, хотя и в разной степени. Существует также довольно влиятельная группа сторонников российской самобытности, отвергающая программы как коммунистов, так и либералов. По ее мнению, и те, и другие не учитывают национальную специфику России, менталитет населяющих ее народов, многоконфессиональный характер населения страны.

На характер обсуждения перспектив российской модернизации оказывают влияние также оценки деятельности личностей, с которыми связаны крупные, переломные события в истории российского государства, таких как Петра I, Екатерины II, Александра II, Ленина, Сталина, в том числе Горбачева, Ельцина и, конечно же, Путина и Медведева. В центре всех обсуждений находится глав-

ный вопрос, а именно, вопрос о том, насколько предлагавшиеся и проводившиеся ими социально-экономические и политические реформы отвечали национальным интересам России, в какой мере они способствовали модернизации российского общества. Если в отношении упомянутых выше первых лиц, стоявших во главе страны до конца XIX в., большинство членов научного сообщества оценивают их деятельность в основном положительно, то, что касается Ленина и Сталина, здесь высказан широкий спектр мнений – от очевидной апологии до полного отрицания положительного содержания в их деяниях. Большое внимание авторы различных научных публикаций и публицистических эссе естественно уделяют последним десятилетиям в истории России – так наз. периоду перестройки (1985–1991 гг.) и новой странице российской государственности, ведущей свой отсчет с декабря 1993 г.

Рассмотрение этого этапа в истории российского общества приводит к выводу о том, что существующие в сегодняшнем обществе кризисные явления обусловлены отсутствием у власти ясной, продуманной политической стратегии. Такая стратегия может быть выработана только на основе непредвзятого изучения как многовекового опыта российского государства, в том числе его советского периода, так и модернизационных процессов, проходивших в различных странах мира – не только в западных, но и восточных. Между тем правящая в нынешней России элита предпочитает обращаться лишь к западным моделям модернизации, оставляя в стороне их восточные аналоги. В частности, под различными предложениями не изучается богатейший опыт, накопленный Китаем за тридцать с лишним лет реформ. Это тем более удивительно, что в процессе модернизации китайского общества произошел отказ от прежней социально-экономической модели, во многом напоминавшей советскую модель.

Китайская Народная Республика существует уже более шести десятилетий, за это время она прошла сложный, противоречивый путь развития. Вскоре после завоевания власти руководство Компартии Китая приступило к выработке генеральной линии развития страны, в результате длительных обсуждений она была принята в конце 1953 г. Предполагалось в течение 10–15 лет осуществить в основном индустриализацию страны и социалистические преобразования в сельском хозяйстве, промышленности и

торговле. Преобразования частнокапиталистических предприятий в области промышленности и торговли предполагалось вести постепенно в течение трех пятилеток (первый пятилетний план был рассчитан на 1953–1957 гг.). Следует отметить, что в силу особых отношений, существовавших тогда между КНР и СССР, советская сторона взяла на себя обязательство оказать помощь в строительстве 156 промышленных предприятий на территории Китая, которое было выполнено.

Однако во второй половине пятидесятых годов под непосредственным влиянием Мао Цзэдуна произошел отказ от генеральной линии партии, был выдвинут нереалистичный курс «большого скачка», согласно которому предполагалось в течение нескольких (3–5) лет резко увеличить темпы промышленного и сельскохозяйственного производства. Результатом «большого скачка» явился глубокий экономический и политический кризис.

Наибольший ущерб китайскому государству нанесла «культурная революция» (1966–1976 гг.), которая была развернута Мао Цзэдуном и проходила под его руководством. Он усматривал ее цель в предотвращении в Китае «реставрации капитализма», поскольку, по его мнению, в «руководящем партийном звене» пустил корни ревизионизм. Абсолютизируя роль классовой борьбы в социалистическом обществе, Мао Цзэдун считал необходимым развернуть против так наз. сторонников капиталистического пути («лиц, стоящих у власти и идущих по капиталистическому пути») массовое движение не только в партии, но и вне ее, во всем обществе. На практике «культурная революция» обернулась политической дестабилизацией в стране, резким спадом в экономике, деградацией системы среднего и высшего образования, в ходе ее погибло более 20 млн человек, репрессиям подверглось около 100 млн человек¹.

После смерти Мао Цзэдуна и естественного завершения «культурной революции» начался решительный пересмотр прежних политических и теоретических установок, что сопровождалось критическим отношением к «идеям Мао Цзэдуна». Начинает широко пропагандироваться лозунг «освобождения сознания» от предрассудков и догматических представлений, имевших хождение в предшествующие годы. В мае 1978 г. разворачивается широкая кампания под названием «практика – единственный критерий

истины», в которую были вовлечены миллионы людей – от партийных работников до простых граждан, от ученых до военнослужащих. Кампания, как это стало ясно позднее, преследовала цель побудить людей, прежде всего членов партии, партийные и государственные кадры отказаться о слепого следования положениям, выдвигавшимися Мао Цзэдуном. В разных формах им внушалась мысль о том, что ни один политический деятель, в том числе и Мао Цзэдун, не застрахован от ошибок. В сентябре того же 1978 г. Дэн Сяопин в беседе с партийными работниками одной из провинций говорил следующее: «Сейчас как в партии, так и вне ее, как внутри страны, так и за рубежом есть много людей, которые стоят за то, чтобы высоко нести знамя идей Мао Цзэдуна. Но что значит «высоко нести»? И каким образом его можно «высоко нести»? ... Согласно этой точке зрения абсолютно все документы, на которые товарищ Мао Цзэдун поставил кружок, абсолютно все сделанное и сказанное им должно оставаться в нетронутым виде. Значит ли это высоко нести знамя идей Мао Цзэдуна? Нет и нет! Продолжать дальше в таком же духе равносильно вести дело к дискредитации идей Мао Цзэдуна. **Самое основное в идеях Мао Цзэдуна – реалистичный подход к делу. Соединение всеобщей истины марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции**»² (выделено нами. – В.Б.). Тезисы о реалистическом подходе, о соединении всеобщей истины марксизма с конкретной практикой китайской революции, позднее с конкретной практикой социалистического строительства становятся в Китае общим местом в средствах массовой информации, политической пропаганде, публикациях ученых.

По мере развертывания кампании «практика – единственный критерий истины» начинает высказываться мнение о необходимости творческого, критического отношения не только к «идеям Мао Цзэдуна», но и к положениям классиков марксизма. Ссылаясь на конкретные условия Китая, авторы статей, появлявшихся в китайской печати, пишут о том, что при всем уважении к наследию Маркса, Энгельса, Ленина, не все содержащиеся в нем идеи применимы в сегодняшнем Китае. Впоследствии эта тенденция приводит к появлению положения о необходимости «китаизации» марксизма, которая в последние годы выдвигается на авансцену китайской теоретической мысли.

Таким образом, уже на рубеже 1970–1980-х гг. начинает обособываться китайская версия социализма, которая впоследствии получает название «социализм с китайской спецификой». Процесс формулирования данной концепции и создание основанной на ней политической стратегии развития китайского государства проходил постепенно в ходе бурных, серьезных дискуссий. Сталкивались две точки зрения, два подхода – если одни представители партийно-государственного аппарата настаивали на сохранении прежней модели социально-экономического развития страны, не возражая в то же время против определенных ее модификаций, (естественно с учетом уроков «большого скачка» и «культурной революции») то другие, напротив предлагали искать новую модель, лучше отвечающую конкретным условиям Китая. Политическим и идейным вдохновителем второго подхода был Дэн Сяопин. Он и его единомышленники считали, что специфика китайского общества требует нестандартных подходов, в частности, отказа от высокой степени централизованного управления экономикой. В декабре 1978 г. на пленуме ЦК КПК одиннадцатого созыва была выдвинута ставшая впоследствии знаменитой «политика реформ и открытости». Не следует думать, что рождение новой модели происходило безболезненно, напротив, она рождалась в трудных муках, в результате экспериментов, в преодолении сопротивления твердолобых консерваторов и радикализма ультрареформаторов.

Самый главный урок, который извлек Дэн Сяопин в конце 1970-х гг. из прошедших тридцати с лишним лет нахождения у власти Компартии, заключался, на наш взгляд, в том, что гарантией успешного развития экономики является политическая стабильность. Именно поэтому все свои действия он подчинял ее сохранению.

**К оценке политического документа –
«Решение по некоторым вопросам истории нашей партии
со времени образования КНР»**

Как известно, во времена «культурной революции» Дэн Сяопин подвергся репрессиям, был объявлен «идущим по капиталистическому пути» и сослан на завод в одну из провинций Китая

для идеологического перевоспитания, где он пробыл почти четыре года. Второй раз Дэн Сяопин пережил опалу весной 1976 г. В обоих случаях Дэн Сяопин переживал травлю, клевету, преследования членов семьи. Естественно, что главным виновником во всех его «бедах» был Мао Цзэдун. Однако интересы государства оставались для него выше личных. Поэтому когда встал вопрос об оценке исторической роли Мао Цзэдуна, Дэн Сяопин занял объективную позицию. Мао Цзэдун был одним из основателей Коммунистической партии Китая, в течение многих лет руководил вооруженной борьбой партии против ее политического противника – Гоминьдана, ему принадлежат заслуги в создании Китайской Народной Республики, в достижениях в социалистическом строительстве в первые годы ее существования.

Однако впоследствии Мао Цзэдун совершил серьезные ошибки в своей политической деятельности – инициировал «большой скачок», а затем развязал «культурную революцию». Личный опыт взаимоотношений Дэн Сяопина с Мао Цзэдуном давал ему возможность негативно оценить деятельность Мао Цзэдуна. Однако в таком случае ставился под сомнение не только авторитет лично Мао Цзэдуна, но и Коммунистической партии, ее право на власть в стране, что могло привести к дестабилизации политической ситуации, подорвать веру китайцев в идеалы социализма. Однако как руководитель КПК и государственный Дэн Сяопин не мог допустить подобного. Тем более, что он искренне считал, что заслуги Мао Цзэдуна перевешивают его ошибки.

В ноябре 1979 г. под непосредственным руководством Дэн Сяопина началась подготовка специального документа, посвященного оценке исторического пути Компартии Китая, политической деятельности Мао Цзэдуна, его места в истории Китая. В ней участвовало большое количество экспертов, партийных работников, в том числе высших руководителей партии. Очевидно, что в процессе работы над документом велись жаркие дискуссии, сталкивались различные мнения, тщательно рассматривалось каждое положение. В июне 1981 г. состоялся VI пленум ЦК КПК 11-го созыва, на котором было единогласно одобрено специальное «Решение по некоторым вопросам истории нашей партии со времени образования КНР».

Естественно, что главным итогом деятельности КПК на всем протяжении ее истории объявлялись «огромные успехи в деле социалистической революции и социалистического строительства». При этом подчеркивалось, что «победа китайской революции является крупнейшим после второй мировой войны политическим событием», оказавшим глубокое влияние на всю систему международных отношений и борьбу народов за свое национальное и социальное освобождение.

Что касается периода существования Китайской Народной Республики, то в «Решении...» были отмечены следующие успехи: создано единое государство, преодолена «разобщенность, существовавшая в старом Китае». Это действительно было исторической правдой, ибо с середины XIX в. Китай попадает в зависимость от империалистических держав Запада, а после падения Цинской династии разделился на ряд «удельных княжеств», возглавлявшихся милитаристскими кликами. И хотя существовавшая с 1911 г. Китайская Республика явилась впоследствии одним из учредителей Организации Объединенных Наций, это был скорее жест вежливости со стороны западных держав, связанный с участием китайского государства в войне против Японии как их союзника, чем признание ее международного авторитета. Далее в «Решении...» перечислялись успехи, достигнутые народным Китаем в развитии экономики, образования, науки и культуры. Говорилось и о том, что основы китайской индустрии, ведущие отрасли тяжелой промышленности были созданы при помощи Советского Союза. Вместе с тем в «Решении...» содержалось признание большого количества серьезных ошибок, совершенных руководством Компартии «в анализе обстановки и в понимании специфики Китая». В первые годы существования КНР это проявлялось в преувеличении масштабов классовой борьбы, а в экономическом строительстве – в «забегании вперед». Но самой серьезной ошибкой «всеобщего и длительного характера» явилась «культурная революция». Ей в «Решении...» посвящен специальный раздел. В нем подчеркивается, что «культурная революция» была смутой, вызванной сверху, по вине руководителя (т. е. Мао Цзэдуна. – В.Б.) и использованной контрреволюционными группировками, смутой, которая принесла серьезные бедствия партии, государству и всему многонациональному народу».

В партийном документе откровенно и прямо говорилось об отрицательных явлениях, существовавших тогда в партии, «об ошибочном левацком, единоличном руководстве товарища Мао Цзэдуна, фактически заменившего собой коллективное руководство ЦК партии», о том, что *«культ личности тов. Мао Цзэдуна был раздут до фанатизма»* (выделено нами. – В.Б.), содержалась и прямая, нелюбезная критика в адрес Мао Цзэдуна. В то время, когда перед партией вставали серьезные задачи по строительству социализма и от ее членов требовалась особая осмотрительность в своих действиях, «авторитет товарища Мао Цзэдуна достиг своего пика. Он стал все больше зазнаваться, отрывать от действительности и масс, впадать в субъективизм, самоуправствовать и возвышать себя над ЦК партии, что постепенно ослабляло и даже подрывало принцип коллективного руководства и демократического централизма в партийной и государственной жизни» (выделено нами. – В.Б.).

Авторы документа пытаются понять и объяснить, почему партия, которая в общем успешно действовала в течение трех десятилетий до взятия власти, а затем в первые годы «социалистического строительства», не смогла предотвратить «культурную революцию», а еще раньше «большой скачок» и «борьбу с правыми элементами». По их мнению, причин несколько: во-первых, отсутствие опыта работы в новых условиях, когда партия стала правящей, во-вторых, сильное влияние пережитков феодальных отношений, в-третьих, ошибочное и догматическое толкование положений, содержащихся в трудах классиков, например, о том, что и после завершения в основном социалистических преобразований мелкое производство ежедневно, ежечасно и в массовом масштабе рождает капитализм и буржуазию (явный намек на В.И.Ленина) и т. д. При этом вина за совершенные ошибки была возложена не только на Мао Цзэдуна, который был признан главным виновником, но и на все руководство партии. Это было смелое самокритичное признание своих ошибок (Например, Дэн Сяопин, будучи во второй половине 1950-х гг. генеральным секретарем партии, сыграл большую роль в борьбе с так наз. «правыми элементами», в число которых незаслуженно попало большое количество партийной, научной и вузовской интеллигенции, высказывавших справедливые критические замечания относительно работы партийно-

государственного аппарата.) В этой связи нельзя не вспомнить, что Хрущев вину за репрессии во второй половине 1930-х гг. возложил только на Сталина, позднее добавив к нему антипартийную группу Молотова, Маленкова и Кагановича, но себя, Микояна и других руководителей ВКП (б) исключил из числа виновных.

Большой раздел в документе был посвящен месту Мао Цзэдуна в истории. Общая оценка его деятельности была выражена следующими словами: «Товарищ Мао Цзэдун – великий марксист, великий пролетарский революционер, стратег и теоретик. Если рассматривать его жизнь и деятельность в целом, то заслуги его перед китайской революцией в значительной степени преобладают над промахами, допущенными в «культурной революции». Его заслуги занимают главное, а ошибки – второстепенное место». При этом подчеркивалось, что от ошибок не застрахован никто, их совершали и Маркс, и Ленин. Далее в документе подвергались критике как те, кто, ссылаясь на ошибки Мао Цзэдуна, «пытается отрицать научную ценность его идей», так и те, кто отрицает совершение им ошибок и призывает во всем следовать его указаниям. По мнению его авторов, необходимо разграничивать «идеи Мао Цзэдуна» как научную теорию от его ошибок. При этом сами «идеи Мао Цзэдуна» объявляются квинтэссенцией коллективной мудрости КПК, ибо в их становление и развитие внесли свой вклад многие ее руководители.

В документе не раз подчеркивается, что совершая ошибки, Мао Цзэдун искренне верил, что он поступает в соответствии с положениями классиков марксизма, в чем и заключается его трагедия. Поэтому его ошибки – это ошибки великого пролетарского революционера. «Решение ЦК КПК по некоторым вопросам истории нашей партии со времени образования КНР» было сбалансированным, оно преследовало цель подтвердить право Компартии на дальнейшее руководство китайским государством. Если бы вся деятельность Мао Цзэдуна и КПК была сведена к ошибкам, то естественно возник вопрос о законности ее руководящего места в обществе. Озабоченные сохранением социально-политической стабильности в стране китайские руководители не могли допустить идейных шатаний в партии и народе. Тем не менее, опубликованное в июне 1981 г «Решение...», было достаточно откровенным, в нем подробно говорилось не только о до-

стижениях, но и об ошибках и преступлениях, совершавшихся от имени КПК, вскрывались их причины, намечались пути искоренения. Это был серьезный аналитический документ, с которым ни доклад Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС, ни Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий» не идут ни в какое сравнение, ибо доклад был в основном эмоциональным откликом на трагические события недавнего прошлого, а постановление не содержало глубокого анализа культа личности И.В.Сталина и причин его возникновения. Но самое главное, не было сделано серьезных выводов, не были извлечены необходимые уроки.

Ценность «Решения...» состояла в том, что в нем давалась объективная оценка событиям и деятелям в истории компартии. Это открыло в дальнейшем путь к пересмотру роли целого рода выдающихся деятелей китайского коммунистического движения, которые из-за совершенных ими ошибок впоследствии были исключены из ее истории. Для сравнения. Такие исторические фигуры в истории КПСС, как Бухарин, Рыков, Каменев, Зиновьев, Пятаков и др., проходившие по процессам 1936–1938 гг., были реабилитированы только в конце 1980-х гг. прошлого столетия, а объективной оценки исторической роли Троцкого нет до сих пор. В этом «Решении...» содержались также положения, имевшие характер практических рекомендаций для деятельности партийных и государственных организаций, и позволявших избежать повторения ошибок прошлых лет.

И еще одно немаловажное обстоятельство. После принятия «Решения...» по всей стране – в партийных организациях, учреждениях, учебных заведениях и т. д. была проведена соответствующая разъяснительная кампания, а затем вся дальнейшая работа по осмыслению исторического прошлого, связанного с деятельностью КПК, была «передана» историкам. Каких-либо широких обсуждений идейно-политического характера на эту тему в Китае с тех пор больше не проводится.

К оценке студенческих волнений во второй половине 80-х г. XX века

В этот период в кругах китайской интеллигенции стало высказываться мнение о необходимости ускоренного проведения политической реформы, при этом некоторые ее представители призывали к заимствованию западного опыта, в частности, практики разделения властей. Под их влиянием, начиная с конца 1986 г., в вузах страны начинает постепенно формироваться студенческое движение, лозунгом которого становится широкая демократизация общества. В декабре того же 1986 г. в различных городах страны состоялись массовые демонстрации студентов, которые требовали свободы слова, собраний, выборов, введения многопартийной системы и т. п. Первую волну студенческих волнений удалось преодолеть благодаря сочетанию кадровых решений и репрессивных мер с идейно-воспитательной работой. Однако весной 1989 г. началась новая волна студенческих волнений, в ходе которых не просто высказывались критические замечания в адрес существующей политической системы, но и ставилась под сомнение руководящая роль Компартии, вообще сам социалистический строй, звучали резкие обвинения в адрес руководителей партии и государства, Дэн Сяопина лично. В конечном счете, протестное движение студентов принимает форму коллективной голодовки на центральной площади Пекина – Тяньаньмэнь. После безрезультатных попыток освободить ее власти были вынуждены применить силу. Во время подавления студенческого бунта среди его участников были сотни убитых и раненых.

Обосновывая свои действия, руководство Китая и лично Дэн Сяопин неизменно подчеркивали, что речь в данном случае шла, во-первых, не о подавлении демократии, а о пресечении контрреволюционного мятежа и, во-вторых, что самое важное для нашего анализа, – о необходимости обеспечения политической стабильности. Дэн Сяопин и до этих событий, и во время, и после них не раз говорил о том, что политическая стабильность является залогом успешного осуществления экономических реформ.

Идейными вдохновителями студенческого движения второй половины восьмидесятых годов прошлого столетия выступали те представители китайской интеллигенции, которые являлись сто-

ронниками западной демократии, западной модели общественного развития. Однако их программа была оторвана от реалий своей страны. То, что они предлагали, – многопартийность, неограниченная свобода печати, собраний и т. п. представляло собой слепок политической системы западных стран, которые находились на совершенно иной ступени социально-экономического развития, имели богатые демократические традиции. Осуществление предлагавшейся ими программы неизбежно привело бы к кризисным явлениям в китайском обществе, политической нестабильности и т. д. Главное заключалось в том, что у представителей «китайского демократического движения» не было каких-либо заслуживающих внимания предложений относительно путей развития экономической системы страны. Подобное обстоятельство – неудивительно, поскольку лидерами этого движения выступали преимущественно ученые-гуманитарии, журналисты, писатели. Они были некомпетентны ни в области политики, ни, что самое главное, в области экономики. Поэтому в случае их прихода к власти страной стали бы управлять непрофессионалы и Китай пережил такую же ситуацию, в какой позднее, в 1990-х гг. оказалась Россия. Вот почему китайское руководство предпочло стабильность в обществе реформированию политической системы. Тем не менее, после событий на площади Тяньаньмэнь был принят целый ряд мер по усилению борьбы с явлениями коррупции, взяточничества, разложения кадровых работников, которые вызывали недовольство народных масс, студенчества.

О положении в автономных районах страны

На Западе много говорят и пишут относительно подавления прав и свобод национальных меньшинств в Китае, в частности, в таких районах как Тибет и Синьцзян. Согласно Конституции КНР в Китае существует пять автономных районов, живущие в них национальные меньшинства имеют равные права с собственно китайской, т. е. с ханьской нацией. В Конституции КНР признается право нации на самоопределение, однако в ней никогда не было пункта относительно права выхода национальных автономий из состава Республики.

Действительно, в Тибетском и Синьцзян-Уйгурском автономном районах существуют определенные проблемы. Они обусловлены многими причинами – историей их взаимоотношений с центральным китайским правительством, социально-культурными и национально-психологическими различиями между собственно китайцами и жителями этих районов, ошибками, допущенными центральной властью в период «большого скачка» и «культурной революции», недостатками в кадровой политике.

Возникает, однако, важный вопрос – можно ли оценивать существующие в этих районах проблемы, например, в том же Тибете с точки зрения универсальных прав и свобод человека? После воссоединения Тибета с Китаем в 1950 г. многие традиционные нормы жизни, стандарты поведения, стереотипы сознания тибетцев стали постепенно меняться. Это было естественным явлением, поскольку в ранее отсталый район пришла намного более передовая цивилизация. Достаточно сказать, что тогда в Тибете продолжали существовать теократический режим, феодальные и рабовладельческие порядки, сопряженные с соответствующими культурными ценностями. Понятно, что начинающиеся социальные изменения не могли устроить значительную часть тогдашней национальной элиты.

Следует подчеркнуть, что Далай-лама и его окружение сегодня уже не те, кем они были 50 с лишним лет назад в 1959 г. в момент вооруженного восстания против Центрального правительства. Тогда они были рабовладельцами и феодалами с соответствующей их социальному статусу идеологией. Теперь после многих лет пребывания за границей, длительного общения с политическими и культурными деятелями Запада и Востока, знакомства с западными демократическими традициями мировоззрение Далай-ламы и окружения впитало в себя ценности либерализма. Но и Тибет после 1959 г. претерпел значительные изменения и особенно после 1978 г. с началом политики реформ. Политика Центрального правительства в отношении Тибета стала более взвешенной и продуманной, более адекватной социально-историческим и культурным условиям автономного района. Однако власть многовековых традиций продолжает довлеть над сознанием и поведением тибетцев. Новые, прогрессивные веяния, ценности с трудом воспринимаются

частью старой национальной элиты, состоящей в основном из религиозных деятелей. Они продолжают оказывать влияние на рядовых тибетцев, провоцируя их на антиправительственные выступления. Но распространение новых, передовых культурных ценностей – вопреки мнению определенной части западного общества – нельзя рассматривать как подавление прав и свобод граждан, а борьбу с этими ценностями как прогрессивное действие. Следует подчеркнуть, что мероприятия китайских властей в Тибете во многом совпадают с тем, как в аналогичных случаях поступают в западных странах: во Франции, например, девочкам из мусульманских семей запрещено посещать школу в черных платках, поскольку это противоречит принятым там правилам. Во Франции и Бельгии законодательно запрещено ношение хиджаба. Между прочим, Центральное китайское правительство сохранило в Тибете традиционную религиозную структуру, существовавшую до 1950 г. – систему ламства во главе с далай-ламой и панчен-ламой.

В 2001 г. была принята «программа развития большого Запада», которая включает западные провинции Китая, а также Тибетский автономный район (ТАР) и Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР). Рассчитанная на длительную перспективу она предусматривает широкомасштабное экономическое, социальное и культурное развитие данного региона. Выделяются значительные финансовые средства, одновременно в этот регион направляются кадровые работники, специалисты различных сфер народного хозяйства, выпускники вузов. Поставлена цель – обеспечить стабильное развитие «большого Запада», в том числе и национальных районов. Следует учитывать, что и в Тибете, и в Синьцзяне действуют сепаратистские силы, которые заинтересованы в подрыве территориальной целостности Китая и создании независимых государств – Тибета и Восточного Туркестана (Уйгурстана). О серьезности проблемы свидетельствуют массовые беспорядки в Лхасе (центр Тибетского района) в марте 2008 г. и Урумчи (центр Синьцзян-Уйгурского района) в июле 2009 г., обернувшиеся в обоих случаях погромами, насилием и кровопролитием. Одной из мер, принимаемых китайскими властями для преодоления местного сепаратизма, является создание массовой базы для существующего режима в виде увеличения

присутствия здесь представителей собственно китайской, т. е. ханьской нации. В Тибете в силу географических и климатических условий подобная мера трудно осуществима, поэтому в нем в настоящее время проживает менее 5 % ханьцев. В то же время в Синьцзяне их численность превысила 40 % (в 1949 г. их было примерно 5 %), а в Урумчи они составляют уже большинство населения. В этом, кстати, принципиальное отличие положения в СУАР от обстановки в таких северокавказских республиках России, как Чечня и Ингушетия, где русских практически совсем не осталось, и они стали фактически мононациональными.

В буддизме нет радикального течения как в исламе, может быть поэтому автономный район Внутренняя Монголия сегодня – это быстро развивающийся район, а политическая и социальная ситуация здесь остается стабильной. Более того, в отличие от Синьцзяна там нередки межнациональные браки. Для монголки, например, выйти замуж за китайца считается престижным. Недавние волнения здесь вызваны скорее социальными, чем национальными причинами.

Следует подчеркнуть, что при всех издержках национальной политики китайских коммунистов в автономных районах, особенно в период до 1979 г., нельзя отрицать того очевидного факта, что эти районы, за прошедшие 60 лет совершили громадный рывок в своем социальном, экономическом и культурном развитии. Были, в частности, подготовлены тысячи кадровых работников, специалистов различного профиля из числа представителей коренных национальностей. С этой целью были созданы специальные институты в автономных районах, а также Центральный институт национальностей в Пекине, в котором готовятся и кадровые работники из числа китайской (ханьской) нации для работы в национальных автономиях. В национальных районах появились специальные научно-исследовательские учреждения по гуманитарным наукам, ведется большая работа по изучению истории и культуры национальных меньшинств.

О политическом режиме в современном Китае

Внимание китайского руководства, всех ветвей власти к сохранению политической и социальной стабильности объясняется тем, что бездумное, без учета конкретной социально-культурной обстановки реформирование политической системы страны может обернуться крупными социальными потрясениями. Китайские руководители, безусловно, учитывают печальный опыт перестройки в Советском Союзе, постсоветской России в последние двадцать с лишним лет. Они отлично понимают, что права и свободы человека при всей их неизменной универсальности существуют, тем не менее, в определенном социально-историческом и культурном контексте, и поэтому их реализация потребует большого исторического периода и соответствующих значительных социальных, культурных и, конечно же, экономических изменений.

Подобный подход, несомненно, зависит от качества китайской политической элиты. В отличие от российской, она является *националистической* в лучшем смысле этого слова. Она осознает свои обязанности перед народом, видит свою цель в процветании народа, ее невозможно заставить действовать вопреки национальным интересам. Как справедливо пишет известный российский эксперт М.Делягин: «главное отличие Китая от России не в тех людях, которые работают, а в тех, которые руководят. Элита Китая ощущает ответственность перед своей страной. Эти люди в первую очередь работают для страны, хотя, конечно же, есть и те, кто берет взятки, работает на свой карман. В России же большинство чиновников ничем не отличаются от предпринимателей. Только бизнесмен зарабатывает за счет заводов или торговли, а эти богатеют за счет принятия соответствующих государственных решений. И если родина китайских руководителей – Китай, то родина критически значимого числа наших руководителей – это то место, где им удобнее потреблять. То есть Куршавель»³. Неудивительно, что антикоммунист Бжезинский откровенно был вынужден признать, что у Китая более умная, чем в России политическая элита⁴.

Поэтому нельзя не согласиться с мнением российского исследователя политических процессов в Китае и России В.Ф.Бородича, что характерной чертой правящей элиты России является **космо-**

политичность. Придя к власти, она не имела какого-либо ясного представления о стратегии для российского общества и не нашла ничего другого как заимствовать на Западе идею либерально-рыночной модернизации. Что же касается политического режима в современной России, то он, очевидно, является авторитарным, хотя и облачен в демократические одежды.

Существующий в Китае политический режим также следует назвать авторитарным, ибо в современных условиях другого в стране просто быть не может, ибо так называемый процесс демократизации, наблюдавшийся в Советском Союзе при Горбачеве и в первые годы президентства Ельцина, в случае его осуществления в Китае привел бы к тому, что в стране не было бы ни демократии, ни развития, а возможно и единого китайского государства. Но Китай не попал в либеральную ловушку, как это случилось с Россией.

Однако за период реформ авторитарный режим в стране претерпел значительные трансформации – из жесткого он стал мягким: повышение уровня коллективного принятия решений, расширение социального состава Компартии, введение прямых выборов в местные советы народных депутатов, регулярные консультации с представителями «демократических партий», повышение роли собраний народных представителей, усиление механизма обратной связи между правительством и населением и т. д.⁵

Вместе с тем, в целях недопущения подрыва политической стабильности, китайское руководство в случае необходимости прибегает к уголовному преследованию лиц, выступающих против государственной власти. Оно совершенно справедливо исходит из того, что политическая нестабильность подорвет развитие экономики, приведет к краху «политику реформ и открытости».

Интересно отметить, что репрессивные методы правления берут на свое вооружение и партии, являющиеся по своей природе антикоммунистическими. Яркий тому пример – Тайвань, провинция Китая, с 1949 г. существующая де-факто независимо от Центра. В течение почти сорока лет – с 1950 г. по 1988 г. на острове существовал жесткий авторитарный режим, который контролировал не только политическую, но и экономическую жизнь общества. Это обеспечивалось однопартийной системой Гоминьдана. Всякое проявление оппозиционности, как, например, создание других

партий, газет и журналов, независимых от правительства, жестоко подавлялось. Представительные органы власти отсутствовали, функции Национального собрания были чисто номинальными. По своей организационной структуре Гоминьдан был похож на КПСС – строгая централизация, культ вождя Чан Кайши, который был похож на культ личности Сталина и Мао Цзэдуна. Например, все основные экономические проекты осуществлялись по инициативе и под руководством высших органов Гоминьдана и назначенного ими правительства. Именно они вырабатывали стратегию экономического развития, в том числе четырехлетние, шестилетние и десятилетние планы, в ходе реализации которых строились приоритетные объекты, находили средства, особенно в 1950–1960-е гг., для их сооружения, определяли политику преобразований в сельском хозяйстве, проводили, в частности, аграрную реформу.

Только после создания серьезной экономической базы началась демократизация политической и общественной жизни Тайваня. Повторяю, на это ушло почти сорок лет, а на острове тогда проживало немногим более двадцати миллионов человек. В то же время население материкового Китая составляет в настоящее время свыше 1 млрд 300 млн человек, а экономическая модернизация осуществляется немногим более тридцати лет.

Поэтому главное содержание китайского модернизационного проекта – экономическая реформа, проведение которой невозможно без сильной крепкой власти. Изменения в политической области также необходимы, но они должны быть постепенными и соответствовать наличной в каждый данный момент экономической ситуации.

В Китае практически нет негосударственных экспертных организаций. Все они прямо или косвенно работают на государство. Однако данное обстоятельство не мешает им быть хорошо информированными и объективными в анализе, поскольку в этом заинтересованы их заказчики – партийные и правительственные органы. Прежде всего, существует вертикаль аналитических центров при правительствах разного уровня, начиная с Центрального правительства в Пекине. Главным является Центр изучения развития при Госсовете КНР. Аналогичные названия имеют аналитические центры в провинциях и городах. В них работают профессионально подготовленные эксперты по внутренним и внешнеполитиче-

ским вопросам, многие из которых имеют профессорские звания и пользуются авторитетом в кругах ученых не только в Китае, но и за рубежом⁶. Аналитический Центр в Пекине фактически является Министерством стратегического анализа. Это – мозговой центр правительства, он возглавляется директором в ранге министра, помимо функциональных отделов по направлениям имеет в своем составе несколько научно-исследовательских институтов, а также издает несколько журналов. Финансирование деятельности подобного рода центров осуществляют соответствующие правительства.

Их сотрудники имеют право в своих докладах, записках высказывать любые мнения относительно существующей в стране, прежде всего, экономической и политической системы, даже не совпадающие с существующей официальной точкой зрения. Единственное, что им не позволено, – ставить под сомнение «четыре основных принципа» – руководство обществом со стороны Коммунистической партии, демократическая диктатура народа, руководящая роль марксистской идеологии и курс на строительство социализма.

О состоянии и основных чертах современной теоретической и идеологической деятельности КПК

Следует подчеркнуть, что в результате трансформации содержание этих четырех принципов кардинальным образом отличается от принятого в классической версии марксизма. Эта трансформация произошла по разным объективным причинам. Во-первых, постепенно меняется социальный состав Коммунистической партии за счет увеличения в ней доли непролетарских элементов, происходит значительное повышение интеллектуального и культурного уровня ее кадровых работников, абсолютное большинство из них имеют высшее образование, многие владеют иностранными языками, знакомы с реалиями ведущих государств мира. Во-вторых, сегодня в понятие «народ» в Китае включают не только и не столько традиционный фабрично-заводской рабочий класс и крестьянство, но и интеллигенцию, предпринимателей, т. е. появившийся в результате реформ средний класс. В-третьих, марксизм, являю-

щийся по-прежнему официальной идеологией КПК, является по сути «китаизированным марксизмом», теорией, приспособленной к конкретным условиям современного китайского общества, к «политике реформ и открытости». Он рассматривает реальные проблемы, существующие в стране не под углом зрения классовой борьбы, а в русле социальной гармонии, в чем-то перекликающейся с идеями конфуцианства. Наконец, в четвертых, теоретической основой социалистического строительства является концепция «социализма с китайской спецификой», которую включает в себя следующие основные положения:

- отказ от общественной собственности на средства производства как от единственной формы собственности;
- признание частной собственности законной формой собственности;
- признание законным существование частных промышленных предприятий в больших масштабах;
- предоставление крестьянам земли в длительное пользование;
- наличие индивидуальных крестьянских хозяйств как преобладающей формы хозяйствования в деревне;
- признание возможности существования нетрудовых доходов, полученных законным путем;
- наличие инструментов хозяйствования, характерных для капиталистического способа производства (акции, биржи и т. д.);
- признание законным неравенства в доходах (часть людей может становиться зажиточными раньше других);
- наличие смешанных (с участием иностранного капитала) и полностью иностранных предприятий на территории страны;
- регулирование деятельности предприятий, банков, финансовых компаний по международным правилам (в связи со вступлением Китая в ВТО);
- расширение социального состава Компартии за счет приема в нее частных предпринимателей и торговцев;
- привлечение иностранных инвестиций;
- создание специальных экономических зон с преференциями для промышленных предприятий (в том числе частных и иностранных);
- широкое использование иностранного опыта и специалистов;
- внедрение передового опыта в области науки и техники;

– сосуществование в рамках одного государства двух различных общественно-экономических систем (материковый Китай и Гонконг, Макао).

В российской и мировой литературе широко дискутируется вопрос о характере социально-экономического строя Китая и идеологической доктрины КПК. Значительное количество исследователей считает, что современное китайское общество не является социалистическим. «Многие наши коллеги и ряд авторитетных западных и российских политологов утверждают, что социально-экономические реформы в КНР есть не что иное, как строительство капитализма под знаменем социализма,– пишет известный российский китаевед академик М.Л.Титаренко, – по их мнению, “китайский социализм” – не более чем эвфемизм, упреждающий возмущение народа. Ему, мол, только подсовывают социалистические лозунги, а на самом деле вся практика сугубо капиталистическая»⁷. Они ссылаются в этой связи на допущение частной собственности, рыночные отношения, появление значительного слоя торгово-промышленной буржуазии (предпринимателей или представителей бизнеса, как их называют в Китае). М.Л.Титаренко не согласен с подобными утверждениями. Он считает, что практические новации китайского руководства вполне объяснимы, поскольку социалистическому Китаю на нынешнем этапе своего социально-экономического развития приходится решать задачи буржуазно-демократической революции, которые Китай не мог ранее решить в силу незрелости капиталистических отношений. Представления о строительстве в Китае капитализма, пишет он, порождены технократическими подходами, устаревшими представлениями о социализме и о переходном периоде от капитализма к социализму. Ошибочность прежних представлений марксистских теоретиков о нем, считает М.Л.Титаренко, заключалась в том, что они уповали на так называемую «социальную инженерию», «когда перескакивали через целые этапы исторического и социально-экономического развития. “Рождение ребенка” происходило не за естественные 9 месяцев, а за 5–6 месяцев, а потом он выращивался как бы в инкубаторе. Роль “инкубатора” играла поддержка и помощь СССР. Но трагедия заключалась в том, что этот “социалистический инкубатор” сам с социально-экономической, культурной точки зрения нуждался в еще более мощном и объем-

ном инкубаторе»⁸. Отсюда выдвижение идей о так наз. некапиталистическом пути развития и социалистической ориентации, согласно которым движение к социализму может быть начато даже на полуфеодальной основе.

Заслуга китайских руководителей второго поколения (Дэн Сяопин) состоит в том, что они отказались от романтических и утопических представлений о социализме и пришли к пониманию того, что построение такого общества потребует усилий десятка, а может быть и больше поколений. Они заявили поэтому, что Китай в настоящее время находится на начальном этапе строительства социализма. Как мы уже отмечали, теоретической основой нового курса китайского руководства является концепция «социализма с китайской спецификой» (в китайской терминологии «теория Дэн Сяопина»). Согласно этой концепции, в переходный период к социализму допускается существование многоукладной экономики (в том числе крупного частного сектора) при сохранении командных высот в ней (банки, транспорт, предприятия стратегического характера, в том числе сырьевые) в руках государства. Нельзя не вспомнить в этой связи, что в свое время В.И. Ленин называл общество переходного периода «государственным капитализмом».

В свое время в статье, посвященной четвертой годовщине Октябрьской революции, В.И. Ленин писал: «Мы рассчитывали, поднятые волной энтузиазма, разбудившие народный энтузиазм сначала общеполитический, потом военный, мы рассчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие (как и общеполитические, как и военные) экономические задачи. Мы рассчитывали – или, может быть, вернее будет сказать, мы предполагали без достаточного расчета – непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по коммунистически в мелкокрестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку. Потребовался ряд переходных ступеней: государственный капитализм и социализм, чтобы *подготовить* — работой долгого ряда лет подготовить – переход к коммунизму. Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостки, ведущие в мелкокрестьянской стране через государствен-

ный капитализм к социализму; иначе вы не подойдете к коммунизму, иначе вы не подведете десятки и десятки миллионов людей к коммунизму. Так сказала нам жизнь. Так сказал нам объективный ход развития революции»⁹.

Словно следуя этим заветам Ленина, Компартия Китая большое внимание в своей экономической политике уделяет развитию частного предпринимательства. Хотя государственный сектор по-прежнему является жизненной артерией национальной экономики, однако по своему количеству, стоимости продукции, размеру капитала, численности занятых работников частные предприятия в промышленности уже превзошли государственные¹⁰.

Китайским руководством осуществляется широкая программа поддержки негосударственного сектора экономики, мелких и средних предприятий. Подобный подход обусловлен специфическими условиями Китая – наличием избыточных трудовых ресурсов и само государство не в состоянии предоставить работу всем желающим получить ее. О масштабах проблемы свидетельствуют следующие цифры – в городах заняты поиском работы 24 млн человек, включая несколько миллионов выпускников вузов. Поэтому китайское правительство призывает последних, с одной стороны, ехать на работу в западные и приграничные районы, а также деревни, а с другой стороны, открывать собственное дело, при этом желающим заняться бизнесом предоставляется кредит в размере не менее 50 000 юаней.

Фактически в Китае, создающем «социалистическую рыночную экономику», следуют приведенным выше словам В.И.Ленина. В частности, в разделе доклада Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК о распределении доходов декларируется сосуществование многообразных форм распределения, отстаивается господство принципа распределения по труду; указывается на необходимость одновременно учитывать и такие элементы производства «как внесенный труд, капитал, технология, проделанная управленческая работа и т. д.»; говорится также о необходимости готовить условия, чтобы «еще больше людей получало доходы от имущества». «Социализм с китайской спецификой» призван решить социально-экономические задачи, не решенные в стране в силу фактического отсутствия буржуазии. В их числе главным является создание современной промышленности.

Однако эта задача решается иными способами, чем это делалось в Советском Союзе в 1920-е гг., ибо пришло время глобализации. Не случайно в докладе подчеркивается, что «многополяризация мира необратима, экономическая глобализация идет по линии углубления, научно-техническая революция ускоренными темпами движется вперед, глобальное и региональное сотрудничество находится в стадии непрерывного роста, взаимозависимость между странами становится все более тесной». В конечном итоге оказывается, что принципиальное отличие китайской модели общественного развития от моделей, существующих в странах, где у власти находятся социал-демократы, состоит лишь в том, что в Китае во главе страны – авангардная, кадровая партия, именуемая коммунистической.

Творческий подход к решению проблем, выдвигаемых современным этапом развития страны, неразрывно связан с процессом «китаизации» марксизма, начатым еще первым поколением китайских руководителей (Мао Цзэдун) и продолженным вторым поколением, который в общем плане рассматривается как сочетание всеобщих принципов марксизма с китайской действительностью, с овладением богатым национальным наследием. Третье поколение китайских руководителей (Цзян Цзэминь) выдвинуло концепцию «тройного представительства», согласно которой КПК выражает интересы всего народа (а не только рабочего класса!), передовых производительных сил и передовой китайской культуры. В новых условиях Компартия Китая выступает не только руководителем рабочего класса, крестьянства и трудовой интеллигенции, но и представителем всех тех слоев, которые принимают активное участие в экономическом строительстве нового государства, будь то простой трудящийся или крупный предприниматель, бизнесмен, торговец, менеджер и т. д. Представителей всех этих слоев, занятых в процессе модернизации КНР, обобщенно называют «строителями нового Китая», «строителями китайского социализма».

Выдвинутая четвертым поколением китайских руководителей (Ху Цзиньтао) «научная концепция развития» ставит во главу угла человека, он объявляется «основой развития общества». В предшествующие годы чрезмерный упор делался на экономических показателях в ущерб вниманию к социальным проблемам. По словам М.Л.Титаренко, «вместо подчеркивания тезиса об обогащении

отдельных районов и отдельных лиц акцент делается на полном построении средне зажиточного общества и совместного роста благополучия, преодоления серьезной имущественной дифференциации общества. Речь, в частности, также идет о том, что упор на ускоренное развитие специальных экономических зон приморской части страны, Шанхая и Шэнчжэня, не должен ослаблять внимание к развитию внутренних районов и вести к игнорированию проблем старой индустриальной базы на Северо-Востоке Китая, к невниманию к нуждам села, одностороннему акценту на индустриализацию за счет деревни, к чрезмерному вниманию к положению элиты и невниманию к проблемам крестьян и рабочих»¹¹. Иными словами, «научная концепция развития» означает *комплексный* подход к развитию общества.

Принципиальные изменения в идейно-политических и социальных основах КПК приводят к появлению сложных и весьма противоречивых процессов в духовной сфере китайского общества. Наряду с официальной идеологией сформировались четыре теоретических течения, которые сосуществуют с ней, – *китайский либерализм, новый национальный патриотизм, неомарксизм и социал-демократизм*. Первое не только субъективно, но и объективно связано с Западом, который поддерживает его духовно, финансово и организационно. Его представители есть не только среди представителей прозападной интеллигенции, его идеи разделяет и часть партийно-государственных кадров высшего звена. Представители этого течения являются проводниками идей западного либерализма, в частности, парламентской демократии.

Национально-патриотическое течение отражает интересы низших и средних слоев партийно-государственного аппарата, включая военнослужащих. Их настроения выражены в двух книгах, вышедших на протяжении последних десяти лет: одна под названием «Китай может сказать: Нет!» и другая – под названием «Китай недоволен», опубликованных в 2005 и 2009 гг. В обоих случаях авторами являются сравнительно молодые люди, недовольные растущей, по их мнению, зависимостью Китая от Запада, разрушением китайских традиционных культурных ценностей, влиянием западного образа жизни и массовой культуры. Третье течение отражает взгляды многих представителей интеллигенции, недовольных обострением имущественной дифференциации вследствие рыночных

реформ и ростом коррупции. Представители четвертого – в основном старые члены компартии, недовольные забвением аутентичных принципов социализма и отсутствием в стране демократии.

В современном Китае серьезное изучение марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна постепенно отходит на второй план, ибо понятно, что классический марксизм (Маркс, Энгельс, Ленин) и идеи Мао Цзэдуна имеют мало общего с идейным багажом нынешней КПК. В основе ее идеологической доктрины лежит «китаизированный марксизм», поскольку китайским коммунистам приходится решать задачи, ответов на которые нет и не могло быть ни у классиков марксизма, ни у того же Мао Цзэдуна. Как справедливо пишет М.Л. Титаренко, «нынешний опыт Китая – это действительно великий эксперимент всемирного значения, поиск модели конвергентного общества, объединяющего идеи социальной справедливости и экономической эффективности (социалистическая рыночная система), государственной и личной ответственности и заинтересованности в социально-экономическом и культурно-цивилизационном развитии в направлении создания гражданского общества, многослойной политической надстройки и смешанной экономики. Главное – не мешать Китаю, уважать его право на выбор своего пути»¹².

В ходе проведения политики реформ и открытости подготовлено огромное количество профессионалов в области государственного управления, различных сфер экономики, культуры, образования, все они имеют большой опыт низовой работы. Это не менеджеры, как это принято теперь в России, где, кстати сказать, назначение на должность зачастую зависит не от профессионального уровня и индивидуальных качеств человека, а от личной преданности и земляческих связей.

Политическая стратегия китайской власти есть результат серьезной аналитической работы, осуществляемой в течение длительного периода времени большим количеством различных исследовательских центров разного уровня. Высшие представители китайского руководства регулярно встречаются не только с практическими работниками, но и с представителями академической науки. Политические решения по кардинальным социально-экономическим вопросам принимаются на основе анализа не только ситуации в самом Китае, но и в других странах, независимо от

их идейно-политической организации. В частности, после распада Советского Союза в течение более десяти лет общегосударственной темой научных исследований была тема, связанная с причинами этого распада. Китайская власть хотела путем развертывания серьезных исследований извлечь для себя необходимые уроки с целью предотвращения подобного развития событий в своей стране. Китайское руководство при принятии всех политических решений, выработке политической стратегии руководствуется исключительно национальными интересами. Осуществляя модернизацию страны, оно учитывает менталитет своих граждан, экономический и культурный потенциал государства. При этом китайские руководители никоим образом не отказываются от учета опыта других стран, сотрудничества с зарубежными экспертами, выслушивания их мнений. Однако последнее слово всегда остается за ними.

Именно поэтому в Китае каждый раз находят наиболее оптимальный выход из возникающих серьезных ситуаций, наиболее адекватные решения трудных проблем, несмотря на пессимистические прогнозы, постоянно высказываемые опытными аналитиками в различных странах мира, в том числе в России. Политические решения, как правило, оформляются в виде постановлений пленумов ЦК КПК, которые являются результатом длительной аналитической работы большого количества людей и изучения реального положения в той или иной сфере экономики и политики. Например, сразу же после «культурной революции» на III пленуме ЦК КПК одиннадцатого созыва одним из приоритетных вопросов было катастрофическое положение в сельском хозяйстве. При этом, если использовать слова Ленина, китайские коммунисты обратили внимание на центральное звено, ухватившись за которое можно вытащить всю цепь. На пленуме было подчеркнuto, что «лишь всемерно восстанавливая сельскохозяйственное производство, ускоряя его развитие... и постепенно осуществляя его модернизацию, можно обеспечить быстрое развитие всего народного хозяйства и непрерывно повышать жизненный уровень народа нашей страны»¹³. В Постановлении пленума содержались и конкретные предложения по нормализации обстановки в деревне, в частности, утверждалось право хозяйственной самостоятельности низовых организаций крестьян – производственных бригад, требование производить оплату по труду, и не допускать уравниловки;

впервые в партийном документе говорилось о том, что «подсобное домашнее хозяйство и рыночная торговля являются необходимым дополнением к социалистическому хозяйству»¹⁴.

Начиная с 1979 г. в руководстве партии, среди партийных теоретиков начинает складываться мнение о том, что рынок является необходимым элементом социалистической экономики. На официальном уровне это было зафиксировано в Постановлении ЦК КПК о реформе экономической системы, принятом на 3-м пленуме ЦК КПК двенадцатого созыва, состоявшемся в октябре 1984 г., где было четко прописано, что нельзя противопоставлять план и рынок, что они взаимно дополняют друг друга. Большую роль в создании социалистической рыночной экономики сыграли выступления и указания руководящих деятелей КПК, прежде всего Дэн Сяопина. На рубеже 1980–1990-х гг., когда произошел распад Советского Союза и развал мировой социалистической системы и когда, как следствие этого во многих странах мира и в самом Китае возникло разочарование в идеалах социализма, он неоднократно подчеркивал правильность курса, избранного Компартией Китая в декабре 1978 г., т. е. политики реформ и открытости. Одновременно подразумевалось, что поражение дела социализма в Советском Союзе и странах Восточной Европы связано с нереалистической, не соответствующей изменившимся социально-экономическим условиям политикой их руководства, хотя прямо об этом и не говорилось. Дэн Сяопин был решительным противником начетнического подхода к теории, буквального следования положениям классиков марксизма, их жизненность должна проверяться практикой, «изучать в марксизме-ленинизме надо самое главное, то, что нужно. Солидные труды пусть штудируют небольшое число специалистов, простому люду их не осилить. Заставлять их садиться за объемистые произведения – значит впадать в формализм, требовать нереального. Суть марксизма в реалистическом подходе к действительности. Надо выступать за реализм, а не за низкопоклонство. Успех нам в реформе и открытости принесли не книжки, а практика, реалистический подход к действительности. **Практика – единственный критерий для проверки истины** (выделено нами. – В.Б.)»¹⁵. Дэн Сяопин подробно говорил об опасности упрощенного понимания различий между капиталистическим и социалистическим обществами. Он подчеркивал, что

методы ведения хозяйственной деятельности являются чисто техническими средствами и что поэтому абсолютно неверно наличие рыночных отношений считать коренным признаком общественно-экономического строя: «Коренное различие между социализмом и капитализмом не в том, чего больше – планирования или рынка. **Плановая экономика – не равнозначна социализму, при капитализме тоже есть планирование. А рыночная экономика не равнозначна капитализму, при социализме, например, тоже есть рынок.** Как план, так и рынок – экономический расчет. Суть социализма в освобождении и развитии производительных сил, ликвидации капитализма, устранении поляризации и, в конечном счете, во всеобщей зажиточности»¹⁶.

Вместе с тем Дэн Сяопин подчеркивал, что конкретные мероприятия по реализации политики реформ и открытости определяются не вкусовыми предпочтениями руководителей в Центре и на местах, а обобщением предложений, инициатив, опыта людей, участвующих в реформах. То есть, эти мероприятия, как правило, не навязываются сверху, а появляются в результате изучения положения на местах, в экономической и политической сферах общественной жизни. Разительный контраст с Россией, где реформы буквально навязываются сверху вопреки протестам общественности, как, например, осуществляемые ныне структурные преобразования в средней и высшей школе. Поэтому в одном случае достижения перевешивают неудачи, а в другом случае наоборот.

Ярким свидетельством адекватного реагирования руководства Китая на социально-экономическую ситуацию в стране является своевременное изменение КПК теоретических положений. В настоящее время наряду с «концепцией социализма с китайской спецификой» или теорией Дэн Сяопина в идейном арсенале Компартии есть еще две концепции – важная идея «тройного представительства» и «научный подход к развитию». Первое теоретическое положение было связано с необходимостью вовлечения в модернизацию китайского общества не только рабочих и крестьян, но и представителей сформировавшегося среднего класса – интеллигенции, прежде всего, а также предпринимателей, которые в 1990-е гг. прошлого столетия составляли уже внушительную силу в количественном и экономическом отношениях. Появление второго теоретического положения было обусловлено несбалансирован-

ностью развития экономики и общества, когда общественный процесс стал сводиться только к экономическому росту, в результате чего было ослаблено внимание к решению социальных проблем.

Об особенностях политической стратегии китайского руководства на современном этапе

Нынешнее китайское руководство (Ху Цзиньтао, Вэнь Цзябао) наряду с экономикой все большее внимание уделяет тем сферам общественной жизни, которые непосредственно затрагивают жизненные интересы простых граждан на селе и в городе – здравоохранению, пенсионной системе, образованию. Поэтому в последние десять лет в политике китайского государства произошел поворот в сторону социальной сферы, прежде всего, в деревне. Как пишет известный российский исследователь Я.М.Бергер, «увеличены ассигнования на сельское здравоохранение и образование. Отменен сельскохозяйственный налог. Возросли вложения в инфраструктуру деревни... Косвенные, опосредованные сферой обращения субсидии крестьянам заменяются прямыми субсидиями. Особое внимание обращено на необходимость повышения доходов крестьян в основных зернопроизводящих районах. ...Усовершенствуется порядок возмездного изъятия земель. Подтверждено право крестьянских домохозяйств на легальную, добровольную и возмездную передачу права землепользования»¹⁷. Последнее обстоятельство имеет для китайских крестьян важное значение, поскольку до сих пор существует практика безвозмездного или за бесценок изъятия земель для строительства промышленных предприятий, дорог, зданий учебных заведений, жилья и т. д.

Проблема деревни является одной из самых серьезнейших проблем современного Китая, от решения которой зависит дальнейшее развитие страны. В деревне до сих пор проживает 2/3 китайского населения при том, что сельское хозяйство дает менее 15 % ВВП¹⁸. Большинство экспертов видят путь решения данной проблемы на пути урбанизации. Естественно, что на это потребуются не один десяток лет, ибо превращение сотен миллионов людей из сельских жителей, занятых преимущественно сельскохозяйственным трудом, в горожан, главной сферой приложения

труда которых станет неаграрная сфера, представляет собой задачу огромной сложности. Следует добавить, что для ее выполнения потребуются громадные средства.

Китайское руководство отлично осознает всю сложность данной задачи и понимает, что ее можно выполнить только постепенно, шаг за шагом. На состоявшихся в марте 2011 г. очередных сессиях Всекитайского собрания народных представителей и Народного политического консультативного совета Китая вопросы, связанные с сельским хозяйством, были одними из приоритетных. В докладе премьера Госсовета Вэнь Цзябао отмечались следующие достижения в этой области: окончательно отменены не только сельхозналог, но и «все и всякие сборы, пришел конец тому периоду истории, когда крестьянству пришлось платить за возделывание земли, а это равносильно снижению его ежегодной нагрузки на более чем 133,5 млрд юаней (1 доллар США равен примерно 6,4 юаня. – В.Б.)»¹⁹. Одновременно производственные дотации крестьянству только в 2010 г. составили 122,6 млрд юаней, минимальные закупочные цены на пшеницу и рис увеличились на 25–40 %, среднедушевые доходы крестьян продолжали расти, достигнув уровня в 5919 юаней. На перспективу намечена широкомасштабная программа одновременного осуществления процессов урбанизации и модернизации сельского хозяйства. Как отмечено в докладе «финансовые ассигнования сделают крен в сторону сельского хозяйства и села...»²⁰.

Подводя общие итоги одиннадцатой пятилетки, Вэнь Цзябао отметил, что валовой внутренний продукт (ВВП) составил 39,8 трлн юаней при среднегодовом приросте в 11,2 % (!), а финансовые доходы выросли с 3,16 трлн до 8,31 трлн юаней, численность трудоустроенных в городах и поселках возросла на 57,71 млн человек, а численность крестьян-мигрантов, перемещенных в город составила 45 млн человек, доходы городского и сельского населения выросли соответственно на 9,7 и 8,9 %, объем внешней торговли достиг почти 3 трлн долларов (!), причем продолжалось не только использование новых иностранных инвестиций, но и китайские компании стали вкладывать капиталы в проекты за границей. Общий объем прямых инвестиций в зарубежные объекты достиг 200 млрд долларов, а доходы от строительных подрядов и сотрудничества в сфере трудовых услуг за рубежом – 335,2 млрд

долларов; в сфере инфраструктуры за пятилетие построено 16 тыс. км новых железных дорог, 639 тыс. км новых шоссежных дорог, построено и реконструировано 33 аэропорта. Произошли значительные изменения в системе социального страхования: на уровне провинций создана единая система страхования по старости для городского населения и кооперативная система медобслуживания на селе, которые охватили почти 1300 млрд человек, т. е. практически все население Китая. Следует подчеркнуть, что вплоть до последнего времени медицинское обслуживание сельского населения Китая находилось на низком уровне. Далее в докладе говорилось о том, что новые квартиры получили 11 млн нуждающихся семей, полностью введено бесплатное обязательное обучение в городе и на селе, бюджетное ассигнование на науку и технику составило почти 620 млрд юаней при среднегодовом росте в 22,7%. Наконец, в предыдущей пятилетке в Китае состоялись Летние олимпийские игры и ЭКСПО-2010. Подытоживая итоги развития страны в одиннадцатой пятилетке, Вэнь Цзябао с гордостью сказал: «Остановив за относительно короткий срок тенденцию замедления экономического роста, **мы первыми в мире повернули экономику на путь подъема и улучшения**, а тем самым, в одной стороны, преодолели особого рода трудности и эффективно гарантировали и улучшили жизнь народа, а, с другой, заложили прочный фундамент для длительного развития (выделено нами. – В.Б.)»²¹.

Конечно, в докладе содержалось и признание определенных недостатков и промахов в работе правительства КНР. Речь шла, главным образом, о «структурно-институциональных проблемах», в частности, существуют проблемы экономии и нехватки ресурсов, большой разрыв в уровне доходов, отсутствие координации в развитии городов, сел и регионов, явление безработицы, дефицит высококачественного образования и медицинского обслуживания, наличие «ценовых пузырей» на недвижимость, случаи серьезной коррупции, безопасность пищевых продуктов и т. д.

Следует сразу же подчеркнуть, что было бы удивительным, если бы в Китае не было серьезных проблем – большая территория, огромное население, отсутствие многих природных ресурсов, например, нефти, дефицит пахотной земли и т. д. Тем не менее, за период одиннадцатой пятилетки (2006–2010 гг.), Китай смог с четвертого места по объему ВВП подняться на второе,

обойдя Германию и Японию. Экономические достижения страны можно объяснить богатым интеллектуальным потенциалом китайских руководителей и наличием у них продуманной стратегии развития государства.

Если говорить о новой двенадцатой пятилетке (2011–2015 гг.), то главной особенностью является ее большая в сравнении с прежними пятилетними планами **социальная ориентированность**. Предполагается, во-первых, увеличить занятость в городах и поселках на 45 млн человек; во-вторых, среднедушевые доходы городского и сельского населения будут увеличиваться на 7 с лишним процентов в год; уровень выплат из фонда медстрахования в рамках государственной политики превысит 70 %, гарантированным жильем будет охвачено около 20 % городских семей страны, средняя продолжительность жизни будет увеличена на один год (до 74,5 лет)²². Среднегодовой рост экономики будет составлять 7, а не 10–11 %, поскольку будет сделан упор на качество и эффективность работы народного хозяйства, а ВВП в 2015 г. превысит 55 трлн юаней²³. При этом доля расходов на научные исследования будет увеличена до 2,2 % ВВП, а доля бюджетных ассигнований на образование в 2012 г. – 4 %. Конкретизируя план на нынешний 2011 г., Вэнь Цзябао говорил следующее: ВВП вырастет примерно на 8 %, общий уровень роста потребительских цен будет удерживаться в пределах приблизительно 4 %. Занятость в городах увеличится на 9 с лишним млн человек, коэффициент зарегистрированной безработицы останется в пределах 4,6 %. Наряду с последовательным осуществлением политики на укрепление «базисного положения» сельского хозяйства путем предоставления различного рода помощи и льгот, будет продолжен курс на урбанизацию, в частности, тем рабочим, которые являются выходцами из крестьян и которые прожили в городах «установленное количество лет», будет разрешена постоянная прописка в городе. Следует подчеркнуть, что подобное обстоятельство имеет для Китая огромное значение. Дело в том, что все граждане Китая должны иметь постоянную прописку («хукоу»), ранее крестьяне всю жизнь были обречены оставаться сельскими жителями, даже если работали в городах. По грубым подсчетам ежегодно в городах работает 150 млн крестьян²⁴. Они заняты в различных отраслях промышленности, транспорте, строительстве, сфере обслуживания. Крестьяне, ра-

ботающие в городах, получили название крестьян-рабочих, это специфически китайское явление, их называют костяком рабочего класса. Тем не менее, до недавнего времени их социальный статус был ущемлен. Особенно это касалось представителей нового поколения крестьян-рабочих, т. е. тех, кто родился уже в городах – у них не было земли, они не имели средств производства, живя в городе, они были незнакомы с сельским хозяйством. Теперь же оба поколения крестьян-рабочих получили право стать законными городскими жителями.

При развитии системы образования будет сделан упор на равный доступ к нему подростков из семей городских и сельских жителей – «при размещении общественных ресурсов будет сделан крен в сторону сельских и слабых городских школ»; крупные ассигнования выделяются на улучшение системы здравоохранения.

Мировой финансовый кризис нанес определенный удар по экспортному потенциалу китайской экономики. В связи с этим китайское руководство провозгласило расширение внутреннего спроса долгосрочным стратегическим курсом, «основной исходной точкой экономического развития страны», «внутренней потребностью стимулирования равномерного развития экономики». То есть в современных условиях развитие внутреннего потребительского спроса населения страны становится теперь одной из основных задач государственных органов.

Следует еще раз подчеркнуть, что достижения китайской экономики объясняются наличием у руководства страны правильной политической стратегии, которая, если использовать слова из доклада Вэнь Цзябао, состоит «в органическом единстве государственного контроля и рыночного механизма, и как наиболее здоровый рыночный механизм, так и эффективный микроконтроль – жизненно важные составляющие системы социалистической рыночной экономики. Чью роль выявлять больше – рынка или правительства, необходимо решать с учетом конкретной ситуации. То, что мы при новых волнах международного финансового кризиса своевременно усиливали и улучшали макрорегулирование и микроконтроль, исправляли рыночные отношения и заделывали прорехи, появившиеся в силу бездействия рынка, во избежание резких колебаний экономики, является, как показывает практика, совершенно правильным»²⁵.

В настоящее время в китайской политэкономической науке официально принят термин «социалистическая рыночная экономика», на практике экономический рост обеспечивается рыночными механизмами, которые в большей или меньшей степени регулируются государством. При такой экономической парадигме постоянно возникают противоречия между законами рынка и действиями правительственных органов. Некомпетентное вмешательство последних может привести к дисбалансам в экономике, в то же время предоставление полного простора рыночным отношениям способно нанести ущерб социальной сфере.

По мнению Я.М.Бергера, Китай в настоящее время стоит перед необходимостью смены парадигмы экономического роста, поскольку прежняя уже исчерпала себя. В книге «Экономическая стратегия Китая» он пишет, что ее первостепенной задачей «было обеспечение количественного преимущественно экстенсивного роста экономики. Теперь же на первый план все больше выходят эффективность и конкурентоспособность экономики, качество жизни и смягчение тех противоречий, которые возникли и обострились на предыдущем этапе»²⁶. «Речь идет прежде всего о придании рыночной экономике существенно большей, чем прежде, социальной и экологической направленности и о создании ряда нерыночных институтов (таких, например, как система социального обеспечения и определенного выравнивания доходов), которые бы восполняли недостатки, имманентно присущие рыночной экономике»²⁷. Несомненно, что выбор новой парадигмы экономического роста должен учитывать два обстоятельства: во-первых, самые широкие интересы всех социальных групп китайского общества, а, во-вторых, традиционные для Китая ценности социальной гармонии, социальной справедливости, единства человека и природы. Создание новой парадигмы экономического роста, гармонично сочетающего рыночные механизмы и макрорегулирование экономики правительственными органами, – это грандиозная задача, требующая длительного исторического периода, причем «Китай не сможет обойтись усвоением чужого опыта. Ему придется создавать свой собственный и институциональный субстрат, подобный тому, который лежал в основе прогресса современных развитых стран...»²⁸

Рассмотрение политической стратегии китайского руководства приводит автора к выводу о том, что она адекватно соответствует социально-экономическим и культурно-историческим условиям китайского общества. Вместе с тем политика реформ и открытости, опыт модернизационного развития Китая представляет несомненный интерес для других стран, прежде всего, для России, поскольку в недавнем прошлом у двух стран было много общего – схожесть общественно-политического строя, плановая экономика, закрытость от внешнего мира. Поэтому было бы вполне закономерно, если бы и советское руководство в 1985–1991 гг., а позднее и руководители России обратились к опыту китайской модернизации. Однако к большому сожалению, этого не произошло и не происходит до сих пор. В обоих случаях причина подобного положения заключается в нахождении у власти в Китае Коммунистической партии. Пролиберальная ориентация властвующей политической элиты России мешает трезво взглянуть на положение в соседней стране, непредвзято оценить ход и результаты китайских реформ и при необходимости извлечь полезные уроки для модернизации в России.

Китайский опыт отвергается под различными благовидными предложениями: в одной случае – из-за недемократичности политического режима в КНР, в другом – из-за якобы имеющей место разнонаправленности курса реформ, в третьем – из-за различий в менталитете обоих народов, в четвертом – из-за интересов государственной безопасности, обусловленной растущей военной мощью Китая. Все эти аргументы используются для того, чтобы сделать вывод о невозможности заимствования каких-либо элементов китайского опыта. Эксперты, работающие в соответствующих научно-исследовательских центрах и обладающие информацией о социально-экономической ситуации в Китае, постоянно ставят вопрос о необходимости обратить внимание на опыт китайских реформ, полезные моменты, содержащиеся в китайской модернизации, однако лица во властных структурах, принимающие политические решения, остаются глухи к их предложениям и советам. Все масштабные экономические проекты, осуществлявшиеся и осуществляемые в России в постсоветский период, в той или иной степени носят на себе явный отпечаток западных экономических моделей.

Отмечая, что было бы неправильно копировать китайский опыт как, впрочем, и западный, Я.М.Бергер в то же время подчеркивает, что не может быть плодотворной и «позиция тех, кто отказывается признавать значение китайского опыта, полагая, что он далеко уступает по своей конечной эффективности единственно правильному, а именно – западному пути. Это путь отказа от государственного регулирования экономики в пользу свободы рынка. Любое намерение модифицировать такой подход применительно к специфике исторических условий объявляется бесперспективным. Исходя из такой презумпции, Китаю год за годом предрекают неминуемый экономический крах»²⁹. В 2001 г. была опубликована книга американца китайского происхождения Гордона Чана «Грядущий коллапс», где Китаю предсказывался крах в течение ближайших 5–6 лет³⁰. Однако вот уже прошло 10 лет, а краха китайской экономической и политической системы не наступило. Такие же пессимистические прогнозы высказывал три года назад американский аналитик Тим Кейн³¹, который писал, что у китайского государственного корабля великолепные паруса, но бумажный корпус, который не в состоянии противостоять встречным ветрам (спадам в национальной экономике).

Соглашаясь со спецификой осуществления реформ в Китае, следует вместе с тем указать на девять черт китайских реформ, имеющих мировоззренческое и методологическое значение для разработчиков аналогичных реформ в России: первая и главная черта – их гармоническое цельное единство, тесно сопряженное с историческими, культурно-цивилизационными, геополитическими, социально-экономическими условиями и факторами; вторая черта – наличие рассчитанной на длительную перспективу генеральной стратегии реформ; третья черта – прагматичность реформ, их деидеологизация; четвертая черта – изменение соотношения политики и экономики в пользу последней; пятая черта – комплексность и взаимодополняемость реформ; шестая черта – их сугубая осмотрительность, поступательность и непрерывность; седьмая черта – использование для экономического роста промежуточных моделей; восьмая черта – сочетание рыночных преобразований с внешней открытостью; девятая черта – способность реформаторов видеть негативные последствия реформ, учиться на своих ошибках, исправлять их и преодолевать частичные кризисы,

и десятая черта – постепенность в проведении реформ, последовательный переход от одного этапа к другому³². В условиях перехода китайской экономики к новой парадигме экономического роста вышеперечисленные мировоззренческие и методологические аспекты реформ не только сохраняют, но и многократно усиливают свое значение. А, следовательно, они будут представлять для России все больший интерес.

Отмеченные выше черты китайских реформ дают цельное представление об их содержании, особенностях, целях и направленности. Их авторы **исходили из конкретных условий китайского общества, менталитета китайской нации, ее истории**, поэтому при всех зигзагах и поворотах модернизация экономической и политической систем шла по нарастающей, без крупных потрясений. В этом принципиальное отличие от российских реформ, ибо в России, как известно, был избран метод «шоковой терапии», который привел к деиндустриализации, обнищанию громадного большинства населения, падению интеллектуального, научного потенциала. Идеологи российских реформ находились в плену утопических представлений о рыночных отношениях – «рынок все расставит по своим местам». Что из этого получилось, известно. (Интересно отметить, что китайские эксперты негативно оценивают метод «шоковой терапии» Гайдара.) Дискуссия о соотношении рынка и государственного регулирования во властных структурах продолжается до сих пор. Китайский опыт, несомненно, был бы полезен в принятии правильного решения, ибо он показал, что только сильная ответственная власть, удовлетворяющая потребности различных социальных групп и реализующая их интересы, может обеспечить нормальное функционирование экономической системы общества переходного периода, каким является российское. Но сильная власть должна быть не самоцелью, а инструментом экономического строительства, обеспечения экономического роста. В отличие от России в Китае политическая стратегия руководства в области экономики выражается в пятилетних планах, которые, конечно, принципиальным образом отличаются от тех, которые принимались в годы, предшествующие реформам. Теперь они не носят всеобъемлющий характер, а содержат директивы по выполнению показателей, имеющих стратегическое значение. Одновременно сохранены ежегодные отчеты правительства перед

парламентом с их подробным обсуждением среди депутатов и с возможностью внесения соответствующих поправок. Подобной практики нет ни в Государственной Думе, ни в Совете Федерации Российской Федерации.

Экономические достижения Китая привели к «возвышению» его роли в международных отношениях, превращению в мировую державу. В связи с этим некоторые политики и ученые, как на Западе, так и в России стали утверждать о некоей угрозе с его стороны мировому сообществу и, в частности, России. По мнению М.Л.Титаренко, для подобных утверждений характерен упрощенческий подход к оценке возросшей роли Китая в международных отношениях. По его словам, «решение грандиозных внутренних проблем и рост совокупной мощи КНР возможны лишь в условиях сотрудничества со всеми странами, интеграции Китая в мировое экономическое пространство в условиях глобализации, в обстановке соразвития всех государств мирового сообщества»³³. Решение проблем модернизации Китая – страны с более чем миллиардным населением требует длительного времени и стабильно мирных условий, ибо успешный рост Китая невозможен в условиях упадка всего мирового сообщества. Действия китайского руководства в период недавнего мирового экономического кризиса, когда оно фактически поддержало финансовую систему США, убедительно свидетельствует об этом.

Вместо заключения

Подводя итоги рассмотрению политической стратегии китайского руководства, следует обратить внимание на следующие моменты.

Во-первых, принимаемые в Китае на любом уровне политические решения являются плодом коллективного творчества, результатом длительного серьезного обсуждения, в котором принимает участие большое количество людей. Как мы уже отмечали выше, при партийных и государственных органах существуют специальные исследовательские центры, занимающиеся аналитической работой, изучением реальной политической, экономической и духовной ситуации. При этом таких центров несколько – в результате руководители, принимающие решения, имеют возможность ознакомиться с различными точками зрения на одну и ту же проблему.

Благодаря такому механизму подготовки и принятия решений в Китае за годы реформы появились без преувеличения можно сказать, целая армия серьезных аналитиков, хорошо разбирающихся в различных факторах, влияющих на внутреннее развитие страны, в сложных хитросплетениях международных отношений. Тем самым исключается возможность принятия скоропалительных решений, могущих принести непоправимый ущерб.

Во-вторых, о коллективном характере принимаемых решений красноречиво свидетельствует сама практика их озвучивания – первое лицо в партийно-государственной иерархии любого уровня, как правило, выступает не от своего, личного имени или должности, а как представитель партийного или государственного органа. Это можно увидеть и на вербальном уровне в употребляемой лексике. Любой руководитель, в том числе и первое лицо государства – председатель КНР, генеральный секретарь ЦК КПК, не говорит: «Я принял решение», он выражается следующим образом: «Мы решили, Центральный комитет партии решил и т. п.».

В-третьих, китайские руководители любого уровня, в том числе высшего уровня, регулярно встречаются с учеными-специалистами в различных областях гуманитарного знания. Вот уже в течение нескольких лет при Политбюро ЦК КПК работает постоянный теоретический семинар, на заседаниях которого примерно один раз в месяц организуются выступления ведущих представителей академической и вузовской общественности по актуальным теоретическим и политическим проблемам. Тем самым члены китайского руководства имеют возможность получать ответы на интересующие их вопросы, пополнять свои знания о них.

В-четвертых, принимаемые политические решения не допускают возможности разночтений. Осуществляемая в ходе их подготовки громадная аналитическая работа естественно предполагает столкновение различных точек зрения, серьезные и бурные дискуссии, но после выработки единого подхода, единой линии, какие-либо отступления от них невозможны, все руководители, например, президент и премьер-министр «говорят на одном языке», не допускающем разных толкований.

В-пятых, все принимаемые политические решения носят, если так можно выразиться, «прокитайский характер». При их выработке, конечно, используется опыт политического и экономического

развития других стран, более того, отдельные конкретные решения по экономическим вопросам принимаются после консультаций с зарубежными экспертами, однако окончательное слово во всех случаях остается за китайскими специалистами. Кроме того, учитывая специфику своей страны, ее исторического развития, китайское руководство решительно отвергает западную интерпретацию таких элементов политической системы, как многопартийность, разделение властей, прямые выборы на всех уровнях и т. п. Оно справедливо мотивирует это тем, что механическое перенесение этих элементов на китайскую почву может привести к политической нестабильности, и, в конечном счете, к развалу государства.

В последние годы китайское руководство неоднократно говорит о необходимости осуществления политических реформ, проводит в этом направлении определенные мероприятия, однако для него реформа политической системы не сводится лишь к электоральному процессу, а имеет гораздо более широкий смысл. По словам Вэнь Цзябао, подобная реформа должна проводиться согласованно с экономической реформой. Они взаимосвязаны, самая главная опасность для существующего в Китае режима заключается в коррупции, для ликвидации которой как раз и необходима реформа политической системы. «Для устранения недовольства народа, осуществления его надежд необходимо создавать соответствующие условия, а они заключаются в том, чтобы народ мог критиковать и контролировать правительство», говорит премьер китайского правительства³⁴. Он подчеркивает, что справедливость и честность являются коренными качествами социализма, а также основой социальной стабильности. В обществе существуют серьезные проблемы, требующие своего решения – неравенство в доходах, получении образования и медицинских услуг, что требует одновременного проведения реформ в экономической и политической областях. В содержание подлинной демократии, по мнению Вэнь Цзябао, входит также доступ граждан к образованию, возможность обладать «самостоятельным мышлением и творческим духом, быть активными». В настоящее время в Китае осуществляется система прямых выборов народных собраний в уездах, в деревнях – в системе местного самоуправления, а во всех остальных административных единицах – от городов и выше выборы по-прежнему не прямые. В Центральном Комитете партии выборы

проходят на альтернативной основе. Мы считаем, что демократизация политической жизни, в том числе системы выборов – это последовательный, постепенный процесс, подчеркивает Вэнь Цзябао. Мы верим в то, что массы могут хорошо управлять деревней, волостью, уездом, но для этого нужно время. «Осуществлять реформу политической системы в такой большой стране как Китай, где население составляет 1 млрд 300 млн человек – нелегкое дело, необходима стабильная, гармоничная социальная обстановка и руководство со стороны компартии», заключает он.

В-шестых, китайское руководство жестко реагирует на действия иностранных государств, затрагивающие национальное достоинство страны, естественно, проявляя гибкость и соразмерность со своими военно-политическими возможностями. Приведем лишь несколько примеров. Когда Франция приняла решение о поставке Тайваню нескольких морских фрегатов, Китай немедленно разорвал контракт с ней на поставку вагонов для строящегося шанхайского метро и передал его Германии. Другой пример. Во время бомбардировок авиацией НАТО Белграда в мае 1999 г. от американских бомб, попавших в здание китайского посольства, погибло несколько китайских журналистов. Помимо того, что в крупных городах были организованы массовые антиамериканские демонстрации, в аэропорту Пекина были организованы торжественная церемония встречи тел погибших, а затем митинг протеста в здании парламента, в обоих случаях участие в них приняли высшие руководители государства.

В-седьмых, в китайской политической практике всегда существовала традиция обращения к историческому прошлому, ссылки на авторитет и деяния исторических персонажей, использование изречений мудрецов и мыслителей прежних эпох, прежде всего, конечно Конфуция, но не только его. Подобная традиция, которая имеет многовековые корни, продолжалась вплоть до 1949 г., т. е. до прихода к власти коммунистов. После этого политический лексикон официальных лиц и средств массовой информации основывался в основном на марксистской терминологии, на изречениях классиков марксизма. Однако и тогда нередко были случаи, когда в общественно-политических кампаниях имело место обращение к фигурам из прошлого, достаточно назвать кампанию «Критики Линь Бяо – Конфуция» (1974 г.).

В рамках нового этапа «китаизации» марксизма³⁵, начавшегося после завершения «культурной революции», постепенно набирает силу процесс обращения к традиционным духовным ценностям, идеям конфуцианства. Это выражается в использовании терминологии, понятий конфуцианских сочинений, причем не только руководителями партии и государства. Они входят и в тексты официальных документов, носящих программный характер. Мы имеем, прежде всего, термин «сяокан» – буквально «малое благополучие», «малое процветание». В современной китайской лексике этот термин обозначает «средний достаток», «достижение среднего достатка». Впервые в официальной лексикон его ввел Дэн Сяопин в 1979 г., когда говоря о четырех модернизациях (модернизации экономики, политики, науки и военного дела) заявил, что целью ее является построение общества сяокан. Как пишет российский китаевед К.М.Барский, «сяо-кан» стал для китайской цивилизации заимствованным у предков неким трамплином для созидания нового»³⁶.

Впоследствии термин «сяокан» вошел в документы пленумов и съездов Компартии Китая, он стал интерпретироваться как общество, где ликвидирована бедность и существует комфортная, но не расточительная жизнь населения.

Использование в официальной пропаганде традиционной терминологии свидетельствует о том, что китайские коммунисты тем самым подчеркивают связь своей идеологии с историческим прошлым страны, ее национальный характер.

В-восьмых, необходимо отметить также, что в Китае проводится продуманная политика в отношении недавнего прошлого и связанных с ним трагических событий, оценки деятельности деятелей КПК, прежде всего Мао Цзэдуна. Это сделано как в интересах сохранения политической и социальной стабильности, так и в целях мобилизации усилий всего общества на «осуществление социалистической модернизации». Как показало дальнейшее развитие событий, это был правильный, дальновидный шаг.

В-девярых, исполнение политических решений китайского руководства носят системный характер, существует строгая координация деятельности различных структур власти, которая, как правило, не требует «ручного управления». В Китае все звенья партийно-государственного механизма, насколько

это возможно, работают слаженно. Вот почему китайскому руководству удастся своевременно реагировать на возникающие кризисные явления и не доводить их до уровня, опасного для стабильности государства.

В-десятых, в Китае сложилась стройная система обновления партийных и государственных кадров. Прежде всего, необходимо отметить постепенный рост кадровых работников в служебной иерархии – занятие более высоких должностей, обязательно связано с нахождением в течение определенного количества лет на низовой работе. Поэтому случайных людей в органах власти практически нет. Кроме того, все кадровые работники – вне зависимости от занимаемой должности – проходят подготовку или переподготовку в партийных и административных учебных заведениях на местах и в Центре. Широко практикуется изучение зарубежного опыта управления, в том числе и путем отправки на стажировку за границу, не исключая и капиталистические страны; наконец, осуществляется практика постоянной ротации кадров, включая кадры высшего уровня. Так, уже задолго до XVI съезда КПК (октябрь 2002 г.) было известно, что вместо уходящих по возрасту Цзян Цзямина и Чжу Жунцзи новым генеральным секретарем партии и председателем КНР станет Ху Цзинтао, а премьер-министром Вэнь Цзябао. Точно также задолго до XVIII съезда КПК (осень 2012 г.) стало известно, что Ху Цзинтао и Вэнь Цзябао заменят соответственно Си Цзинпин и Ли Кэцян.

Подобный порядок ротации партийных и государственных кадров, включая самых высших должностных лиц, безусловно обеспечивает политическую и социальную стабильность в партии, государстве и стране.

В-одиннадцатых, следует отметить, что стиль общения китайских руководителей с населением страны в последние годы становится все более демократичным, они регулярно посещают различные районы страны с инспекционными поездками. К примеру, Вэнь Цзябао уже второй год подряд проводит встречи в Интернете с блогерами, во время которых он откровенно говорит о проблемах, волнующих различные слои общества, – цены на продукты питания и недвижимость, коррупция, образование и здравоохранение, трудоустройство, справедливость в распределении доходов, воспитание молодежи и т. д.

Во время последней беседы с блогерами Вэнь Цзябао откровенно признал, что есть два фактора, которые серьезно угрожают общественной стабильности и политической власти – коррупция и цены, ибо обе эти проблемы непосредственно связаны с повседневной жизнью людей. «Я каждый день смотрю индекс цен, более того, особенно внимательно смотрю, сколько сегодня стоит один цзинь первосортного риса (цзинь – мера веса, равная 0,5 кг. – *В.Б.*), один цзинь скороспелого риса, один цзинь муки; я должен смотреть также сколько стоит свинина, говядина, овощи. Я знаю, что цены влияют на жизнь людей»³⁷, говорил Вэнь Цзябао. Поэтому, продолжал он, меры по предотвращению инфляции являются важной задачей, необходимо предотвратить быстрый рост цен, это позволит создать благоприятные условия для развития экономики.

Члены китайского руководства неоднократно подчеркивают необходимость справедливого распределения общественного богатства, образно называемого «пирожным», ибо, если оно находится в руках небольшого количества лиц, такое общество не только несправедливо, но и нестабильно. По выражению Вэнь Цзябао, если «ответственность за создание большого общественного богатства – этого “пирожного” лежит на правительстве, то его правильное распределение является совестью правительства»³⁸.

Поскольку Вэнь Цзябао, как впрочем и другие китайские руководители, в своих выступлениях часто использует выражения из древних текстов, во время встречи с блогерами ему был задан вопрос относительно его отношения к книгам. Суждения китайского премьера настолько интересны, что их следует привести. По его мнению, книга имеет прямое отношение к жизни человека. Конечно, рассуждал он, книга сама по себе не может изменить мир, однако она может изменить жизнь человека, который может изменить мир. Чтение книг влияет на идейный мир человека, его воспитание, качество нации, процветание и развитие государства. У человека, не читающего книг, нет перспектив, как нет их у нации, не читающей книг.

В заключение следует подчеркнуть, что именно благодаря наличию продуманной политической стратегии китайское руководство успешно решает задачи модернизации всех сфер общества – от экономики до культуры и международных отношений.

Примечания

- 1 См.: Духовная культура Китая: Энцикл. Т. IV. М., 2009. С. 521.
- 2 Цит. по: *Усов В.Н.* История КНР. Т. II. М., 2006. С. 349.
- 3 Цит. по: *Бородич В.Ф.* Проблемы трансформации политической системы России и Китая (конец XX – начало XXI вв.): опыт сравнительного анализа. М., 2008. С. 139.
- 4 Цит. по.: Независимая газ. 27.06.2006.
- 5 Подробнее об этом: *Буров В.Г.* Современный Китай: государство, развитие демократии и формирование гражданского общества // Современное государство, социум, человек: российская специфика. М., 2010. С. 181–242.
- 6 В начале 2003 г. при посещении Центра по изучению развития при Шанхайском правительстве его руководитель проф. Ван предсказал и убедительно доказал членам российской делегации, одним из которых был автор данной статьи, неизбежность и сроки американского вторжения в Ирак.
- 7 *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008. С. 86.
- 8 Там же. С. 136.
- 9 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 152.
- 10 См.: Гуанмин жибао. 15.03.2011.
- 11 *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008. С. 217.
- 12 Там же. С. 63–64.
- 13 См.: Коммюнике III пленума ЦК КПК 11-го созыва (23 ДЕКАБРЯ 1978 Г.). Агентство Синьхуа (русский текст). С. 3.
- 14 Там же. С. 3–4.
- 15 Цит. по кн.: Творцы истории. Минск, 2002. С. 231–232.
- 16 Там же. С. 223.
- 17 *Бергер Я.М.* Экономическая стратегия Китая. М., 2009. С. 304.
- 18 См.: Там же. С. 306.
- 19 См.: *Вэнь Цзябао.* Доклад о работе правительства. Русский текст агентства Синьхуа. С. 6.
- 20 Там же. С. 39.
- 21 Там же. С. 5.
- 22 См.: Там же. С. 26.
- 23 См.: Там же. С. 22.
- 24 Сайт китайского правительства. Сайт Агентства Синьхуа 27 февраля 2011 г. С. 4 (на кит. яз.).
- 25 Там же. С. 18.
- 26 *Бергер Я.М.* Экономическая стратегия Китая. С. 147.
- 27 Там же. С. 162.
- 28 Там же. С. 165.
- 29 Там же. С. 494.
- 30 Мою рецензию на эту книгу см.: Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 1.

- ³¹ Kane T. The coming Chinese slowdown: resolving the paradox of freedom and growth ([www/heritage.org/research/tradeandforeignaid/wm1375.sfm](http://www.heritage.org/research/tradeandforeignaid/wm1375.sfm)).
- ³² Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. С. 496–504.
- ³³ Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008. С. 250.
- ³⁴ См.: Гуанмин жибао. 15.03.2011.
- ³⁵ Китаизация марксизма неявно началась еще на рубеже 30-40-х гг. прошлого столетия, однако после завоевания КПК государственной власти этот процесс был в известной степени остановлен, в 1960–1970-е гг. КПК и Мао Цзэдун выступали в качестве ревнителей ортодоксального марксизма.
- ³⁶ См.: Восток. 1992. № 5.
- ³⁷ Сайт китайского правительства, сайт Агентства Синь хуа, 27.02.2011. С. 15 (на кит. яз.).
- ³⁸ См.: Там же. С. 9.

Содержание

Предисловие	3
<i>В.Н.Шевченко</i>	
Вектор развития российской цивилизации и политические стратегии власти	11
<i>В.И.Спиридонова</i>	
Московское царство как прообраз политических стратегий русского государства	71
<i>Р.И.Соколова</i>	
Явное и неявное в политической стратегии.....	131
<i>В.Г.Буров</i>	
Политические стратегии китайского государства (в сопоставлении с российским опытом)	191

Научное издание

Политические стратегии российского государства как философская проблема

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор: *А.А. Гусева*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 12.07.11.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 15,00. Уч.-изд. л. 12,65. Тираж 500 экз. Заказ № 025.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Е.Н. Платковская*

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14, стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:

<http://iph.ras.ru/arhive.htm>

Готовятся к печати

1. *Артемяева О.В.* Английский этический интеллектуализм XVIII–XIX вв. [Текст] / О.В. Артемяева ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2011. – 196 с.
2. Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 5 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Ф.Г. Майленова. – М.: ИФРАН, 2011. – 252 с.
3. *Кузнецов М.М.* Опыт коммуникации в информационную эпоху. Исследовательские стратегии Т.В. Адорно и М. Маклюэна [Текст] / М.М. Кузнецов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2011. – 143 с.
4. Политико-философский ежегодник. Вып. 4 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.К. Пантин. – М. : ИФРАН, 2011. – 203 с.